

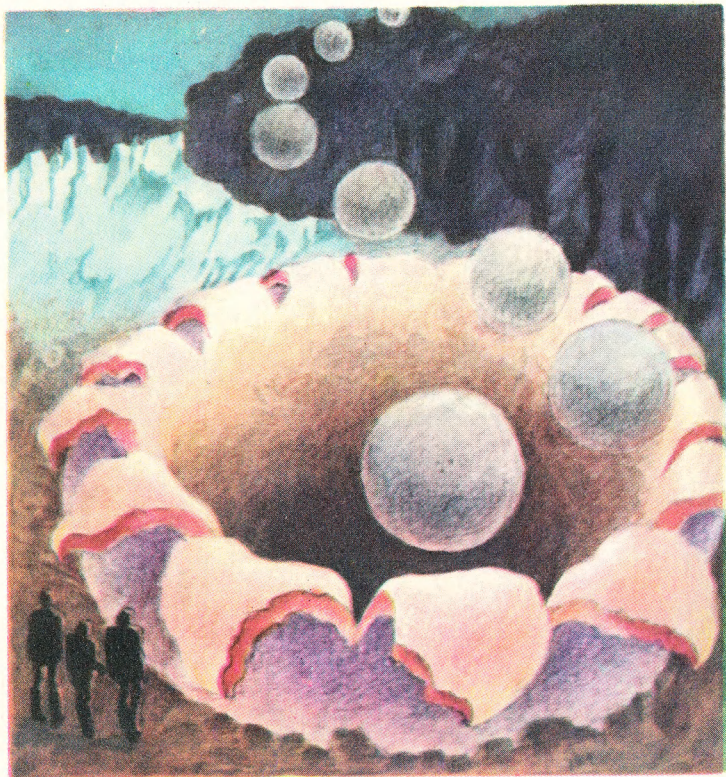
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР БУЛЫЧЕВ

ПЕРЕВАЛ

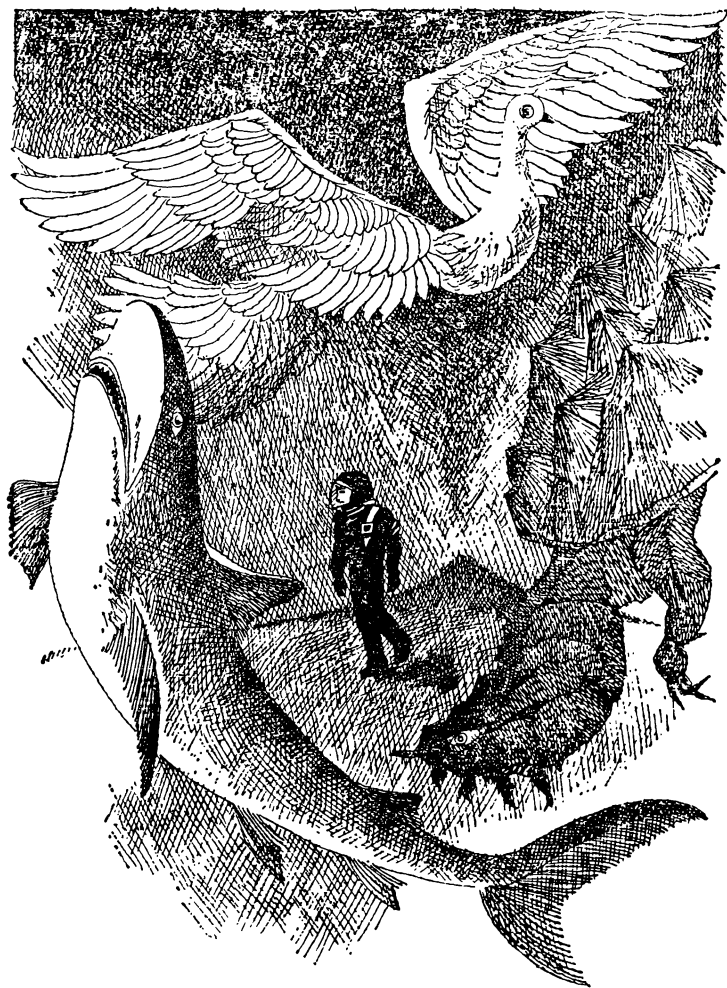
КИР БУЛЫЧЕВ ПЕРЕВАЛ

КИР БУЛЫЧЕВ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР БУЛЫЧЕВ

ПЕРЕВАЛ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1983

84P7
Б 90

Булычев К.

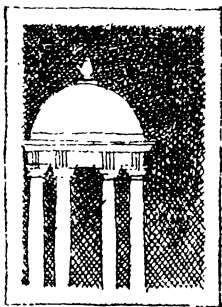
Б 90 Перевал. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 352 с.,
ил. — (Б-ка сов. фантастики).

1 р. 10 к. 100 000 экз.

Повести, вошедшие в сборник советского писателя-фантаста, рассказывают о завтрашнем дне науки и техники, о работе ученых-исследователей. Книгу объединяет общая для всех повестей тема — морально-этические проблемы в жизни общества.

Б 4702010200—067
078(02)—83 88—82

ББК 84P7
P2

**ЦАРИЦЫН
КЛЮЧ**

Некогда, при царе Алексее Михайловиче, Нижнесотвинск чуть было не стал настоящим городом. Но постепенно другие уральские города отобрали у него население и славу. Рудознатцы не отыскиали там железа и самоцветов, а железная дорога прошла на сто верст южнее. Так, в обидах и небрежении, Нижнесотвинск дожил до наших дней, едва выслужившись до районного центра. И то лишь потому, что район был слишком отдаленным: в нем не нашлось больше ни одного города.

Когда Элла Степановна сошла с запыленного автобуса на центральную площадь, она прониклась к Нижнесотвинску состраданием. Он показался ей похожим на старую деву, потерявшую надежду на личное счастье.

Элла Степановна поправила непокорные рыжеватые волосы и обернулась к автобусу, опасаясь, что Андрюша и Вениамин обязательно что-нибудь забудут. В экспедиции кто-то должен следить за порядком, а кто-то должен все терять. К сожалению, за порядком приходилось следить Элле, а все теряли остальные.

На размякшую от жары, штопаную асфальтовую мостовую легко прыгнул Андрюша с двумя чемоданами и гитарой через плечо. Элла Степановна подумала, что, будь она его матерью, обязательно заставила бы постричься. Выгоревшие, до плеч патлы в сочетании со слишком потертыми джинсами вызывают к юноше недоверие.

Андрюша поставил чемоданы на асфальт, глубоко вздохнул, обвел ленивым синим взглядом площадь, окруженную разного возраста и сохранности двухэтажными домами.

— Помоги Вениамину, — сказала Элла Степановна. Вениамин как раз застрял в двери автобуса, закли-

нившись рюкзаком, и старался освободиться, не потеряв чувства собственного достоинства. Он был крайне самлюбив и легкораним, как и положено аспиранту, который отлично играет в шахматы, но всю жизнь мечтал стать боксером.

Андрюша вместо того, чтобы помочь старшему товарищу, глупо захохотал. Спасибо, старушка, которая ждала очереди выйти из автобуса, сильно толкнула Вениамина в спину, и тот вылетел прямо в руки Андрюше. Тут же резко вырвался и намеревался обидеться, но Элла Степановна мудро пресекла эту попытку, спросив:

— Где синяя сумка?

— Я так и знал, — сказал Андрюша и полез в автобус.

Через полчаса фольклорная экспедиция сидела в столовой № 1 Нижнесотьвинского райпищеторга, ела пельмени, запивала компотом и размышляла, что делать дальше.

Последние восемьдесят километров до Полуехтовых Ручьев оказались самым трудным участком тысячекилометрового пути. Автобус туда не ходил, попутных машин не нашлось.

Рядом уселся местный доброхот Гриша Пантелсеев в белой фуражке. Пантелеев был пессимистом.

— Нет, — говорил он, прихлебывая теплое пиво, — до Ручьев вам не доехать. И не надейтесь. Это я точно говорю. Легче обратно в Свердловск. Я как-то в Ручьи собрался за малиной, малина там как яблоки, три дня попутки ждал, плюнул. И вам советуую.

— Разве туда машины не ходят? — спросила Элла Степановна, которая была убеждена, что машины ходят всюду.

— Ходят, — согласился Гриша. — Прямо отвечу — ходят. Молоко оттуда возят, в кружевную артель ма-

шина ходит. Ревизия в том месяце ездила тоже на машине.

— Почему ревизия? — спросил Андрюша. — Воруя?

Пантелеев удрученно поглядел на Андрюшины патлы и ответил Элле Степановне:

— Темный они там народ. Уже третий раз скандал. Молоко привезут, а встрясти не могут.

— Простокваша? — спросил Андрей.

— Масло, — ответил Пантелеев Элле Степановне. — Чистое масло. Наверное, вредители.

— Дорога плохая, — сказал Вениамин. — Происходит сепарация жиров.

— Дорога разная, — возразил Пантелеев. — Но, вернее всего, воруют. Клюкву видали? Клюква как помидор. Зачем это клюкве?

— А сегодня больше машин туда не будет? — спросил Вениамин.

Вениамину Пантелеев отвечал. Вениамин был в очках.

— Не надо вам туда, — сказал он. — Раз вы песни и сказки собираете, оставайтесь здесь. Лучше места нету. Посидим, поговорим, я вам такие песни спою — ахнете! Я узбекские знаю и итальянские. Композитора Пахмутову пою. Хотите, исполню? Магнитофон с собой?

— Спасибо, не надо, — сказала Элла Степановна терпеливо. — Нижнесотьвинск уже охвачен. Нас интересует именно фольклор Полуехтовых Ручьев.

— Это последнее «белое пятно» на фольклорной карте Урала, — добавил Вениамин.

— Понимаю, — сказал Пантелеев, — как не понять. Пускай остаются «белым пятном». Чего их жалеть? Вы лучше послушайте...

И Пантелеев запел бодрую молодежную песню, размахивая не в такт пивной кружкой. Девушка за буфетной стойкой крикнула:

— Пантелеич, уймись!

— Мы фольклор собираем, — возразил Пантелеев. — Сейчас все вместе споем, а экспедиция на магнитофон запишет. Ты, Вера, слова знаешь?

Он поднялся, отошел к стойке и стал напоминать буфетчице слова.

Вениамин пожал плечами, Андрюша сказал:

— Может, сбежим? Я с шофером на площади потолкую. А то пешком пойдем. Восемьдесят километров не расстояние для энтузиастов.

— Убежим, — согласилась Элла Степановна.

Но тут дверь в столовую распахнулась, и вошли два человека.

Первый, с толстым портфелем в руке, был высок ростом, немного сутул и предупредителен в движениях. Даже в такую жару он оставался в темном костюме, сиреневой сорочке и вишневом галстуке. У него было длинное, очень белое лицо, ровно расчерченное поперечными полосками — полоской рта, полоской усов, полоской темных глаз и полоской тонких, сросшихся над переносицей бровей.

Вслед за ним шел богатырь в мятых просторных брюках и серой рубашке с закатанными рукавами. У богатыря было розовое младенческое лицо, голубые глаза навывкате и мокрые губы. Пшеничные кудри прилипли ко лбу.

Они подошли к стойке и остановились перед ней, как нью-йоркские миллионеры перед витриной ювелирного магазина — небрежно, лениво, все по карману, все доступно.

— Рыбки не привезли? — ласково спросила буфетчица.

— Рыбки нету, Вера, — печально ответил высокий.

— Гурген спрашивал, — сказала Вера, глядя на богатыря.

Богатырь отеснил локтем Пантелеева и приказал:

— Печенья «Юбилейного» три пачки, полкило лимонных, бутылку шампанского. Гургену скажешь, что в четверг. — Потом обернулся к высокому и спросил: — Эдик, шампанское будешь братъ?

И тут в разговор вмешался Пантелеев.

— Слушай! — закричал он взволнованно. — Все правильно! Я же предупреждал!

Богатырь, не обращая на него внимания, раскрыл бумажник и стал считать деньги.

— Ты не отворачивайся, не отворачивайся, — обиделся Пантелеев. — Люди из Свердловска к тебе ехали, с трудом разыскали.

— Вы к Васе? — спросил высокий Эллу Степановну.

— Я им так и говорю, — сказал Пантелеев. — До Ручьев вам в жизни не доехать. Нет такой сказки. Если только, говорю, Эдуард с Васей захватят.

— Вы из Полуехтовых Ручьев? — догадалась наконец Элла Степановна. — И у вас есть машина?

Губы Эдуарда растянулись в улыбке.

— В гости? — спросил он. — Или по делу?

Богатырь Вася приоткрыл рот, думал и показывал выражением лица, что экспедиция ему не нравится.

— Мы фольклорная экспедиция, — сказала Элла.

— Нет, — сказал Вася, — наша машина вам не подойдет.

— Ты что! Ты что! — возмутился Пантелеев. — Они песни собирают. Я тут им одну напел.

— Нам все равно! — вмешался Андрюша. — Хоть на танке.

— Танков у нас нет! — Высокий Эдуард направился к Элле, протягивая узкую руку. — Но чем можем, готовы помочь. Всегда готовы. Винокуров Эдуард Олегович, временно проживаю в деревне Полуехтовы Ручьи. Можно сказать, местная интеллигенция. Значит, за песнями?

— За песнями тоже. — И Элла представила ему спутников.

— Это изумительно, превосходно! — обрадовался Эдуард. — У нас в деревне чудесные песни. Старухи помнят. И молодежь тоже. Надолго к нам?

— На месяц, если все пойдет как надо.

— Спасибо, — сказал Эдуард, — нашей науке, что не забывает об отдаленных поселениях. У нас и сказки бытуют. Или вы сказками не интересуетесь?

— Груз у нас в кузове, — сказал богатырь Вася. — Тесно.

— В тесноте, — назидательно обернулся к нему Эдуард, — но не в обиде. Элле Степановне уступим место в каюте. Товарищи, вы закончили питание?

— В любой момент готовы в море, — не выдержал Андрюша.

Элла Степановна окатила его холодным взглядом, Вениамин толкнул острым локтем, а Эдуард положил на плечо руку и сказал:

— Замечательно. Отличная у нас растет молодежь, смелая, решительная! Ты в какой класс перешел?

— На второй курс, — сказал Андрюша и осторожно двинул плечом. Эдуард руку убрал и посмотрел на электронные часы.

— Сбор на площади, — сказал он. — В семнадцать сорок пять. Успеете, коллеги? Где ваше оборудование? Приборы? Багаж?

— Все здесь, — нежно ответила Элла Степановна. — Только вы без нас не уезжайте, пожалуйста.

Брови Эдуарда поползли вверх, остановились, сломались пополам, лицо стало скорбной, трагической маской.

— Не смейте так думать! — сказал он тихо. — Пошли, Вася.

Богатырь Вася прижал к груди пачки с печеньем и

шампанским и повернул к фольклористам неодобрительную спину.

Элла гусыней увела своих юношей обратно к столу, а Пантелеев покинул стойку и, высоко неся пивную кружку, приблизился к ним:

— За здоровье присутствующих здесь дам! И... что бы вы без меня делали?

Тогда Андриюша достал из кармана значок с изображением Карлсона, который живет на крыше, и торжественно приколот к груди Пантелеева. Тот не обиделся, выпятил грудь, чтобы Андриюше было сподручнее прикалывать, и косил глазом, забыв о кружке, из которой лилось на пол пиво.

2

Грузовик из Полуехтовых Ручьев стоял у приземистого кирпичного собора, над которым кружились галки. Из-за зеленого борта кузова торчали крышки молочных бидонов. Вениамин подавал снизу вещи, Андриюша забрался внутрь и принимал их, а Элла Степановна вслух считала, чтобы ничего не забыть. В голове Вениамина зрело элегантное решение известной задачи Шлеппентоха с жертвой двух коней, но он отгонял решение и старался дышать редко и глубоко по рецепту йога Рамакришнадэвы.

Подожли Эдуард с Васей. Они тащили за рукоятки еще один бидон. Эдуард издали помахал свободной рукой, радуясь встрече. Вася глядел вдаль. Поставив бидон на асфальт, они перевели дух, и Эдуард спросил:

— Мы вас не заставили ждать?

— Что вы! — возразила Элла Степановна. — Не о чем говорить.

— Замечательно! Через двенадцать минут в путь.

Элла Степановна в каюте, а я с молодыми людьми на верхней палубе. Возражений нет?

— Я пошел, — сказал Вася.

— Замечательно. Иди. И возвращайся. Даю тебе четыре минуты.

Эдуард обернулся к Элле и разъяснил:

— Обязательные закупки. Жизнь в отдаленной деревне обрекает нас на выполнение отдельных поручений наших земляков.

— Разумеется, — согласилась Элла Степановна.

— А теперь, — Эдуард потер ладони, — наша насущная задача — поставить бидон в кузов так, чтобы его не опрокинуть. Могу ли я рассчитывать на помощь моих молодых коллег?

Андрюша ринулся к бидону, но Вениамин отстранил его.

— Я сам, — сказал он. Сказал сурово, просто, по-мужски.

Андрюша не стал спорить, он вспомнил, что забыл купить сигареты, и помчался через площадь к магазину — патлы веером, а Эдуард крикнул весело вслед:

— Имеешь три минуты! Море не любит опоздавших!

— Есть, капитан! — ответил на бегу Андрюша.

Эдуард поднял тяжелый бидон, протянул к небу, будто посвящал его в жертву Солнцу, а Вениамин, перегнувшись из кузова, принял груз. При этом он сильно рванул на себя, подошвы скользнули. Вениамин сел в кузов, крышка бидона отлетела, сам бидон ухнул по мягкому, придавив аспиранта, и на несколько секунд грянуло тяжелое безмолвие неизвестности.

Тишину нарушил стук капель. Темная жидкость, проникнув между досок кузова, выбивала дробь по асфальту, расплывалась в зловещую чернильную лужу.

— Кровь, — прошептала Элла Степановна, — человеческая кровь.

Шепот ее был громок и страшен. Кричали галки.

— Нет, — ответил тоже шепотом Эдуард, — это, наверное, не кровь...

Из кузова донесся удар, потом слабый голос Вениамина:

— Почти ничего не пролилось.

— Ты поврежден? — спросила Элла Степановна, поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через борг. Эдуард обнял женщину и приподнял.

— Спасибо, — сказала Элла, не оборачиваясь. Все ее внимание было устремлено внутрь кузова.

— Я цел, — сказал Вениамин, закрывая бидон.

Он поднялся. Элла в ужасе запрокинула голову.

Лицо Вениамина было разделено пополам широкой черной вертикальной полосой, которая продолжалась на рубашке и, раздваиваясь, нисходила по брюкам. Руки были черными по локоть.

— Что с тобой, мой мальчик? — Элла Степановна отпрянула, и Эдуард, который продолжал держать ее на весу, был вынужден отступить на два шага.

— Это вытекло из бидона, — сказал Вениамин. — Во всем виноват только я один.

— Вы должны были предупредить, — сказала скорбно Элла Степановна и поняла, что находится в воздухе. — Опустите меня!

Эдуард подчинился и перевел дух.

— Я хотел вам помочь, — сказал он.

— Надеюсь, — сказала Элла Степановна, — Вениамину надо умыться.

Эдуард хмыкнул.

— Ничего смешного, — сказал Вениамин.

— Я не смеюсь. Но придется потерпеть до реки, — сказал Эдуард. — Километра через два. Это спиртовая тушь. Отмывается, простите, с трудом. Василий весь запас в канцелярском магазине купил.

— Спиртовая тушь? Это еще зачем? — спросила Элла Степановна.

— Пузырьками покупали, — сказал Эдуард. — Целое состояние. Вася будет переживать. Он полы красть хотел.

Вениамин смотрел на свои ладони и страдал. Он был сам себе противен. Разве нормальный человек обливает себя спиртовой тушью из молочных бидонов?

В этот момент с разных концов пустынной раскаленной площади, увязая в асфальте, показались Василий и Андрюша. Андрюша нес блок сигарет, Вася — детскую эмалированную ванночку. Вслед за Васей семенил маленький человек в большой кепке. Увидев полосатого Вениамина, человек присел и бросился назад. Василий сбился с шага и на секунду прикрыл ванночкой лицо. Но Андрюша узнал Вениамина почти сразу.

— Не пижонь, Веня! — крикнул он. — Не надо!

Испуганные галки вились над колокольной кирпичного собора.

Вдали показался милиционер и, приставив ладонь козырьком к фуражке, всматривался в фигуру на грузовике.

— Придется, простите, спрятаться, — сказал Эдуард — Будешь на полу сидеть. Тебе уже все равно, а люди пугаются.

Василий остановился, не доходя до машины, и мрачно спросил:

— Все вылили?

— Самую малость, — сказал Эдуард. — Пузырьков десять.

— На что только мы не идем ради красоты, — сказал Андрюша. — Это сливки?

— Замолчи, — сказала Элла Степановна. — И посмотри, не облил ли Вениамин вещи. Он сейчас в таком состоянии...

Василий, передав Андрюше ванночку, взобрался на подножку, заглянул в кузов и сказал:

— Рублей на пять как минимум.

— Мы заплатим, не беспокойтесь, — сказала Элла Степановна.

— Не надо, — сказал Вениамин, — плачú я.

— Вот и превосходно, замечательно! — веселым голосом воскликнул Эдуард. — Свистать всех наверх! Через минуту отдаем концы!

3

У моста через реку Сотьву простояли полчаса. Эдуард Олегович оказался прав. Тушь была спиртовой, качественной, стойкой. Ни мыло, ни песок ее не взяли. Полосы и пятна на Вениамине лишь слегка потускнели.

На дне кузова тушь засохла и блестела. Солнце отражалось в ней, как в бездонном омуте.

Наконец поехали дальше. Андрюша и Эдуард стояли, держась за кабину. Вениамин сидел в углу и делал вид, что читает в оригинале роман Агаты Кристи.

После сельца Красное дорога сузилась. По сторонам потянулись вековые ели, которые закрывали дорогу от опускавшегося солнца. Иногда стена елей прерывалась голубым озером, подпиравшим стену скал. Впереди показался каменный мост через ручей. Мост был стар и удивителен. Его ограждали перила на точеных столбиках, а на въезде, охраняя мост, щерились каменные львы ростом с дворнягу.

— Остановитесь! — завопил Андрюша. — Немедленно остановитесь!

Машина судорожно дернулась, тормозя. Дверца кабины распахнулась, оттуда высунулось розовой луной злое лицо Васи.

— Чего еще? — спросил он.

— Наш юный друг, — разъяснил Эдуард, — увидел достопримечательность.

Андрюша, прижимая к животу камеру, перемахнул через борт грузовика.

— Ехать надо, — сказал Василий. — Темно будет.

— Ничего, — возразил Эдуард Олегович, — объявляем пятиминутный привал на свежем воздухе. Вениамин, рекомендую провести повторную очистку лица в этом изумительном ручье.

Вениамин покорно спустился к ручью. Эдуард подал руку Элле, помогая выйти из кабины. Василий сидел за рулем и глядел вперед. Андрюша кружил по мосту, под мостом, вокруг моста, выискивая точки для съемки.

— Откуда это могло произойти? — крикнул Андрюша.

— С дореволюционных времен, — сказал Эдуард. — В литературе об этом сведений мне не удалось отыскать.

— Очень похоже на восемнадцатый век, — сказала Элла Степановна, поглаживая льва по озлобленной морде. — Наивно и провинциально.

— Здесь и была провинция, — согласился Эдуард. — Может быть, сам Полуехтов поставил.

— Кстати, кто такой этот Полуехтов? Почему деревня ваша так странно называется?

— Местный помещик, майор, — сказал Эдуард. — О нем ходит множество сказок.

Вениамин вернулся от ручья.

— Великолепно, замечательно, — обрадовался Эдуард. — Лучше, намного лучше.

— Еще сорок ручьев, — сообщил Андрюша, перематывая пленку, — и можно выпускать в свет.

Когда поехали дальше, Василий, который раньше упрямо молчал и даже не глядел на Эллу Степановну, вдруг обернулся к ней и сказал:

— Он не просто майор, а секунд-майор.

— Вы о ком? — спросила Элла.

— О Полуехтове, о ком же еще? У нас полдеревни Полуехтовы.

— А давно он жил?

— До революции.

— У вас сохранились старожилы? — спросила Элла, которая любила работать со старожилами.

— Есть один, который помнит, — сказал Василий. — Только не станет он с вами говорить.

— Переубедем, — возразила Элла Степановна. — У меня достаточный опыт. Как его зовут?

— Григорием.

— А фамилия?

— Не знаю. Не говорил мне он своей фамилии.

И хоть Василий не улыбался, смотрел вперед, в голосе его Элла Степановна интуитивно почувствовала издевку, замкнулась и прекратила расспросы.

Машина выехала на каменное покрытие. Торцы были уложены полукружиями, ровно, словно на площади немецкого города. Грузовик сразу прибавил скорость, покотил веселее.

Андрюша вытянул вперед голову и сказал:

— Одна тайна набегает на другую. Кто мог ожидать?

— А что там? — спросил из угла кузова Вениамин.

— Торцовая мостовая. Это тоже майор-помещик баловался?

— В этих местах помещики не жили, — сообщил Вениамин. — Слабое развитие сельского хозяйства.

Солнце скрылось за синим длинным облаком. Встречный ветер стал зыбким, резким, словно впереди открыли дверь в холодильник. Грузовик дребезжал, ревел, одолевая подъемы.

— А эта дорога только до Ручьев? — спросил Андрюша.

— Дальше пути нет. Тайга, болото, горы, — сказал Эдуард. — Край света. Так и живем.

Вениамин стал кашлять. Надрывно и скучно. Ему было стыдно, но остановиться он не мог. Эдуард

достал из верхнего кармана пиджака пачку таблеток и спросил:

— Без воды сможешь проглотить?

— Смогу, — сказал Веня.

— Глотай. К утру пройдет. У меня здесь дисквалификация наступает. Воздух чистый, никто не болеет. И я, фельдшер, по совместительству руковожу культурой.

Василий включил фары. Темнота сразу поглотила тайгу.

Через несколько минут машина выкатила на вершину холма, и впереди в распадке показались уютные теплые огоньки. Грузовик замер, словно Василий хотел, чтобы его пассажиры ощутили бесконечную благодатную тишь этого вечера.

И вдруг в эту тишину вплеся, не нарушая, а лишь подчеркивая ее совершенство, далекий ясный девичий голос, который пел нечто сказочно печальное, трогательное и нежное.

Голос был лесным, он принадлежал вечеру и небу, луне и первым звездам, шуршанию листвы вековых берез у дороги.

— Что это? — прошептала Элла Степановна.

Василий не ответил. Достал папиросы и закурил, стараясь не шуметь.

— Наяда, — сказал Андрюша, поднимаясь в кузове и всматриваясь вперед. Он был не чужд сентиментальности.

— Шуберт, — сказал Вениамин. — Си минор.

— Наша, — улыбнулся Эдуард Олегович, и его зубы блеснули голубым. — Ангелина. Занимается у меня в самодеятельности. Должен отметить, что она отлично закончила сельскохозяйственный техникум и недавно вернулась в родные края. Изумительная у нас молодежь.

Этой фразой и резким голосом Эдуарду удалось на-

рушить очарование сказки. Грузовик скатился с холма, вызвав негодование собак, миновал крайние дома, потом Эдуард постучал в кабину, веля Василию остановиться перед высоким, серебряным от старости бревенчатым домом.

— Здесь мы вас и разместим, — сказал Эдуард Олегович. — Школа у нас начальная, — добавил он, спускаясь на землю. — Небольшая, в данный момент находится в состоянии ремонта. Клуб активно используется молодежью, сам я размещаюсь в здании клуба, в одной комнате. А этот дом доступен. Семья невелика, а от скромной mzды никто не откажется... Вам гостиницу оплачивают?

Эдуард выразительно поглядел на Эллу Степановну. Ему вообще нравилось глядеть на нее под различными предложениями.

— Мы, разумеется, заплатим, — сказала Элла.

— Лучше к деду Артему, — сказал Василий.

— Нет, мой друг, у Артемия Никандровича антисанитарные условия. Утверждаю как медик. Здесь же... Ты не будешь спорить, если я скажу, что этот дом скрупулезно чист?

Из темноты послышался дребезжащий голос:

— Журнал «Вопросы истории» привез?

Небольшого роста человек стоял неподалеку, Андрюша разглядел острую, клинышком седую бороду из-под кепки.

— Привез, Артем Никандрыч, — сказал Эдуард. — Познакомься, это гости к нам, экспедиция.

— Экспедиция нам не мешает, — сказал старичок, — хоть пользы от нее мало.

— Артемий Никандрыч — наш краевед, хранитель природы, — сказал Эдуард Олегович.

Старичок поклонился. Об этом можно было догадаться по тому, как бородка совершила резкое движение вниз, исчезла, закрытая кепкой, и возникла вновь.

— Эколог, — поправил старичок. — Балуемся экологией. Это точ-на. Давай журнал.

Эдуард отыскал журнал в портфеле, а старик вместо благодарности проворчал:

— Ты с Василием меньше общайся. Ты интеллигенция, а он жулик. Точ-на! Взятки детям дает.

— Заткнись, дед, — сказал Василий.

— Не заткнешь. Правду не заткнешь.

— А какие взятки? — вмешался нетактичный Андрияша.

— Шутка это, — сказал Эдуард. — Вася рыбкой балуется. Уху любит. Самому некогда, так он детям подарки за рыбку привозит. Рыбка у нас славная.

— Ущицу все любят, — донесся из темноты голос. — Это точ-на. Только смотря в каких количествах. Доберусь я до тебя, Василий.

— Иди ты! — озлился Вася.

— Уже ушел, — сказал дед издали.

И снова воцарилась тишь. Где-то далеко хлопнула дверь, выпустив человеческий голос и звук краковяка. Взбrehнула собака, другая быстро, словно спросонья, ответила ей...

Вдруг тишину разодрал, смысл и отбросил страшный нечеловеческий крик:

— Омниамеекумпортто!

Этот пронзительный крик прокатился над деревней, погрузив ее в оторопь, заставив притаиться все живое, загнав в конуры собак, прозвенев стеклами окон... Некоторое время он еще дрожал в воздухе, затем, с сожалением выпустив из своих тисков деревню, нехотя откатился к горам.

— Что это?! — ахнула Элла Степановна.

— Не волнуйтесь... Не надо... — Эдуард обернулся к застывшему у грузовика Василию: — Он вернулся. Понимаешь?

— Да, — ответил Василий. — Побегу, — добавил он и тяжело затопал в темноту.

— Что же это? — спросил Андрюша, которому казалось, что он совсем не испугался.

— Не обращай внимания, — сказал Эдуард. — Это местный фольклор.

— Нет, — сказал Вениамин. — Это было живое существо, находившееся в состоянии душевного стресса. И мне показалась знакомой эта фраза... Я ее где-то слышал.

Эдуард бросил на аспиранта быстрый взгляд:

— Где, не припомнишь?

Постепенно мирные звуки вечера возвращались в деревню. Собаки негромко обменивались впечатлениями, вновь заиграло радио. Деревня делала вид, что ничего не произошло.

И тут со стороны леса, подходившего к самой окoliце, в воздухе материализовалась тонкая белая фигура, которая плыла над сырым выгоном.

Первым эту бесплотную фигуру увидел Вениамин, тихо ахнул и быстро отступил за машину. Он, разумеется, не верил в привидения, хотя в тот момент был склонен поверить во что угодно. Но даже и поверив, Веня никогда бы не спрятался за машину, не будь на нем безобразных следов черной туши.

Движение Вениамина и даже побудительные причины его не укрылись от Эдуарда, который пригляделся к белому призраку и с видимым облегчением воскликнул:

— Ангелина! Гелечка! Мы ждем тебя. Глафира еще не возвращалась?

— Добрый вечер, Эдуард Олегович — сказала привидение. — Мама нету. А что?

— Гости приехали из Свердловска. Я подумал, подумал и решил, у вас в доме свободно...

— Пускай живут, — сразу сказала Ангелина.

Она остановилась совсем рядом с Андрюшей, и тот, хоть было и совсем темно, смог разглядеть девушку. Она была высока ростом и крепка в кости. Светлые волосы падали на плечи, а тело загорело настолько, что почти скрывалось в темноте, сливаясь с воздухом, лишь сарафан, белки глаз и зубы были видны отчетливо и, казалось, фосфоресцировали.

— Вы заходите, — сказала девушка.

— Это вы пели? — спросил Андрюша.

— Она, она, — сказал Эдуард. — Чудесный голос. У меня в ансамбле участвует. В институт готовится.

— Ну что вы, — сказала девушка, — зачем?

— Это был Шуберт, — раздался голос из-за грузовика.

— Кто там? — спросила Ангелина.

— Это наш сотрудник, — сказал Андрюша. — Он сегодня замаскирован под зебру и не хочет пугать местное население.

Вениамин громко скрипнул зубами.

Эдуард запустил руку в кабину.

— Это от Васи, — сказал он. — Гостинцы. Печенье и шампанское.

— Не надо, — сказала Ангелина.

— Не хочешь? Ну и превосходно, изумительно, — обрадовался Эдуард. — Причаливайте, друзья мои. Завтра нам предстоит большой день.

Элла Степановна с Андрюшей приняли от Вениamina, который забрался в грузовик, вещи и понесли их в дом. Два последних чемодана достались Вене.

— Идите, — сказал Вениамин. — Я потом.

Ангелина прошла в дом первой. Она сразу принялась за хозяйство — делала все быстро, споро, но без спешки, сама ничего не говорила, только отвечала на вежливые вопросы Эллы Степановны. Андрюша тем временем достал колбасу, консервы и вызвался помочь

Геле накрывать на стол, но помощь была отвергнута.

Девушка Андрюше понравилась. И тем, что была высокой, одного роста с ним, и легкостью движений, и чистотой спокойного лица, и скромностью. Пока закипал чайник, Андрюша отнес на холодную половину белье и часть вещей — там на двух кроватях будут спать они с Вениамином. Элле Степановне постелили за тонкой перегородкой рядом с большой комнатой.

Только когда Геля собрала на стол, Элла спохватилась:

— Андрюша, где Вениамин? Неужели опять что-то случилось?

— Кует себе железную маску, — сказал Андрюша и пошел искать аспиранта.

Вениамин сидел на крыльце, рядом стояли чемоданы. Он смотрел на звезды и переживал.

— Слушай, здесь ночевать бессмысленно, — сказал Андрюша. — Я ее подготовил, сказал, что ты принадлежишь к особому племени.

— Ах оставь, — сказал Вениамин. — Ты не понимаешь, она так поет Шуберта, я просто не могу. Побуду здесь. А когда свет погашат, пройду.

— Да ты хоть сейчас можешь пройти. Из сеней налево, не надо в дом входить. Я тебе уже и простыни положил. А чаю попьешь?

— Нет, не хочется, — ответил Веня так, словно отказывался от счастья.

— Ясно, — сказал Андрюша и вернулся в дом. Веня проскользнул вслед за ним и укрылся в холодной горнице, не зажигая света.

Он был искренне растроган, когда через полчаса Андрюша принес чашку с горячим чаем, бутерброд с колбасой, но главное — таз и чайник с кипятком. Веня скреб лицо и руки мочалкой, и в темноте ему казалось, что краска поддается, покидает лицо и вода в тазике темнеет.

Вернулся Андрюша, зажег свет и сказал, что с тушью наблюдается прогресс. Он улегся и долго не засыпал, рассказывал Вениамину, что будет готовить Ангелину к институту, что ее мать Глафира — здешний бригадир. Вениамин ревновал. Так и не увидев Ангелину, он уже влюбился в ее чистый голос и склонность к романтике — иной человек не будет гулять в одиночестве по околице и петь Шуберта. А вдруг она ждала Василия?

— Я теперь понимаю, почему Василий не хотел, чтобы мы в этом доме остановились, — сказал, засыпая, Андрюша. Будто угадал мысли Вениамина.

4

Утром Вениамин проснулся первым. Солнце только встало и било в маленькое оконце. На соседней кровати, такой же, как у Вениамина, с блестящими шарами на спинке, на высокой перине безмятежно спал Андрюша. Было очень тихо, лишь опоздавший улететь на покой комар жужжал под темным дощатым потолком.

Вениамин поглядел на часы. Половина шестого. Неладно, подумал он. Слишком тихо. Должны кричать петухи, лаять собаки, мычать коровы... Странная деревня. Что означал вчерашний вопль? Он как будто нес в себе послание, смысл которого мог открыться лишь Вениамину. Но почему Вениамину?

Додумать Вениамин не успел. Раздался глухой короткий удар, словно выстрелила пушка.

Андрюша, не поняв, что его разбудило, вскинулся, сел в постели и растерянно спросил:

— Что? Где?

Вениамин не ответил. Он слышал другое: удар оказался сигналом, открывшим дверь утренним звукам, — закричал петух, откликнулся другой. Отчаянно забрехала собака, замычали коровы и запели птицы.

Андрюша замотал головой и нырнул под одеяло. Вениамину уже не хотелось спать.

Он поднялся, нашел свое полотенце, зубную щетку и пошел искать, где бы умыться. Все житейские удобства он отыскал в нежилой половине дома, откуда вел лестница вниз, к хлеву, в котором зашевелились, увидев его, овцы. Кто-то открыл загородку, выпуская овец, и Вениамин спрятался за углом, потому что был в майке и стеснялся своих тонких бледных рук. А когда он уже в рубашке и брюках, причесанный и цивилизованный, вышел на двор, там было пусто.

Калитка громко скрипнула, выпуская Вениамина на улицу.

Улица была широкой, зеленой, и посреди нее, будто ручей, струилась пыльная дорога. Дома стояли вольно, обнесенные высокими заборами. Но чтобы никто не подумал, что здесь живут замкнутые и скучные люди, наличники окон, коньки крыш и даже столбы ворот и калиток были резными, а кое-где и раскрашенными.

Улица сбегала к реке и на полпути пересекалась с другой. На перекрестке темнела купа лип, и Вениамин подумал, что такая купа для деревни нетипична. Туда он и направился.

Но остановился на полдороге.

Из купы деревьев не спеша вышел большой бурый медведь, огляделся, наклонил морду, отгоняя собачонку, выскочившую из-под забора, потом медленно затрусил в сторону, вскидывая задом.

Вениамин замер. Дальше идти нельзя. Медведь мог подстергать его за углом. Но что-то надо было делать, ведь в деревне женщины и дети, не подозревающие о страшном звере...

Вид узкой спины Вениамина, которая неуверенно покачивалась в проеме калитки, насторожил проснувшегося и также вышедшего на разведку Андрюшу.

— Эй, — сказал он, дотрагиваясь до плеча аспиранта, — ты что?

Вениамин странным образом подпрыгнул и обратился к Андрюше дикий взор.

— Там ходят медведи.

— Где ходят медведи? — удивился Андрюша.

— По улице. Я сам видел.

— Надо принимать меры, — сказал Андрюша и побежал к дому. Он еще вечером обратил внимание на ружье, висевшее над диваном в горнице, и теперь сорвал его со стены, подхватил патронташ, сломал ружье о колено, вогнал в оба ствола по патрону. Элла Степановна заворочалась за занавеской, и Андрюша на цыпочках выбежал из комнаты.

Вениамин все так же покачивался в калитке, не зная, что делать. Он отступил в сторону, пропуская Андрюшу, и побежал следом, говоря на бегу:

— Это же чужое ружье! Разве можно брать без разрешения?

— Некогда размышлять, — отвечал Андрюша. — Медведи и волки покоряются только грубой силой!

Из калитки дома поновее других, покрашенного желтой краской, с голубыми наличниками и красной крышей выбежали двое мальчишек лет по семи. Они замерли, увидев, как по улице несется приезжий человек в голубых залатанных штанах и майке с изображением гитары, длинные его патлы развеваются по ветру, а в руках ружье. А вслед за ним второй приезжий, поменьше ростом, в городском костюме, с очками на кончике острого носа. Мальчишки присоединились к бегущим.

— Опасность! Все по домам! — крикнул им Вениамин.

Мальчишки по домам прятаться не стали, но крик Вениамина встревожил деревню, и к окнам вдоль всей улицы тут же прилипли женские и старушечьи лица.

Андрюша выбежал на перекресток, и в этот момент

из углового дома с надписью «Магазин» вышел бурый медведь. Он зловеще облизывался, и Андрюша с отчетливым замиранием сердца понял, что опоздал — зверь уже успел кем-то полакомиться.

Поднявшись на задние лапы, словно пританцовывая, медведь надвигался на него. Андрюша нащупал курки и нажал на них. Ружье сильно отдало.

Медведь схватился лапами за грудь и, заметавшись, повалился назад, уселся в пыль. Он заревел тревожно и глухо.

Андрюша старался вспомнить, куда он сунул запасные патроны. Тщетно! Тогда он перехватил ружье за дуло, чтобы действовать им как дубиной. Тем временем медведь снова поднялся, шерсть на груди была опалена выстрелом. Он грозно надвигался на студента. Андрюша понял, что надо бежать, но не успел.

Тяжелые когтистые лапы обхватили его.

Короткая и в целом счастливая жизнь промелькнула перед его глазами начиная с первых детских воспоминаний о купании в ванночке и кончая последним, не очень удачным экзаменом по латинскому языку... Андрюша потерял сознание.

Медведь, заграбастав охотника, прижимал его к широкой бурой груди и, подвывая, понес через площадь.

Увидев его спину, Вениамин понял, что не может оставить товарища в смертельной опасности. Он бросился за медведем и, догнав его, ударил кулаком в спину. Топтыгин даже не обернулся. Он тащил Андрюшу к старому покосившемуся дому с шестью колоннами, сделанными из вековых бревен и когда-то покрашенными в белый цвет. На ступеньки этого дома медведь и бросил свою жертву.

Вениамин оглянулся, чтобы призвать на помощь людей или отыскать какое-то оружие, но в этот момент со стороны леса послышался громкий треск, и к дому подкатил мотоцикл с коляской, которым управлял маль-

чик лет двенадцати в больших темных очках, закрывавших ему пол-лица. В коляске сидела грузная пожилая женщина в черной шали.

Медведь, услышав, как тормозит мотоцикл, обратил к нему оскаленную морду и заревел оглушительно и обиженно.

Грузная женщина выбралась из коляски, обвела взглядом собравшуюся толпу, к которой присоединился уже встрепанный, в пижаме Эдуард, затем остановилась перед медведем.

— Ну! — сказала она. — Нельзя уехать на день! Чего натворил?

Медведь продолжал стонать, завозил лапами у груди, показывая женщине на рану.

— погоди, — сказала женщина. — Не кричи на всю деревню. Не маленький.

Медведь замолчал, лишь его частое дыхание разносилось над площадью.

— Кто тут нахулиганил? — спросила женщина и перевела взгляд с распростертого Андрюши на Вениамина, сделавшего шаг вперед.

Мальчишка, которого аспирант недавно прогонял, спасая от зверя, вынес ружье и протянул грузной женщине.

— Вот, тетя Глафира. Они с ним бегли, — он показал на Вениамина, — и стреляли.

— Мое ружье, — сказала женщина. — Где взяли?

Андрюша шевельнулся, приоткрыл глаза, медведь покосился на него, и он послушно смежил веки.

— Все ясно, — сказал Эдуард Олегович. — Это даже изумительно. Это просто великолепно. Я несу полную ответственность. Разрешите представить, Глафира Сергеевна, экспедиция из Свердловска. Приехали собирать народные песни. Интеллигентные, милые люди, фольклористы... Остановились у вас.

— Милые, говоришь? — удивилась грузная женщи-

на. — Утащили ружье, стреляют на улицах. Фольклористы! Ни минуты больше я их здесь не потерплю!

— Простите, — сказал Вениамин, стараясь обойти медведя так, чтобы приблизиться к Андриюше, о котором все забыли. — Это недоразумение. Мы увидели хищника и бросились спасать. Вокруг женщины и дети, как же вы не понимаете?

Объявленный хищником медведь заревел так, что Веня отступил снова, а Андриюша сжался в комок.

— Отойди, — сказала Глафира медведю. — Думать нужно, чужие люди, фольклористы, и пристрелить могут. — Медведь отходить не стал, но замолчал. — Эдик, у тебя мазь от ожогов есть? Займись зверем.

— Я не ветеринар, — ответил Эдуард. — На это Ангелина есть. Миша, заходи в дом, фельдшер тебе рану промоет.

— Боишься? — спросила Глафира Сергеевна. —

Медведь глубоко вздохнул и, переступив через Андриюшу, пошел в дом.

— Я подчиняюсь силе, — сказал Эдуард.

— Подчиняйся, — сказала Глафира Сергеевна. — И учти, что Миша пострадал на работе.

— Бюллетень выписывать не буду, — буркнул Эдуард, запахнул пижаму и пошел вслед за медведем.

Андриюша, поняв, что опасность миновала, сел и схватился за голову. Голова гудела.

— Что? — холодно спросила Глафира Сергеевна. — Ранен? Тоже помощь нужна? погоди, сначала Мишу починят, потом тебя.

— Нет, — сказал Андриюша, — спасибо. — Он встал. Его майка с гитарой была разорвана.

— Поймите, — сказал Вениамин, — мы действовали из лучших побуждений. Мы совершили естественный благородный поступок.

— Ладно, — сказала Глафира Сергеевна, — дома разберемся.

Элла Степановна узнала о драматических событиях только за чаем, который пили вятером: Глафира Сергеевна Полуехтова, бригадир колхоза, фактически руководительница деревни Полуехтовы Ручьи, ее внук Коля, тот, что приехал с нею на мотоцикле, и члены фольклорной экспедиции.

— Ну как, — повторял Вениамин, — как мы могли догадаться, что медведь ручной?

— Не ручной, — возразила Глафира Сергеевна. — Он на работе.

Она налила чаю в блюдце, шумно потянула.

— На нем не написано. — Андрюша уже оправился от потрясения, но аппетит к нему еще не вернулся, потому он сидел на диване и штопал джинсы. — Кем же он работает?

— Из пушки стреляет. Больше некому, — сказала Глафира Сергеевна. — Мужиков в деревне недобор, все на работе, а традиции, сами понимаете, надо поддерживать.

— Вы хотите сказать, что у вас есть пушка? — Элла Степановна почему-то не так удивилась необычной работе медведя, как действующей пушке в далекой деревне. — Настоящая? Это же опасно.

— Без пушки мы, простите, не можем, — сказала Глафира, с наслаждением хрустя рафинадом. — Пушка у нас уже двести лет стреляет.

— А если вы в кого-нибудь попадете?

— Холостыми стреляем, — возразила Глафира Сергеевна. — Нам общество охотников выделяет черный порох. По безналичному расчету.

— А почему медведь? — спросил Вениамин. — В других деревнях тоже все заняты...

— В других деревнях с пушками плохо, — сказал Андрюша, перекусывая питку. — Очень мало пушек в

других деревнях. — Он обернулся к Глафире Сергеевне: — А пушка старая?

— Пушка старая, — сказала Глафира Сергеевна. Андрюша ей не нравился. Неопрятен, не пострижен, бегает по деревне с чужим ружьем. — Из пушки за двести лет ни в кого не попали, а ты, голубчик, в первый же день медведя покалечил.

Элла Степанова достала блокнот.

— Глафира Сергеевна, — сказала она, — пожертвуйте еще пять минут. Вы утверждаете, что традиция уходит корнями в глубокое прошлое. В легендарное прошлое...

— Не в легендарное, а в историю. Майор Полуехтов постановил сигнал давать, вот и тянется... Вы уж простите меня, в правление пора, звонка ожидаю из района. Совещание по льноводству в области, на кого хозяйство оставляю?

Глафира выпрямилась, развела широкие плечи, свела к переносице соболиные брови.

— Я пошла, а вы уж больше не самоуправничайте, мало ли чего натворите, фольклористы.

— Простите, — сказала Элла. — Мальчики хотели творить добро.

Глафира Сергеевна надела сапоги, старый мужник китель и ушла в правление. В доме остался Коля, смышленный, синеглазый, белобрысый.

— Хотите, про пушку расскажу? — сказал он.

— Нам бы лучше услышать это от твоей бабушки, — сказала Элла Степановна. — Ближе к источнику.

Коля прошелся по комнате, остановился у лавки, на которой лежал фотоаппарат Андрюши.

— Светосила вас устраивает? У этих «Юпитеров» она маловата.

— Чего? — спросил Андрюша. — Ты откуда знаешь?

— Я «Канон» предпочитаю японский, — сказал мальчик. — С «Никконом» резковато получается.

— Ага, — согласился Андрюша. — Резковато, значит? И откуда у тебя «Канон» и «Никкон»?

— Ясное дело, из Японии, — сказал Коля. — Легенду-то о пушке будете записывать? А то мне идти пора.

— Запишем, — сказал Андрюша. Мальчик ему понравился. Живой ребенок, не стесняется, водит мотоцикл...

Андрюша включил магнитофон. Коля покосился на кассету, откашлялся и медленно заговорил, придавая голосу басовитость...

— Дело было еще до революции. Здесь стояла крепость, которая охраняла Россию от викингов и французов.

Вениамин отложил учебник португальского языка, протер очки.

— Как же сюда викинги добрались? — спросил Андрюша.

— Не перебивай, пленку зря тратишь, — сказал Коля. — С моря добрались, через тундру, тайгу, рвались к Свердловску. Во главе крепости стоял майор Полуехтов, мы тут полдеревни Полуехтовы в его честь. Это был отважный офицер, гвардеец, птенец гнезда Петрова, и он сюда попал за то, что был участником героического восстания декабристов.

Голос Коли окреп, он ходил по комнате и махал руками.

— И вот однажды, когда весь гарнизон спал, утомленный борьбой со стихией, в разгар бури к крепости подкрались фашисты. Примерно полк фашистов из дивизии «Мертвая голова».

— С танками? — спросил Андрюша.

— Еще одна перебивка, и я кончаю рассказ, —

пригрозил Коля. — И вам никогда не узнать, чем все кончилось.

— Молчу, — сказал Андрияша.

— Так вот... фашисты тихо подкрались к крепости, только поляна отделяла их от гарнизона. Еще один бросок — и путь на Свердловск открыт. Но в этот момент раздался залп пушки! Майор Полуехтов вскочил с походной раскладушки и бросился во двор. Солдаты за ним. И что же они видят? В воротах еще дымится пушка, а подле нее бурый медведь. Сотни фашистов валяются замертво. Тогда Полуехтов закричал: «Эскадрон, сабли наружу! За мной!» И бросился в атаку. Бой был неравным, и все защитники крепости пали смертью храбрых. Только и фашисты все погибли. Вся дивизия «Мертвая голова». Вот и все.

— Как все? — удивился Андрияша. — А как же пушка и медведь?

— Пушку оставили как память о Полуехтове. Можете поглядеть, она в деревьях стоит на площади. И постановили, чтобы медведь с тех пор каждое утро приходил и стрелял в честь подвига майора. Но это не сказка, а уже в самом деле.

— Как слабо здесь поставлено преподавание истории, — сказала Элла.

— Мифотворчество, — сказал Вениамин. — Современное мифотворчество. Майоры, фашисты...

— Что же я, не понимаю, что мифотворчество? — обиделся вдруг мальчик. — Я не хуже вас знаю, что фашистов здесь не было. Разве это что-нибудь значит?

— К сожалению, ничего не значит, Коля, — согласилась Элла Степановна. — Спасибо тебе за интересный рассказ.

— Пожалуйста, — успокоился Коля. — Я пойду. У меня дел много.

Он достал из-под лавки большую спортивную сумку

с надписью «Олимпиада-80», перекинул ее через плечо, от дверей сказал:

— Обедать если будете, то к двенадцати тридцати как штык.

Андрюша сменил кассету.

— Чепуха, — сказал он. — Ребенок нас разыграл.

— Это не так и важно, — сказал Вениамин. — Зато мы присутствуем при рождении фольклора.

— Меня волнует другое, — сказал Андрюша. — Пушка существует, а медведь из нее стреляет. И это не легенда.

— Нет, не легенда, — согласился Веня, — помочь тебе джинсы зашивать?

— Зачем? Лишняя дырка им не мешает.

Дверь скрипнула, возник Эдуард.

— Доброе утро, — сказал он радостно. — Должен вам сообщить, что Мишка в полной безопасности. Я промыл ему раны. С риском для жизни. Вы слышали, Элла Степановна, о событиях сегодняшнего утра?

— Слышала, — сказала Элла. — Простите нас.

— Я тому Мишке не доверяю, — сказал Эдуард. — Это зверь большой хитрости и коварства. У него взгляд преступника.

— Но все-таки из пушки стреляет, — сказал Андрюша.

— Элементарная, простите, дрессировка. Я сам видел, как зайцы в цирке стреляют. Там шнур висит, а Мишка за него и дергает. Вот и вся тайна.

— Нет, Эдуард Олегович, — сказала Элла, — я не согласна с вашим отношением к этому животному. Это красивая и древняя традиция. А традиции надо беречь.

— Да какая там древняя! Приблудился медведь, может, из зоопарка сбежал. А если бы он, простите, задрал вашего молодого сотрудника? Что бы вы сказали в Академии наук?

— Она бы промолчала, — ответил за Эллу Андрюша. — Потому что иной участи я не заслуживаю.

— А я в вашем поступке усмотрел благородство, — не согласился Эдуард Олегович. — Так вы не забыли, что нам пора с деревней познакомиться? Как, Элла Степановна, не возражаете?

— Я не пойду, — сказал Андрюша.

— Это еще почему? — удивилась Элла Степановна.

— Мне пленки разобрать надо.

— Молодому человеку стыдно выходить на улицу. И я его понимаю, ох как понимаю, — закручинился Эдуард, и Андрюше стоило больших усилий не ответить.

6

Элла Степановна шла посередине. Справа Эдуард, слева Вениамин. Андрюша поглядел им вслед в окно и подумал о том, что Элла, к сожалению, в присутствии Эдуарда расцветает, хотя фельдшер явно того не стоит. При внешних и душевных качествах начальницы экспедиции можно отыскать себе поклонников интереснее.

Андрюшин недобрый взгляд не смог пронзить оконное стекло, и потому Эдуард ничего не почувствовал. Он описывал местные достопримечательности, элегантно поводя руками и стараясь показаться более осведомленным, чем был на самом деле.

Эдуард попал в Полуехтовы Ручьи всего полтора года назад в поисках тихого места, где можно передохнуть от приключений бурной и не всегда счастливой жизни. И хоть он устроился здесь надолго, даже собирался откупить дом у тех Полуехтовых, от которых в деревне осталась только бабка Федора, хоть хор, которым он руководил не без энтузиазма, выезжал уже на районный смотр самодеятельности и получил там диплом, все же он оставался в Ручьях чужим не только по-

тому, что местные жители считали его таковым, но и потому, что в жизнь деревни он не особо вглядывался, истории ее не знал и ею не гордился. Однако перед приезжими Эдуард показывал себя старожилом и единственным в деревне интеллигентом.

— Дома у нас вековые, — говорил он. — Бревна с возрастом только крепче становятся, а резьбу, обратите внимание, давно собираюсь переснять и зарисовать — специалисты будут взволнованы. Не правда ли, изумительные узоры, восхитительные!

— Резьба требует сравнительного анализа, — сказал Вениамин.

— Правильно. Вот и центральная площадь. Условно. Возникла от пересечения двух улиц деревни.

— А сколько их всего? — спросил Вениамин.

— Две. Тридцать два двора. Магазин, правление бригады, тут же клуб, тут же медпункт.

Остановившись на углу, Эдуард Олегович показал на давешний дом с колоннами. Видимо, строитель хотел создать нечто фундаментальное и обязательно белокаменное; и колонны и ступени — все было деревянным, беленым. Лишь два небольших льва по сторонам лестницы были из камня, точно такие же, как на лесной дороге. Только там они сидели, а здесь мирно лежали, хоть и продолжали скалиться.

К колоннам были прибиты жестяные таблички с неровными официальными надписями: «Бригада Полуехтовы Ручьи», «Медпункт», «Клуб», «Ансамбль народного танца «Ручьи», «Кинотеатр».

— Центр культурной жизни, — сообщил Эдуард Олегович. — Здесь я иногда ночую, а уж дни провожу постоянно. Справа начальная школа, на этом краю магазин. Вот и все.

— А пушка там? — Вениамин показал на купу деревьев, из которой выходил медведь.

— Пушка там, — сказал Эдуард Олегович. — Дав-

но пора на металлолом сдать. Когда-нибудь крупно кто-нибудь пострадает. От взрыва. Или от медведя...

Под вековыми деревьями было полутемно и прохладно. Стволы расступились, и внутри, почти невидимая постороннему глазу, обнаружилась небольшая площадка, на которой, вросши до половины колес в землю, стояла старинная бронзовая пушка.

Пахло порохом. Из пушки недавно стреляли.

— А как же медведь время узнает? — спросил Вениамин.

— Бог его знает. Наверное, по солнцу, — сказал Эдуард Олегович. — Хотя этому медведю я не доверяю.

Вениамин раздвинул кусты за пушкой. Там обнаружился каменный столб, скошенный кверху как обелиск. На сторонах его были вырублены двуглавые орлы, над ними надписи: «До Москвы 1386 верст», «До Санкт-Петербурга 1938 верст».

Ногами раздвинув крапиву, Вениамин обошел столб и прочел еще две надписи: «До Екатеринбурга 746 верст», «До Царицыного ключа 9 верст».

Вениамин потер руку, обожженную крапивой, выbralся снова на полянку. Эдуард, нежно схватив Эллу за руку, делал вид, что переживает, но говорил трезво:

— Сегодня же вечером продемонстрируем вам в клубе успехи деревенской самодеятельности. Должен сказать, что наличие целеустремленного человека, душой прикипевшего к народным талантам, является определяющим в их развитии. Вы меня понимаете?

— Эдуард Олегович, — сказал Вениамин, — а что такое Царицын ключ?

— Не знаю, — ответил Эдуард Олегович. — Таким образом, мы с вами, Элла, трудимся на одном, так сказать, поприще.

— Это где-то недалеко, — сказал Вениамин.

На мягкой траве возле пушки были видны продолговатые когтистые медвежьи следы.

— Населенного пункта под таким названием мне не приходилось встречать, — сказал Эдуард. Элла легким движением отобрала у него руку, и Эдуард кинул укоризненный взгляд на Вениамина.

Вениамин пошел вокруг пушки и больно ударился носком о вросшее в землю чугунное ядро. Из пушки когда-то стреляли всерьез, подумал он. В каждом народном предании есть доля правды — может, и в самом деле здесь стояла крепостца и в ней сидел с солдатами майор Полуехтов? Землепроходец? Надо будет поговорить со стариками, а еще вернее — заглянуть в архивы в Свердловске. Людская память куда менее надежна, чем документы...

— Гамияэстомнисдивизаинпаррррттистрррес! — раздался страшный переливающийся гортанный вопль.

От неожиданности все замерли.

— Это мне знакомо! — вскричал Вениамин. — Я близок к решению!

Черная тень пронеслась между ветвей, посыпались на землю листья. Показалось, что стало темнее.

Эдуард Олегович сделал хватательное движение руками, надеясь достать эту тень, но движение было незавершенным, словно на самом деле в мыслях фельдшера и не было реального желания схватить страшно кричащее существо.

— Опять? — спросила Элла.

— Тррес, — сказал Вениамин. — Я это расшифрую.

— Просто дикий крик, — сказал Эдуард Олегович. — Пошли, покажу вам нашу сцену и красный уголок. Мы получаем все основные центральные издания, включая журнал «Эстрада и цирк».

Вениамин провел рукой по стволу пушки. Луч солнца упал на темный металл. Божья коровка размером с грецкий орех поползла к солнечному пятну. Было тихо.

Андрюша зарядил камеру, положил в сумку телевик и запасные пленки. Не сидеть же весь день дома из-за того, что совершаешь не совсем удачный героический поступок.

Он перекинул сумку с камерой через плечо и только спустился с крыльца, как в калитку вбежала Ангелина с кринкой в руке. При дневном свете она казалась иной, более обыкновенной.

— Вы уже встали? — удивилась Ангелина.

— Скоро девять, — сказал Андрюша. — Все ушли, я один задержался. Миновало множество событий. Утро было бурным.

— Жалко. Я с фермы бежала, хотела вас парным молоком угостить. Городские поздно встают. Я знаю, сама в городе поздно вставала. А вы спешите?

— Нет, — сказал Андрюша, — я с удовольствием.

Ангелина вдруг покраснела, видно, взгляд Андрюши показался ей слишком восхищенным. Уловив ее смущение, Андрюша смутился и сам и потому первым, не оглядываясь, пошел в дом.

— Я тоже с вами молочка выпью, — сказала Ангелина. — Садитесь. А они куда ушли?

— Эдуард Олегович им деревню показывает.

— Чего у нас показывать? — сказала Ангелина, доставая из буфета чашки, а с полки пустую литровую банку. — Он и не знает. Чужой. Лучше бы Колю позвали.

— Коля нам легенду рассказал, а потом убежал. — Андрюша с интересом смотрел, как Ангелина налила полбанки молока, потом зачерпнула ковшом холодной воды и разбавила молоко. — Зачем так? — спросил он.

— А вы из кринки не станете, — сказала Ангелина и улыбнулась. — Вы подумали, я жадничаю.

— Разумеется, — сказал Андрюша. — Я подозрителен.

— Попробуйте, если не верите.

Глаза у нее стали веселые, синие, в голубизну. Молоко лилось в стаканы густым киселем.

— Так и сказали бы, что сливки.

— Это молоко, — сказала Ангелина. — Такое доим. — Она фыркнула, нос дернулся кверху, жемчужные зубы сверкнули на солнце. Андрюша сидел, разинув рот, и такое восхищение было на его лице, что Ангелина отмахнулась, сказав сквозь смех: — Чего уставился? У меня жених.

— Василий?

— Нет, Василий только претендент. Безнадежный. Жених у меня в Норильске. Мы в училище по переписке солдат выбирали, фотографиями менялись. Он в меня влюбился, а я нет. Но человек надеется.

— Значит, и не видела?

— Может, увижу. А ваш товарищ музыкальный. Шуберта знает. Я его в темноте не разглядела, а голос приятный.

Ангелина подлила в стакан воды, получилось молоко, жирное, густое.

В окно постучали. На подоконнике с той стороны сидел громадный черный ворон.

Ангелина отворила окно, ворон перелетел на стол, сурово посмотрел на замершего Андрюшу, кивнул ему, потом повернулся к Ангелине, кивнул и ей.

— Сейчас, — сказала Ангелина, доставая с полки кусок хлеба. Ворон схватил ломоть большим массивным клювом, как плоскогубцами, перепрыгнул на подоконник.

— Это еще что за явление народу? — спросил Андрюша.

— Григорий, — сказала Ангелина. — Что-то он в

последнее время осторожный стал, опасается. А раньше совсем ручной был.

— У вас не деревня, а зоопарк какой-то, — сказал Андрюша.

Ворон шумно хлопнул крыльями и улетел.

— Ты медведя имеешь в виду? Он в лесу живет.

— Приходящий, значит? А почему он из пушки стреляет?

— Ой, это тебе лучше мама расскажет! Сколько себя помню, стреляет. Круглый год. Без этого нам нельзя — даже коровы без пушки в стадо не пойдут. Раньше, когда я девчонкой была, у нас медведица служила, потом подохла. Она этого Мишку с малолетства сюда водила, приучала. Пошли, что ли? А то мне обратно на ферму пора.

— Спасибо за молоко, — сказал Андрюша.

Они вышли. Громадный черный ворон сидел на крыше и клевал ломоть хлеба.

8

Хоть Ангелина и утешила Андрюшу, что смеяться не будут, все-таки он через деревню не пошел, а свернул в другую сторону, к околице. За льняным полем виднелась речка, узкая и чистая. Солнце поднялось высоко и припекало, но от голубых гор, поднимавшихся над близким темным лесом, тянул ветерок.

С дороги открылся умиротворенный вид на деревню. Андрюша достал камеру. И тут услышал за спиной голоса.

Голоса стихли. Босые пятки, отбивавшие дробь по дорожке, стихли тоже. Разумеется, они остановились и наблюдают.

— «Зоркий-Эм» у него. С «Юпитером». Я знаю.

— Какой «Зоркий»? Я что, «Зоркого» не узнаю?

Ребята углубились в спор, уходить не собирались,

видно, ждали, когда фотограф обернется и разъяснит. Андрюша понял, что пора общаться, спустил свою «Практику» и обернулся.

— Ого! — сказал он.

— Ого! — сказали два мальчика лет по десяти.

Мальчики узнали в фотографии героя, которого утром медведь таскал по площади, а Андрюша увидел, что мальчики волокут привязанную к длинной палке рыбину размером побольше метра. Даже удивительно, что такая поместилась в речке.

Рыбина чуть шевелила хвостом.

— А вы за мельницей приехали? — спросил один из ребят.

— Нет, — сказал Андрюша, — песни записывать будем и сказки.

— Дед Артем говорил, что мельница представляет исторический интерес. Ее обязательно увезут. Древняя она, понимаешь?

— Водяная?

— Не, ветряк...

— Покажете?

— А пофотографировать дашь? А то у Кольки Полуехтова «Канон» японский, а у нас только «Смена».

— Договорились, — сказал Андрюша. — Когда?

— Завтра с утра зайдем. Сейчас, видишь, дело есть.

— А рыба-то какая? Сом?

— Ну ты, видно, городской. Разве у сома лицо такое? Да мы на сома и не пойдем. Он в омуте живет, с дом ростом. И его нельзя трогать, у него золотое кольцо на жабре. Его специально выпустили. Для учета. А это селедка...

Мальчишки потащили рыбину дальше.

Андрюша постоял немного, подождал, пока они скрылись за крайним домом, и пошел дальше к реке. У тропинки по краю льна росли васильки. Он, правда, не сразу догадался, что это васильки — они были

похожи на махровые гвоздики голубого цвета. Андрюша нарвал небольшой букет для Эллы Степановны.

— Спасите! — раздался крик от реки. — На помощь! Грабят!

Андрюша относился к тому разряду людей, для которых любой крик о помощи — приказ действовать. Забыв об утренней истории и медведе Мише, он кинулся по откосу вниз и влетел, ломая ветки, в заросли у речки, крича:

— Держитесь! Я иду!

Жертвой нападения оказался вчерашний старичок с седой эспаньолкой, мирно сидевший на пеньке.

— Что случилось? — крикнул Андрюша. — Кто напал?

— Кто напал, тот сбежал, — сказал старичок, поднимаясь на ноги и еле доставая Андрюше до груди своей блестящей потной лысинкой. — Спасибо тебе. Ой, поясница болит! Это же надо, так толкать пожилого человека! Пойди корзинку мою подбери — в кустах она.

Андрюша пошел в кусты. Там на боку валялась корзина, из нее высыпались красные яблоки. Старичок подошел сзади.

— Ты их подбери, — сказал он, — будь любезный. Мне наклоняться больно.

Андрюша стал подбирать яблоки. Это оказались не яблоки.

— Это что? — спросил он. — Ананасы?

— Малины, что ли, не видел?

— Такой не видал, — сказал Андрюша. — Малина обычно мельче.

— Это обычно, а у нас крупнее.

— Кому, — спросил Андрюша, — ваша малина понадобилась?

— Не догадываешься? — изумился дед, прищурил-

ся. — Да ты дипломат! Из-за тебя же я пострадал. Это точ-на! Попал я в лапы мстителю!

Старичок погрозил в кусты кулаком, и издали донесся обиженный рев. Андрюша вздрогнул. Ему не хотелось снова встречаться с медведем. К счастью, старичок разделял опасения Андрюши.

— Побежали, — сказал он. — А то Мишка опомнится, сообразит, кто мне на помощь подоспел. Он же тебя за взвод пехоты принял. Это точ-на.

Старичок подхватил корзину и засеменил наверх, к тропинке. Андрюша поспешил за ним, очень стараясь не обогнать старичка.

9

У клуба-медпункта на длинной лавочке под бревенчатыми колоннами сидели десять старух в высоких кружевных кокошниках, разноцветных до земли платьях и с выражением торжественного достоинства на лицах.

— Вот, — сказал Эдуард с некоторым облегчением, — а я боялся, что не придут в разгар трудового дня. Но пришли. И даже облачились. Это великолепно. Здравствуйте, товарищи пенсионерки!

Старухи наклонили головы, здороваясь, и Элле показалось, что своим коллективным взором они пронзили ее насквозь, знают, где родилась, как училась в школе и почему у нее не сложилась личная жизнь.

— Замечательно, — сказал Эдуард. — Вот наш народный хор. А перед вами, товарищи пенсионерки, специальная экспедиция Академии наук, приехали записывать и изучать. Большое внимание уделяют сохранению и утверждению народного творчества. Прошу взаимно знакомиться! — Эдуард Олегович отступил на шаг и сделал широкое движение рукой, как сеятель. Затем добавил: — Пошли внутрь помещения. Там поговорим, а то дождик собирается...

Вениамин в клуб не пошел. Эта мирная на вид деревня скрывала в себе тайны, ускользающие, но ощутимые, невыдуманные. Тайна утреннего выстрела из пушки вроде бы разрешилась. Но факт стрельбы из пушки не открывает причин этой стрельбы. Есть дрессированный медведь. Но зачем он?

Вениамин огляделся, раздумывая, куда направить свой путь. Он казался себе самому витязем на распутье. И потому решил подождать, как распорядится судьба, — должен же быть знак, который направит его в нужную сторону.

Намек материализовался через две минуты и принял форму знакомого грузовика, который медленно выехал из улицы на площадь. Вениамин сначала решил, что в деревне есть особые ограничения для единственной машины: может, охраняют медведей. Но тут же выяснилась причина столь медленного движения: Василий, сидя за рулем, разговаривал с какой-то девушкой, чьи ноги были видны по ту сторону грузовика.

— В кино вечером пойдешь? — спросил Василий, глядя из кабины в сторону и вниз, так что Вениамину был виден только его крепкий коротко остриженный затылок.

— Мне заниматься надо, — ответил почти заглушенный мотором девичий голос, который Веня узнал бы из тысячи.

— Я вот и без образования зарабатываю. Главное — уметь использовать обстоятельства.

— Кого цитируешь? — спросила Ангелина.

— Я не цитирую, я сам придумываю, — сказал Василий. — Ты не думай, для меня авторитетов нету.

— Поезжай в город, — сказала Ангелина, — молоко скиснет.

— Наше не скиснет, — сказал Василий. — Я его водой из ключа разведу.

— Ты не шути! — сказала Ангелина, прибавила

шагу, и Вениамину было видно, как загорелые ноги переместились вперед, но Василий чуть прибавил скорость и догнал девушку.

— А в кино пойдешь? — спросил он.

— Не пойду.

— Ученые приехали? Я им покажу, где раки зимуют.

— Брось ты свои угрозы, — сказала Ангелина.

Дальше разговора Вениамин не слышал, потому что грузовик и Ангелина отошли далеко.

Вениамин побрел по дороге, любясь резьбой на наличниках и столбах, греясь под северным нежарким, но уютным солнцем, глядя с нежностью на жеребенка, который выскочил на улицу, оглянулся, взбрыкнул и погнался за курами, а те лениво разбегались, уступая ему дорогу. У крайнего дома, от которого дорога спускалась в низину, Вениамин остановился. Столбы ворот, седые от старости, представляли собой солдат в высоких гренадерских шапках. Носы у солдат уже откололись, как и дула ружей, но глаза гневно глядели вперед из-под насупленных бровей. Сюжет резьбы показался Вениамину необычным — ни в одной из специальных статей, несмотря на свою любознательность и осведомленность в народном творчестве, он о таком не читал. Надо сказать Андрюше, чтобы сфотографировал, подумал Вениамин и в этот момент услышал над головой стройное многоголосое пение, ровное и негромкое.

В окне высокого этажа показалась девичья головка, будто там догадались, что с улицы подслушивают. Брови удивленно взлетели при виде худого молодого человека в очках, при галстукe, со следами полосатости на лице. Девушка пропала, песня оборвалась, и тут же во всех четырех окнах возникли девичьи, женские и старушечьи головы, глядевшие на Вениамина с веселым интересом.

— Здравствуйте, — сказал Вениамин.

— Здравствуйте, — ответили во всех окнах. — Вы из экспедиции?

— Он за Мишкой бегал, — сообщила первая девушка.

— Они за мельницей приехали, — сказала женщина во втором окне.

— Нет, — сказали в третьем, — они песни собирают.

— Идите сюда, — сказали в четвертом, — мы вам споем.

— С удовольствием, — сказал Вениамин, забыв на минуту о своей раскраске.

На пороге большой, в два света комнаты Вениамина встретила статная старуха с гладко зачесанными волосами. Девушки и женщины, пока Веня поднимался в дом, успели рассестись за валики, схожие с диванными, на которых были натянуты кружева, разобрать вересковые коклюшки.

— Добро пожаловать, — сказала торжественно старуха, — в ручьевскую кружевную артель.

Назвавшись директоршей артели, она повела аспиранта вдоль валиков, говоря солидно, медленно, но без перерыва, как профессиональный экскурсовод.

— Наши кружева некогда славились даже за пределами области и в 1897 году на выставке в Брюсселе получили серебряную медаль.

— Большую серебряную медаль, — уточнила толстуха в сильных очках.

— Это неважно, мы не спесивые, — сказала директорша. — Однако промысел наш захирел и почти иссох. Только в последние годы начала возрождаться слава ручьевских кружев. Но вот беда — в области наш узор не берут, говорят, что не народный, приходится ширпотребом заниматься.

— Ширпотребом! — раздались возмущенные голоса.

— А вы только поглядите, что мы умеем делать! Ведь этого больше никто не может.

Кружевницы повскакивали с мест и сгрудились за спинами директорши и Вениамина около большого стола, на котором лежал громадный альбом в дряхлом сафьяновом переплете. В нем были наклеены образцы кружев — некоторые пожелтели от старости, другие новые.

Вениамин и в самом деле удивился, увидев эти кружева. Тонкие нити сплетались в охотничью сцену — мужчина в камзоле и треуголке охотился на уток; на следующей странице дамы в пышных платьях играли в жмурки с изысканными кавалерами на фоне изящных павильонов. Замок соседствовал с русской церквушкой, и вокруг ходили хороводом девицы в кокошниках...

— Невероятно, — сказал Веня.

— Вот то же самое они нам и сказали, — подтвердила статная директорша. — Сказали, что это не входит в рамки и, значит, это не искусство. Вы знакомы с такой узкой психологией?

— К сожалению, знаком, — сказал Вениамин.

— Они говорят, не народное, — вмешалась девушка в очках, — а у нас в деревне так плетут третий век подряд.

— Третий век, — прошипела древняя голубая бабушка из угла.

Вениамин взглянул в ту сторону и увидел над ее головой два потемневших от времени портрета в потертых золоченых рамах. Художник, который писал их, видно, не обучался в академии, пришел из иконописцев, но был талантлив и наблюдателен. В портретах чувствовалась крепкая рука и уверенность в себе.

Справа висел портрет мужчины в зеленом мундире с красными отворотами и обшлагами, с золотыми пуговицами и в треуголке, обшитой золотым галуном. Лицо мужчины было сурово, подбородок крепкий, а глаза светлые, голубые, как у всех кружевниц.

— Кто это? — спросил Вениамин.

— Майор Полуехтов, — сказала древняя бабушка, — ясное дело.

Но Вениамин уже не слышал. Он смотрел на второй портрет. На нем была изображена молодая женщина, тоже голубоглазая, с полными, чуть загнутыми в углах губами, доверчивая и добрая. Платье было открытое и обнажало округлые плечи и высокую грудь, закрытую кружевом.

— А это государыня императрица, — прошамкала бабушка. — Елизавета Петровна в бытность свою цесаревной.

— Это не более как сомнительная версия, — сказала директорша. — Мы думаем, что это жена Полуехтова.

— Нет, — сказала бабушка, — императрица любила нашего майора невестинной любовью, потому он сюда и попал.

Вениамин уже не слышал спора, горевшего, видно, не первый год. Он смотрел на портрет и страдал, ощущая бездну времени, отделявшую его от молодости той, что была изображена на портрете. И неважно было — принцесса, императрица, невеста, жена... ее нет, Вениамин опоздал, трагически опоздал родиться...

Он не помнил, как оказался на улице, хотя вроде бы его проводила до калитки директорша артели, а он вроде бы обещал ей поговорить со специалистами в Свердловске и постоять за ручьевские кружева. Он слышал лишь стук собственного сердца и знал, что полюбил безнадежно и навсегда.

Дальше дед с Андрюшей шли не спеша. Андрюша остановился там, где оставил фотоаппарат. Там же лежал букет голубых махровых цветов.

— Погоди, — сказал вдруг дед строго. — Ты зачем эти цветы погубил?

— Красивые, — сказал Андрюша. — Пускай в банке постоят.

— А ты чего в своей жизни посадил, молодой человек? Ты чего создал? Рвать научился? Рвать все умеют! Это точ-на.

— Это же васильки. Сорняки.

— Дурак, — сказал старик. — Рожь здесь растет обыкновенная, семена из района получили. А васильки уникальные, только в наших местах произрастают. Так что подорвешь экологию, и не будет больше такого сорняка.

— Ну и хорошо, — упрямылся Андрюша, — урожаи увеличатся.

— Опять дурак, — сказал старик. — Уничтожишь ты этот так называемый сорняк невиданной красоты, а на нем, может, особый вид бабочек обитал, он тоже вымрет? Тебе их не жалко?

Дед протянул вперед жилистую коричневую ладонь, и сверху, из голубой небесной синевы, послушно опустилась ему на ладонь оранжевая бабочка с синими пятнами на крыльях.

— Ты с этим видом знаком? — спросил дед.

— Я бабочек не изучал, — сказал Андрюша, — может, она на соснах живет.

— Эндемик, — сказал дед. — Понимаешь? Все в природе уравновешено и взаимосвязано, как говорил Дарвин.

— Кто?

— Дарвин-младший, внук, я с ним состоял в переписке.

Очевидно, старик не врал. Бабочка вспорхнула с ладони, сделала круг над букетом васильков, огорченная экологическим бедствием, пришедшим с Андрюшей, и пропала в жаркой душистой синеве.

— Что же мне теперь делать? — спросил Андрюша.

— Дари уж, кому хотел. Только на будущее осторожней, береги природу. Пора нам здесь заповедник устраивать. Ты мальчишек двух не встречал, Сеньку и Семена?

— Видел.

— Из-за них, стервецов, я Мишке малину уступил, за ними погнался. Опять браконьерствовали.

— Вы рыбу имеете в виду?

— Ее самую. — Видно, от малого роста дед говорил громко, уверенно, с нажимом на некоторые слова. — А ты что, в поп-группе выступаешь?

— Не понял, — сказал Андрюша.

— Волосы у тебя дикие. И характер буйный. На медведей бросаешься. Я решил было, что ты на саксофоне играешь. В ансамбле. Я, понимаешь, больше классический джаз уважаю. На уровне диксиленда. Ты как к диксиленду относишься?

— Положительно, — сказал Андрюша. — А почему медведь из пушки стреляет?

— Традиция, — сказал дедушка. — Хочешь поглядеть, как он это делает?

— Конечно, хочу. Только он меня не узнает?

— На работе смирный. Понимает, что может зарплату лишиться. Он за место держится. Сам-то он бескорыстный, но семья у него, медведица строгая. Да ты не бойся, в случае чего я ему объясню. Ведь это я шефство над пушкой осуществляю. Это точно.

— Так чего же он у вас малину отнял?

— Ты бы молчал — сам изранил, довел зверя до

крайности. Он же в принципе дикий зверь. — Дед рассердился. Даже остановился, топнул ногой и строго спросил: — За мельницей приехали?

— Почему все про мельницу спрашивают? Мы же фольклористы.

— Понимаю, — сказал старичок. — Я все равно к мельнице бы дорогу не указал. Мельница у нас со странностями.

— Любопытно посмотреть, — сказал Андрюша.

Они дошли до крайней избы, остановились. Старичок сказал:

— Вон на той стороне второй дом мой. Запомнил? Жду к себе.

Старичок быстро пошел через улицу к своему дому.

Андрюше не хотелось возвращаться домой. Он уже понял, что в деревне все знают о его утреннем подвиге, но относятся к нему без особой издевки. Может, поискать Эллу? Все-таки он член экспедиции, и его фотографическое мастерство может пригодиться.

Тут он увидел знакомых ребяташек, которые натягивали веревку между могучими липами. Андрюша присел на траву, было тихо, мирно, деревня ему нравилась, утренние приключения уже ушли в прошлое. Он глядел на Сеню и Семена и думал, что они чем-то — разрезом глаз или длинными белесыми ресницами — похожи на Ангелину.

— Прыгать будешь? — спросил Семен. — У нас тренировка по прыжкам в высоту. Скоро тренер придет.

— Вы тренируйтесь, я погляжу.

— Гляди, — сказал Сеня. — За погляд денег не берем. Только если какой-нибудь новый стиль знаешь, не скрывай. А то мы все фолсбери-флопом прыгаем, а он имеет пределы.

Семен разбежался и прыгнул через веревку. Не фолсбери-флопом, а перекидным да притом зацепился за

веревку на высоте метра с небольшим, грохнулся, хорошо — земля мягкая, трава.

— Разминка, — сказал он, — неудачное приземление.

Теперь разбежался Сеня, веревку он преодолел и сказал Семену:

— Поднимай выше.

— Правильно, — сказал подошедший невесть откуда Вениамин, снимая очки и передавая их Андрюше. — Я принимаю участие. Вы не возражаете?

— Прыгайте, — сказал Семен. — Эту высоту будете брать или поднимем?

— Поднимем, — сказал Вениамин. — Во мне подъем чувств.

Он затрусил к веревке, затормозил перед нею и подпрыгнул. Веревка ударила его по коленям, и Вениамин перевалился, шлепнулся на живот и замер. Подниматься было лень — жаркая истома завладела воздухом. Веня отполз в сторону, в тень, перевернулся на спину и закрыл глаза.

Сеня с Семеном подняли веревку повыше, до полутора метров. Сеня преодолел ее с первой попытки, Семен со второй стилем фолсбери-флоп. Андрюша поглядел на редкие кучевые облака и сказал:

— Надо мне честь города защищать. Разойдись, братва!

Он хорошо разбежался, перепрыгнул с запасом и сказал:

— Разрешаю поднять планку еще на три сантиметра.

На следующей высоте сошел Сеня, но Семен остался, Андрюша его обошел только по числу попыток.

— Наша взяла, — сказал Андрюша, — а вы говорили.

Он запыхался, устал. И как-то вылетело из головы, что его противникам лет по восемь, не больше.

— Сегодня ваша, завтра наша, — сказал Семен. — Мы еще в длину не прыгали. Смотри, тренер пришел.

Коля Полуехтов с сумкой «Олимпиада-80» через плечо остановился поодаль.

— Как успехи, малыши? — спросил он.

— Скромные, — сказал Сеня.

— Стараемся, — сказал Семен. — Без тебя трудно.

Коля подошел к веревке, ладонью проверил высоту — получилось до его носа.

— Солидно, — сказал он. — Метр пятьдесят три. С какой попытки брали?

— Андрей взял со второй, — сказал Семен. — Я с третьей.

— Нет, — Коля поглядел на Андрюшу снизу вверх, — для тебя это не достижение. В тебе живого роста, наверно, метр восемьдесят.

— Метр семьдесят шесть, — сказал Андрюша.

— Свой рост брать надо без усилий. Это твой предел?

Мальчишки смотрели на Колю с уважением, верили каждому слову.

— Не знаю, — сказал Андрюша. — У меня другие цели в жизни.

— Цели прыжкам не помеха. — Коля говорил поучающим голосом. Андрюшу это разозлило.

— А ты свой рост можешь взять?

— Не проблема, — сказал Коля и, не снимая сумки и не раздеваясь, даже без разбега присел, оттолкнулся и перемахнул через веревку. Потом обернулся к Андрюше. — Ты на меня не обижайся. Я к зиме буду два метра брать. Такая у меня цель. Ну ладно, вы тут отдыхайте, а у меня дела.

Коля пошел через дорогу к дому, а Сеня сказал вслед:

— Редкого упорства он у нас.

— Энциклопедию читает, — вздохнул Семен. — Уже третий том.

Из калитки вышел пес, поглядел по сторонам, затрусил к околице. Вид у пса был деловой, задумчивый.

— За коровой пошел, — сказал Сеня.

По улице не спеша шли Элла Степановна и Эдик. У калитки они остановились. До молодых людей донесся вопрос Эдуарда:

— Вы удовлетворены встречей?

— Спасибо, Эдик, — сказала Элла Степановна. — Ваша помощь совершенно неоценима.

— Ну что ж, и нам надо идти, — сказал Андрюша, подождав, пока Эдуард откланяется.

11

Глафира задержалась в правлении, вела телефонные переговоры с районом. Ангелина осталась на ферме, там заболел теленок. Обед готовила Элла, а Коля истопил баню, и экспедиция как следует вымылась. Баня оказалась настолько эффективной, что лицо Вениамина приобрело естественный бело-голубой цвет. Правда, он сам этого не заметил, так как его неожиданная влюбленность в портрет воздвигла между ним и действительностью стену. Элла Степановна, узнав о происшедшем, искренне расстроилась.

— Придется мне сходить и поглядеть, что там за портрет, — решила она.

Коля убрал со стола посуду и достал с полки четвертый том энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

— Почитаю немного, — ответил он. — До вечерней тренировки время есть.

— Андрюша, — спросила Элла, — у тебя магнитофон в порядке? С завтрашнего дня начинаем запись.

— Техника у меня готова... — ответил Андрюша. — Только я завтра утром на мельницу сходить хотел.

— На какую мельницу? — возмутилась Элла. — Мы приехали...

— Знаю, за песнями, — согласился Андрюша. — Но наш долг не проходить равнодушно мимо исчезающих памятников старины. К тому же она какая-то странная.

— Ничего странного, — заметил Коля, отрываясь от энциклопедии. — Почти обыкновенная. Только бродячая.

— На колесах? — спросил Андрюша.

— Нет. Просто бродячая. В прошлом году на холме стояла, за рекой. Потом пропала. Говорят, в Волчьем логу объявилась.

— И ты в это веришь! — воскликнула Элла. — Ты же пионер!

— А чего же не верить?

— И как ты это объясняешь? — спросил Андрюша.

— А чего объяснять? Это все проделки секунд-майора, — сказал Коля. — Он на мельнице ходит и шалит. Все знают.

— Ну это никуда не годится! — сказала Элла. — Я с твоей бабушкой поговорю.

— Поговорите, — сказал Коля и продолжал чтение энциклопедии.

— Местный фольклор, — сказал Вениамин. — Обычный местный фольклор. Рождается на глазах. Мельницы, может, и нет... Вот пройдет несколько месяцев, и будут обо мне рассказывать, как я влюбился в портрет, а он ожил и стал человеком. У Гоголя...

— В тебе живет Пигмалион, — сказал Андрюша.

— Но портреты не оживают, Вень, — сказала Элла. — Выкинь это из головы.

— Я пойду, — сказал тогда Вениамин, — в артель. Погляжу на портрет.

Коля вздохнул и снова отложил энциклопедию.

— Ну дети, прямо дети, — сказал он. — Что, у вас фольклористы все такие психованные?

— Меня это смущает, — серьезно ответила Элла. — Хотя и твой, Коля, рассказ о мельнице меня не утешил.

— Я все-таки пойду, — сказал Вениамин. — У меня предчувствие...

Он направился к двери, но в этот момент дверь открылась, и вошла Ангелина.

— Вы уже пообедали? — спросила она с порога. — А я спешила...

Тут раздался глухой и продолжительный удар.

Вениамин со всего размаха грохнулся на пол.

Он лишился чувств.

12

— Эх, — сказал Коля, окончательно закрывая энциклопедию.

— Я что-нибудь не то сказала? — испугалась Ангелина.

— Он переутомился... Андрюша, воды, — сказала Элла, наклоняясь над Веней.

— История загадочная, — сказал Андрюша. — Вы знакомы?

Ангелина отрицательно покачала головой, зачерпнула из ведра кружку воды, дала Элле. Элла поднесла к губам Вениамина, но тот не прореагировал на это. Элла вцепилась аспиранту в пульс, а Андрюша перехватил кружку и вылил ее на голову своему коллеге.

Вениамин захлебнулся, чихнул, закашлялся, вскочил, увидел Ангелину и пытался тут же снова грохнуться в обморок, но этого не допустил Андрюша:

— Стой! Сначала объяснись!

— Это она... — промолвил Вениамин. — Я так и знал.

— Кто она?

— Портрет, — сказал Веня. — Я не зря надеялся.

После этого падать в обморок было уже не нужно,

да и неудобно. Веня смертельно смутился, оттолкнул заботливые руки Эллы, резко поднялся и, пошатываясь, отошел к окну.

— Все ясно, — сказал Андрюша смущенной Ангелине. — Наш ученый сегодня побывал у ваших кружевниц и увидел там женский портрет. Он влюбился в него с первого взгляда. А тут ты входишь...

— Это ваш портрет, — сказал Вениамин, не оборачиваясь. — Это вы.

— А если это был портрет императрицы Елизаветы Петровны? — спросил Андрюша. — Понимаешь, с кем ты теперь имеешь дело?

— Мне все равно, — глухо сказал Вениамин, глядя в окно. — Я потрясен. Я не знаю, что мне теперь делать.

— Сходить к колодцу, — сказал Андрюша. — Чай будем пить.

— Не надо, — сказал голос от двери. — Чай погудит.

В дверях стоял вошедший незамеченным шофер Василий, который держал в кулаке два билета в кино.

— Добрый вечер, — сказала Элла Степановна. — Как приятно, что вы нас навестили.

Василий даже не взглянул на нее.

— Ты в кино идешь или не идешь? — спросил он сурово Ангелину. И сам ответил: — Не идешь.

— Если ты ревнуешь, — сказал Коля, — то зря. Веня в портрет влюбился.

— Камуфляж, — сказал Василий. — Ты мне мозги не пудри.

— Клянусь вам! — резко обернулся от окна Вениамин. — Клянусь, что я не видел Ангелину раньше. И мое отношение к ней вторично!

— Почему вторично? — удивилась Ангелина.

— А вы садитесь, посидите с нами, — сказала Элла. — Хотите, кто-нибудь из нас в кино с вами пойдет?

— Чего? — Василий только сейчас вспомнил про билеты. Он разжал кулак. Билеты закружились и упали на пол, а Василий подошел к Вениамину и сказал с угрозой: — Иди к своему портрету, понял? На Ангелину ни взгляда, ни вздоха, понял?

— Я не могу дать вам такого обещания, — сказал Вениамин. — Простите меня, пожалуйста. Это выше меня.

— Мое дело предупредить, — сказал Василий. Он смотрел на аспиранта с презрением и не уходил, не сказав последнего слова, но тут за окном мелькнула черная тень, и раздался крик:

— Меакульпа!

Лицо Василия исказилось.

— Проклятие! — закричал он страшным голосом и выбежал из дома. Вревел под окном грузовик.

— Кто же это? — спросила Элла.

— Я думаю, что птица, — сказал Андрюша. — Та самая, да?

— Гришка, — сказала Ангелина. — Это Гришка. Вася за ним вторую неделю гоняется.

— Не догонит, — сказал Коля. — Хочешь, посмотришь?

Андрюша вслед за Колей выбежал на улицу.

Солнце клонилось к закату. Тени от домов и деревьев стали длинными и лиловыми, а трава казалась еще светлее и зеленее.

Далеко над улицей медленно летела громадная черная птица, за нею гнался грузовик.

— Не догонит, — повторил Коля, — ты не беспокойся.

Андрюша хотел сказать, что и не беспокоится, но сзади раздался голос Эдуарда Олеговича:

— Удивительно! Взрослый человек, а такая страсть!

— Страсть? — удивился Андрюша. — К Ангелине?

— О нет! К таксидермии.

— Не понял, — сказал Андрюша. Он не знал такого слова.

— Вася мечтает сделать чучело из этого рекордного экземпляра и послать в Академию наук.

— Это не чучело! — возмутился Коля. — Гришка триста лет жил и еще проживет.

Неподалеку возникли Сеня с Семеном.

— Я пошел, — сказал Эдуард Олегович. — В клубе дела. Если захочешь, Андрюша, приходи. Гитару бери, послушаем.

— Спасибо, — сказал Андрюша. — Я вот о мельнице думаю.

— О мельнице? — улыбнулся Эдуард Олегович. — Старухи уверяют, что там вроде бы привидение проживает.

— Живет, — подтвердил Сеня. — Все знают, что живет.

— А кто-нибудь видел? — спросил Андрюша.

— Пойдешь, сам увидишь, — сказал Коля.

— Пойдем, — сказал Андрюша.

— Сейчас? — Коля посмотрел на небо. — Стемнеет скоро.

От реки донесся натужный вой двигателя. Все обернулись туда.

В облаке пыли появился грузовик. Набирая скорость, он промчался по улице. Мелькнуло лицо Василия, пригнувшегося к рулю.

Грузовик выскочил на дорогу, пронесся по аллее берез, свернул за холм и исчез.

— Нет, — сказал Эдуард Олегович. — Пойду на репетицию. Совершенно недопустимо ездить по улицам с такой скоростью. А вам... — он печально поглядел на Андрюшу, — идти на мельницу не рекомендую. Вечером в лесу опасно, мало ли что почудится. К тому же мельницы, по моим сведениям, давно уже не существует...

— Не существует? — сказал Сеня обиженно. — А я что, слепой, что ли? Что я, школу-интернат в Волчьем логу видал?

— Все ясно, — сказал тогда Андрюша, оглядев молодежь. — Я иду за фотоаппаратом, через минуту выступаем.

13

Андрюша схватил сумку с камерой и тут же выскочил из дома.

Малолетняя гвардия переминалась с ноги на ногу. Здоровый народ, подумал Андрюша, не болеют, сливки вместо молока пьют, занимаются спортом, телевизор смотрят, а вот верят в привидение секунд-майора. Стыдно.

— Далеко идти? — спросил он.

На лицах гвардии наметилось некоторое разочарование. Видно, надеялись в глубине души, что городской ученый пошутил.

— Нет, — сказал Сеня. — Если, конечно, не заблудимся.

Не заблудились. Правда, добирались до Волчьего лога больше часа. Шли напрямик через сосновый бор, затем по пологому склону, поросшему можжевельником, через небольшое болото, по лугу, где стояли стожки сена, потом попали в глухой бурелом, что остался от давнишнего лесного пожара.

В лесу было много грибов, крепкие боровики — шляпки с тарелку — умоляли собирать их, но собирать было некуда. Через полчаса Сеня с Семой устали, пришлось передохнуть на полянке, усыпанной черникой. Пока сидели, не сходя с места, наелись черники до синевы на языке, горстями стаскивая ягоды со стеблей.

Потом лес стал гуще, будто никто никогда по нему не ходил, но вдруг впереди обнаружился просвет.

Солнце только-только село, и в лесу сразу стало уютно. Путешественники поспешили к свету.

Оказалось, это заросшая по грудь дорога, угадать которую позволяли лишь канавы по сторонам. Правда, посреди нее трава была примята, видно, кто-то по этой дороге порой ездил.

— Тут когда-то скит был, — сказал Сеня. — Дикие отшельники прятались. Только их скит в озеро провалился.

— Сказки, — возразил Семен. — Лесоразработки тут были.

Дорога заросла крапивой, ее приминаешь, она поднимается лениво, с раскачкой, норовит хлестнуть по лицу смертельной болью. Из леса тянуло вечерним холодом, а на дороге еще было светло, и жужжали, спешили добрать дневную норму пчелы, стрекозы парили над головами.

Справа открылась низина.

— Вот он, Волчий лог, — сказал Сеня. — Тут мельница стоит.

Он поспешил через лужайку, остановился, огляделся.

— Вот. Здесь она стояла.

Трава в середине поляны была примята большим квадратом, особенно глубоко в землю уходили следы двух параллельных бревен. Внутри квадрата трава была низкой, жухлой и белесой.

Коля пошел кругами все шире, наконец крикнул:

— Она в эту сторону ушла!

Андрюша отмахнулся. Мистики он не любил. Мистика не входила в круг привычных для него понятий, а раз так, ее существовать не могло. Но похоже было, что они пришли именно в Волчий лог, а здесь недавно еще стояла мельница. Только мельница ушла.

— Я серьезно говорю, — сказал Коля. — Она следы оставила.

Мельница, видно, ползла по траве, кое-где вырывая ее целыми пластами. Борозды вели к дороге.

— Зачем? — спросил Андрюша. — Кому это нужно?

— Кому? — переспросил Семен. — Ясно кому. Секунд-майору. — Он протянул Андрюше что-то блестящее. — Смотри.

Это была старая медная пуговица, гладкая, выпуклая, размером с трехкопеечную монету.

— Он в мундире ходит, — сообщил Сеня. — Мундир у него военный тех времен. Пуговицы такие. Это все знают.

— Чепуха, — сказал Андрюша. — Если он привидение, то он нереальный. Откуда у миража медные пуговицы?

— Не знаю, — сказал Семен. — Значит, так нужно.

Следы мельницы доходили до лесной дороги, потом сливались с колеями.

— Когда же она ушла? — спросил Андрюша задумчиво. — Сегодня?

— Нет, что ты, — сказал Коля, — с тех пор дождь был. Все следы залило. А то бы мы лучше разобрались.

Не сговариваясь, пошли дальше. Солнце село, звенели комары. В глубине под большими деревьями посинело, краски размылись, тени стали непрозрачными. Но на дороге все еще было светло.

— Может, вернемся? — спросил Сеня. — Скоро стемнеет.

— Нет, — сказал Коля. — Мы до протоки дойдем. Не могла мельница далеко уйти. Она бы в реке утонула.

Андрюше, хоть он и был виновником похода, стало не по себе — не приходилось раньше встречаться с бродячими мельницами, секунд-майорами и прочей ерундой, которой, разумеется, нет, потому что не может

быть, но которая все-таки существует, а возвращаться придется по темному лесу, с ним трое мальчишек, еще потеряется кто-нибудь, а лес здесь бесконечный, и он, Андрюша, с ним незнаком. Еще сто шагов, сказал он себе, и повернем...

14

Мельница обнаружилась через двести шагов, на другой поляне, у тихой, заросшей рогозом протоки. Стояла она неподалеку от дороги и так хорошо спряталась в ивняке, что, если бы не следы в том месте, где она сползла с дороги, ее бы и не заметить.

Она оказалась куда меньше, чем представлял себе Андрюша: если бы Дон-Кихот захотел с ней сразиться, не надо было бы садиться на коня. Да к тому же она где-то потеряла крылья. Просто избушка с высокой четырехскатной крышей. Маленькая дверца, даже Коле пришлось бы согнуться, входя туда, да узкое окошко.

В синеем воздухе было видно, что в мельнице горит свет — прямоугольник окна казался оранжевым.

— Это мельница? — спросил Андрюша тихо.

— Она, кому же еще здесь быть, — ответил шепотом Сеня. — Я ее в Волчьем логоу и видел.

— В ней кто-то живет?

Дети поглядели на Андрюшу как на сумасшедшего. Они не сомневались, что там обитает именно секунд-майор, который теряет медные пуговицы.

Желтизна окошка должна была бы внушить мысли об уютной комнатке, о самоваре, шипящем на столе, о кренделях и душевной беседе, но и в самом деле Андрюше почему-то представилась там, внутри, злобная баба-яга, которая орудует лопатой, стараясь засадить в печь очередного дурака.

— Я все-таки схожу, — сказал Андрюша не пото-

му, что действительно желал этого, а потому, что не мог так просто сдаться и повернуть.

— Мы здесь постоим, — ответил Сеня.

Андрюша оставил мальчишкам сумку и сам пошел к мельнице, но не напрямик через поляну, а ближе к кустам, так, чтобы привидение, вздумай оно выглянуть оттуда, его не заметило бы. Хотя, конечно, привидений не бывает.

Под ногой хрустнула ветка, Андрюша отпрянул в сторону, угодил в неглубокую яму и застыл в неудобной позе. Ему показалось, что шум раскатился на весь лес. С минуту он стоял на одной ноге и, только убедившись, что никто, кроме комаров, не обращает на него внимания, двинулся дальше.

Окошко оказалось высоко, чтобы заглянуть в него, пришлось подняться на цыпочки, опершись о стену. Бревна были холодными и чуть влажными, между ними вылезала серая пакля. Стараясь унять стук сердца, Андрюша заглянул внутрь, но увидеть ничего не успел, потому что его внимание было отвлечено дыханием за спиной. Он нервно обернулся. Сзади стоял Коля.

— Ты чего? — прошептал Андрюша.

— Они убежали, — прошептал в ответ Коля. — Сенька с Семеном. Чего мне одному стоять. Страшно. А что там?

— Тише. Сейчас! — Андрюша снова приподнялся и наконец смог разглядеть, что происходит внутри.

Мельница представляла собой небольшую тесную комнату, заставленную какими-то ящиками и бочками. Она была скупо освещена железнодорожным фонарем. При его неверном свете Андрюша увидел стоящего спиной к нему человека со знакомым борцовским затылком. В руке его поблескивал стальной прут. Человек разговаривал с кем-то, загораживая собеседника широкой спиной.

— Отвечай, — говорил он. — Отвечай, или хуже будет.

Собеседник молчал. Сверкнул стальной прут, рука резко опустилась, раздался гортанный крик боли.

— Что? Что? — шептал сзади Коля.

— Там убивают, — обернулся к нему Андрюша. — Или допрашивают. Но это не привидение.

— Подсади, — попросил Коля.

Андрюша поднял Колю на руки, и в этот момент обладатель широкой спины повысил голос:

— Я тебе голову оторву, и никто не узнает. Понял, сволочь?

— Доннерветтер! — послышался гортанный голос.

— Ругаться, да? — Снова удар.

— Это Васька, — обернулся к Андрею Коля. — Васька-шофер.

Андрюша, не отпуская Колю, заглянул в окошко. Спина Василия сдвинулась, и глазам открылась невероятная картина: на крюках, вбитых в стену мельницы, был распят громадный черный ворон Гришка. Василий молотил его железным прутом, а ворон упрямо отклонял в сторону голову и норовил при этом ударить мучителя клювом.

— Гришка! — ахнул Коля.

Возглас Коли донесся до Василия, тот резко обернулся.

— Убью! — закричал он страшным голосом и, не выпуская из рук прут, бросился к двери.

Коля рванулся из рук Андрюши, оба упали на землю. Страх заставил их ползти, потом подняться на четвереньки и понестись к кустам. Им казалось, что разъяренный Василий уже настигает их...

Но этого не случилось. Сзади раздался короткий вопль ужаса. Топот преследователя оборвался, и Андрюша, кинув взгляд назад, увидел, что Василий замер, словно натолкнулся на стену.

— Смотри! — крикнул Коля, вскакивая на ноги.

По тонкому ватному слою вечернего тумана, укрывшему поляну, медленно, невесомо, зловеще надвигалась человеческая фигура, одетая странно и изысканно: в длинный зеленый камзол с красным воротником и обшлагами рукавов, в белые в обтяжку штаны, белые чулки и башмаки с пряжками. Лицо этой фигуры прикрывала зеленая треуголка, в руке был старинный пистолет.

Затрещали кусты — туда бросился Василий.

А Андрюша, хоть и не верил в привидения, ощутил такой ледяной и глубокий страх, что ноги сами повлекли его куда-то в сторону. Перед глазами мелькала спина удирающего Коли, потом надвинулась стена темных деревьев. Что-то ударило по ногам, Андрюша полетел в кусты и упал рядом с Колей.

Полежав какое-то время, Андрюша осторожно поднял голову и выглянул в просвет между кустами. Невесомо в синих сумерках привидение подходило к мельнице.

— Бежим, пока привидение далеко, — прошептал Коля.

— погоди, — сказал Андрюша, к которому возвращались присутствие духа и обычный скепсис.

— Это его мельница, — сказал Коля. — Васька туда забрался, и ему теперь не поздоровится. Секундмайор его за такое преступление из-под земли достанет.

Андрюша приподнялся на локтях, вглядываясь в даль. И увидел, как черная тень выскользнула из двери мельницы и взмыла к небу.

— Он его выпустил, — сказал Андрюша. — Подождем еще?

— Ты как хочешь, — сказал Коля, — с меня хватит.

— Ладно, — согласился Андрюша, который вдруг почувствовал, что очень устал и хочет домой.

Они не успели подняться — неподалеку хрустнула ветка. Кто-то шел осторожно и медленно.

— Васька! — шепнул Коля.

Но это был не Васька. Из кустов на поляну, почти растаявшую в сумерках, — туман, полосами поднимающийся от протоки, уже заполнял ее, — беззвучно вышла еще одна фигура. Еще одно военное привидение. Мундир его был синим с красным воротником и обшлагами, штаны в отличие от первого привидения были красными и заправлены были в высокие узкие сапоги с раструбами. Синяя треуголка была обшита позументом, блестящим под светом только что вышедшей луны.

— Снова секунд-майор, — прошептал Коля. — Это перебор.

— Наверно, он из другого полка, — сказал Андрюша.

Привидение оглянулось, словно вынюхивая живых, потом двинулось к мельнице. Шло оно по колено в тумане, и зрелище было загадочным и потусторонним.

В этот момент дверь в мельнице растворилась вновь, и оттуда, поправляя треуголку, вышел первый секунд-майор. Он сделал несколько шагов, прежде чем увидел своего двойника. В тот же момент и двойник увидел его.

Привидения остановились, приглядываясь друг к другу.

— Дубли, — прошептал Коля.

Привидения будто приросли к месту. Секунды тянулись медленно, страшное бесконечное безмолвие зависло над поляной. Андрюша слышал, как часто и нервно бьется его сердце.

И вдруг оба призрака повернулись и, убыстряя шаги, пошли в разные стороны: первый — к оврагу, второй — к дороге. Они шли все быстрее, летели над туманом... и растаяли в нем, словно их и не было.

Андрюша с Колей не сговариваясь вскочили и молча побежали по темному лесу.

Было совсем темно, когда они в километре от деревни выбрались на дорогу. Почти перед околицей сзади послышался гул мотора, и, отпрыгнув в кювет, они проследили, как по шоссе, дребезжа, промчался грузовик. Они переглянулись и прибавили шаг — деревня была рядом.

В домах уже зажглись огни, слышно было, как по камням бормочет ручеек. От крайнего дома поднялись две тени — Сеня и Семен, подбежали к дороге.

— Мы вас ждем, — сообщил Сеня, — даже замерзли.

— Сбежали, — сказал презрительно Коля.

— А мы привидение видели, — сказал Семен. — Так бежали, что чуть ноги не поломали.

— Мы их пачками видели, — сказал Андрюша. — Они у вас в лесу, как грибы. Василий проезжал?

— Только что проехал. А что?

— Ничего, — сказал Коля, — спокойной ночи, малыши.

15

— Ты где пропадал? — спросила Элла, увидев Андрюшу. — Я уже готова была поднимать на ноги всю деревню.

— Мы с Колей в лесу гуляли, — сказал Андрей. — А где наша молодежь?

— Веня с Ангелиной в клуб пошли. Там репетиция хора. Ангелина поет, а Веня хотел послушать, нет ли там интересных мелодий.

— Ясно, — сказал Андрюша, — Веню вела бескорыстная любовь к фольклору.

— Если ему нравится Ангелина, в этом нет ничего страшного, — сказала Элла. — Тебе это чувство пока незнакомо.

— К счастью, — сказал Андрюша. В тот момент

подобные чувства были от него и в самом деле далеко.

Коля разжигал печку, поглядывая на Андриюшу. Он не понимал, чего Андриюша таится, не рассказывает о привидениях начальнице, но сам был человеком сдержанным и в чужие дела не вмешивался. Тем более тут же пришла Глафира, тяжело опустилась на стул.

— Уморилась до смерти, — сказала она, — рабочих рук не хватает. Хоть детей поднимай. Артель закрывать будем.

— Тетя Агафья не согласится, — сказал Коля, раздувая печь. — У нее план.

— Не знаю, что и делать. А тут еще совещание по льну. А у вас как день прошел?

— Эдуард Олегович познакомил нас с женщинами. Они мне обещали помочь. Вениамин сейчас в клубе на репетиции.

— Он в Гельку влюбился, — сказал Коля.

— Чего? Уже успел? Ах она мерзавка, — рассердилась Глафира. — Человек ученый, на работе, а она ему голову крутит!

— Нет, — сказал Андриюша, — она не виновата. Веня у кружевниц портрет увидел и восхитился. А Ангелина оказалась копией портрета... Тут его сердце не выдержало.

— Ох, не смейся, Андриюша, — сказала Элла. — Ох, не смейся. Когда-нибудь и сам попадешь в ситуацию похуже этой.

— Понятное дело. Девка в городе пожила, теперь тоскует, — сказала Глафира. — А тут образованный человек, в очках. Но меня больше Василий беспокоит.

— Мы Васю сегодня в лесу видели, — сказал Коля. — На мельнице. Мы Андрею мельницу показывали.

— В Волчьем логу?

— Нет, она дальше ушла, — сказал Коля серьез-

но. — Мы ее у Максимовой протоки нашли. Василий там Гришу пытал!

— Не может быть! — ахнула Элла. — Какого Гришу? Почему не остановили? Почему мне ничего не рассказали?

— Погодите, — сказала Глафира, тяжело поднимаясь из-за стола. — Ты, Николай, рассказывай по порядку. Меня давно этот Васька смущает. Чего пытал, чего узнать хотел?

— А мы не видели, — сказал Андрюша. — Понимаете, он стоял к нам спиной, а там плохое освещение...

— А потом он нас услышал и погнался. А тут привидение...

— Привидение? — спросила Элла.

— Секунд-майор, — сказала Глафира. — Я, правда, его не видела, но некоторые встречали.

— Но ведь этого быть не может, — сказала Элла.

— Правильно, — согласилась Глафира. — Рассказывай дальше, Николай.

— Нечего рассказывать. Привидение пришло в мундире и с пистолетом, Васька бежать, мы тоже.

— И все?

Коля поглядел на Андрюшу. И Андрей понял почему. Пока речь шла об одном привидении, вроде бы можно было в это верить.

— Не все, — сказал Андрюша. — Привидений было два.

— Чего меня морочить вздумали? — нахмурилась Глафира.

— Ей-богу, два, — сказал Коля. — Только один в зеленом мундире, а другой в синем. Первый в мельницу пошел, Гришу выпустил...

— Значит, беспокоится, ход бережет, — сказала Глафира.

— Гриша не скажет, — заметил Коля.

Андрюше вдруг стало грустно. Он здесь чужой. Вроде бы видит, что и другие, вроде бы с ним разговаривают, за столом сидят, в лес ходят, а от этого лишь накапливаются недоразумения и тайны. То нападаешь на медведя, а оказывается, что нападать не положено, то ищешь в лесу мельницу, и никого не удивляет, что мельница бродячая, а в ней допрашивают Гришу, тебе уже кажется загадкой, а может, все просто объясняется, да некому объяснять?

Наступила пауза, которую ни Элла, ни Андрей не посмели нарушить. Элла накручивала на палец рыжий локон и старалась убедить себя, что хозяева шутят. Глафира снова уселась за стол, задумалась, потом надела массивные модные очки и начала просматривать газету — передовицу про сенокос.

— Гляди-ка, — сказала она, — «Путь революции» шестьдесят два процента скосил. Вы такое видели? Да они не начинали за Сотьвой косить!

— Вчера косили, — возразил Коля. — Известное дело, у них студентов тридцать человек.

— Студенты по лесу ягоды собирают, — сказала Глафира. — Поверь уж мне, поспешил Кондратий с отчетом. Ой, поспешил.

— Значит, вы наблюдали фигуры в офицерских одеждах? — тихо спросила Андрюшу Элла. — А что, если здесь дислоцирована воинская часть? Они же имеют право в свободное время гулять по лесу.

— Если и была дислоцирована, — вздохнул Андрюша, — то лет двести назад, как в Конотоп перевели. Жаль, темно было, не сфотографируешь.

— Милиция по Ваське плачет, — сказала Глафира, откладывая газету. — Сколько лет мельница на месте стояла. Кому это нужно, не пойму. А ну-ка, Николай, добеги до Артемия, позови. Надо мне с ним поговорить.

Старик Артемий вошел в комнату несмело, задер-

жался в дверях. В руке обвязанный веревкой старый чемоданчик, с такими ходят водопроводчики.

— Вечер добрый, — сказал он, поглаживая седую бороденку. — Не побеспокоил?

— Заходи, дед, — сказала Глафира, снимая очки, кладя на стол и припечатывая тяжелой ладонью, словно муху. — Садись.

Дед присел на стул.

— Чего приглашала? — спросил он.

— Претензии у меня к тебе. А какие, знаешь?

— Знать, конечно, не знаю. Не имею возможности. Но догадываюсь. На работу я сегодня не вышел. Это точно!

— Занемог снова? А косить кто будет?

— Правильно! Но не занемог. А волновался. За здоровье Михаила, сама понимаешь. Испугали они его. — Дед вежливо наклонил голову к Андрюше. — Без злого умысла, но подстрелили. А он у нас нервный стал, очень нервный. Малину у меня отобрал. Но завтра с утра, Глафира, это точно! С косой на поляну! Без обману, это точно!

— А то смотри, что пишут. «Путь революции» уже шестьдесят два процента скосил.

Дед вытащил из кармана серого пиджака старинный лорнет в золотой оправе, растворил его и наклонился над передовицей. Все молчали, пока дед, шевеля губами, читал сообщение о ходе косовицы.

— Да, — сказал он наконец, — Кондратий, можно сказать, преувеличил. Это точно!

Коля достал горшок с картошкой. Элла помогла ему, поставила рядом сковороду с рыбой, а Андрюша резал хлеб.

— Ты мне скажи, где Гриша? — спросила Глафира. — С ним чего не случилось?

Дед откашлялся, но промолчал.

— Чего молчишь? Люди это приезжие, все равно не поймут.

— Видел сегодня Гришку, — сказал дед. — Видел. Прилетел он. Крыло у него поврежденное, двух перьев на хвосте нет. Дал я ему политическое убежище.

— Василий? — спросила Глафира.

Дед удивился. Сильно удивился, вцепился себе в бороденку, дернул ее книзу, глаза остекленели.

— Василий? Чего Василий? — спросил он.

— Ну не хочешь, как хочешь, — сказала Глафира. — Только учти, старый, вот эти ребята в лесу были, мельницу нашли. Василия там видели. И Гришу.

— Мельницу? В Волчьем логоу? — спросил дед.

— Не, — сказал Коля, — дальше, у Максимовой протоки.

— Ага, — согласился дед, — дальше.

— А Гришка к тебе когда прилетел?

— Да полчаса не будет, как прилетел.

— А что сказал?

— А что он скажет, птица глупая.

Элла с Андрюшей слушали этот разговор, и смысл его был близок, почти раскрыт, но догадаться самим невозможно.

— Значит, ты ничего не знаешь? — спросила Глафира.

— Знать не знаю, это точ-на. Но обязательно догадаюсь, ты меня, Глаша, знаешь.

— Садись тогда, поешь с нами.

— Мне ни к чему, благодарствую. Я ужинал.

— А ты поешь. Не отказывайся. И люди с тобой поговорят. Ты ведь им тоже не без пользы... Странно мне. Вроде бы людей знаю и места, всю жизнь здесь прожила, а вот теперь чего-то не понимаю.словно злой дух какой вмешался. Ну просто не понимаю!

— Я так тоже думаю, — сказал дед. Достал щеточку, принялся чесать бородку. — Также думаю, что

есть какой-то злой дух, только не пойму еще, как его фамилия.

— Значит, не веришь?

— В кого не верю?

— В секунд-майора.

— Нет, — сказал дед скорбно, — верю. Не хотел бы, да верю. Сам видел. В лесу. Сегодня. Ходит, шастает. А чего ему надо, спрашивается?

— Вот поедим, — сказала Глафира, — и принимайся, дед Артем, за рассказ.

— О чем рассказывать-то?

— Не притворяйся, чемодан-то чего притащил? Кто не знает, что ты в нем свои бумаги хранишь.

— Берегу, — согласился дед, — от дурных людей.

16

Дед достал длинный костяной мундштук, потом из другого кармана расшитый бисером кисет с табаком, закурил самокрутку, вставил ее в мундштук.

Элла с Колей убрали со стола. Дед поставил на стол чемоданчик, развязал веревки — и тот сразу распахнулся, из него ворохом полетели листы бумаги.

— Деревня наша, — сказал дед, раскладывая бумаги по столу, — имеет историю долгую и необыкновенную. А известна она узкому кругу людей, потому что другие не интересовались. Ты посмотри на своих гостей, Глафира. Они по специальности все волчьи углы облазили, а вот до нас только к концу двадцатого века добрались. Вот ты, рыжая, — это относилось к Элле, и та не обиделась, — скажи, почему Ручьи Полуехтовы?

— Помещик был Полуехтов, — сказала Элла. — Нам Эдуард Олегович рассказывал.

— Эдуарда Олеговича меньше слушай. Он человек

пришлый, гордый, а без любопытства. Как приехал, так и уедет.

— Эдуард Олегович много делает для самостоятельности, — сказала Глафира.

— Когда по делу говоришь, Глафира, я к тебе всегда прислушиваюсь. Но когда о самостоятельности или, допустим, об американском джазе, то лучше помолчи. Ясно?

Глафира улыбнулась. За окном стало совсем темно, луна повисла над занавеской.

Дед Артем хитро прищурился, отложил лорнет, выставил бородавку, потом закачался медленно и ритмично, руки его поднялись над коленями, словно на коленях лежали гусли и дед собирался себе аккомпанировать.

— В некотором царстве, — начал он нараспев, — в некотором государстве...

— Послушай, Артемий, — перебила его Глафира, — а нельзя ли попроще?

— Проще нельзя, — сказал Артемий. — Ты забыла, кого принимаем? Принимаем мы специалистов по фольклору — для них что начинается с трезвых дат и фактических сведений, в уши не пролезает. Продолжаю. Значит, в некотором царстве, в некотором государстве жили-поживали добрые крестьяне, землю пахали, горя не знали, подати платили, лен молотили...

Андрюша включил магнитофон, и дед наклонился к нему поближе, чтобы магнитофон чего не пропустил, а сам поглядывал на зеленый дрожащий огонек индикатора, следил за качеством записи.

— Тебе ли фольклор придумывать? — усомнилась Глафира.

— Кто-то должен это делать, — сказал дед. — Не оставлять же на откуп неграмотным бабкам. А ты чего «телефункен» не купишь?

— Чего? — не понял Андрюша.

— Качество невысокое, — сказал дед.

— Не отвлекайся, — сказала Глафира. — Думаешь, если новая аудитория, на тебя управы нету? Вот велю Кольке рассказывать...

— Нет, Кольке нельзя, — не согласился дед, — он романтик. Он обязательно приврет. Про крепость и индейцев.

— Тогда я сама расскажу.

— Давай, чего мне, я разве возражаю? Ты бригадир, ты здесь исполнительная власть. Давай рассказывай.

— Дело в том, — сказала Глафира, — что дед наш краевед. Он три отпуска в Ленинграде провел в архивах, в музеях. Все наши легенды и сказки научно объяснил, но, разумеется, личная скромность его подводит, да и недостаток образования... — Глафира говорила, ухмыляясь, поглядывала на деда, тот вертелся на стуле: и приятно было слушать, и самому поговорить хотелось.

— Ладно, — сказал дед, — я сам продолжу.

Он обеими руками подвинул к себе кипу бумаг. Бумаги оказались различными — старыми мятыми записками, машинописными страницами, фотокопиями документов, исписанных писарской вязью...

Дед порылся в бумагах, окинул строгим взглядом притихшую аудиторию и сказал:

— Начнем тем не менее с фольклора.

— Начнем, — сказал Андрюша и вытащил фотокамеры. Вид деда, лорнирующего фольклорную экспедицию, был экзотичен.

— Выдержку побольше сделай, — сказал дед строго. — Тут света маловато. А начнем с чистой сказки. Как звучала она в народе и как ее записал от моей бабушки Пелагеи случайный человек приват-доцент Миллер, добравшийся до наших мест из любознательности, свойственной положительному российскому немцу.

Дед извлек фотокопию журнальной страницы.

— Напечатано в журнале «Любитель Российской старины», номер шесть, декабрь 1887 года, на этом номере журнал прекратил свое существование. Найден мною в библиотеке Пермского института культуры. «Быль то или небылица» — так моя бабушка начала свой рассказ, типичный запов в наших краях.

— Типичный, — согласилась Элла, — вы совершенно правы.

— «Быль то или небылица, летела птица, несла яицы». Последнее слово отношу на совесть Миллера, бабушка моя никогда так не рифмовала, — сказал дед.

— Это невозможно, — снова согласилась Элла. — Сказительницы всегда берегли русский язык.

— Будем думать, что бабушка здесь обошлась без рифмы, — сказал дед. — Суть в следующем. Вначале идет обычный текст об Иване-дураке, который намерен отыскать лекарство для царевны. Встречает Иван старца. Теперь слушайте текстуально. «И сказал ему старец: за лесами, за морями, за высокими горами есть в лесу ключ, а вода в нем живая. Если дашь мертвецу испить, встанет мертвец, коли дашь больному испить, исцелится больной, коли дашь калеке испить, плясать пойдет».

— Так и написано?

— Повторяю, в записи немца Миллера. Продолжаю: «И сказал тогда Иван-дурак: пошли, царь-батюшка, за живой водой, вылечим мы твою царевну. Сильно разгневался царь-батюшка. Как, говорит, смеешь ты, крестьянский сын, мне указания делать? Возьми, говорит, роту солдат и следуй к ключу, найди его, принеси воды и вылечи царевну. Вылечишь, будет тебе царевна в жены и еще полцарства в придачу».

Дед отложил листок, пролорнировал фольклористов и спросил:

— А часто ли Ивану-дураку придают роту солдат?

— Ну, это совершенно нетипично, — сказала Элла Степановна. — Герой в сказке всегда действует один.

— Вот видишь, — сказал дед Артем, — я тоже так рассудил. А ведь должен тебе сказать, что историю эту я слышал от бабушки хоть и после того, как немец Миллер здесь побывал, но еще когда бабушка была в твердом уме и памяти. Я тогда, конечно, про Миллера не знал, но мне-то бабушка говорила, что ключ живой воды находился в лесу за нашей деревней. Понимаешь, за нашей! Точ-на!

— А он там есть? — спросил Андрюша. — Или бродячий какой, как мельница?

— Вот это я и решил проверить. Тем более что с водой в нашей деревне необычно.

— В каком смысле? — спросила Элла Степановна, инстинктивно отстраняя чашку с чаем, чего никто, кроме Андрюши, не заметил.

— А в том смысле, что она у нас особенная. Чистая, добрая.

— Волосы отмываются, как в шампуне, — сказал Коля.

— Не в этом дело! От нашей воды здоровье улучшается, силы прибывают. Лучше боржоми.

— Ну уж скажешь, — возразила Глафира. — Патриот он у нас, даже писал в Кисловодск, чтобы прислали специалиста.

— И пришлют, — сказал дед. — Спohватятся, пришлют.

— Нет смысла, — сказал Андрюша. — Сюда добираться трудно. Кто поедет? Моря нет, пейзажей мало.

— А вот и дурак, — сказал дед убежденно. — Потому что, оказывается, раньше люди были поумнее, чем ты, студент. Что имел в виду народный эпос под видом Ивана-дурака и его роты солдат? Нет ли здесь исторического объяснения?

— Правильно, — сказал Андрюша. — Пушка на площади, верстовой столб, фамилия «Полуехтовы».

Дед повертел стопку бумаг, подвинул к себе некоторые, не спеша проглядел, хотя, видно, знал их назизусть.

— В середине восемнадцатого века царствовала на престоле злая баба, царица Анна Иоанновна, слышали о такой?

Элла кивнула.

— И под конец своего царствования занемогла она от дурости и невероятного обжорства. И каким-то неясным пока для нас путем узнала, что есть на Урале целебный источник. Полагаю, слух шел от промышленников, что за мягкой рухлядью сюда ходили. Ведь цари — они как обыкновенные люди: заболеют, всему готовы поверить. Царица велела обязательно этот источник найти и сделать здесь курорт для своего величества. — Дед достал большой ветхий лист, свернутый в трубку, развернул. — «Мы, божьей милостью, Анна Иоанновна», — прочел он. — Без лупы не поймешь, а я два месяца сидел, пока понял... «Посылаем нашего войска секунд-майора Ивана Полуехтова...» А дальше уж совсем ничего не разобрать. И знаете, где я эту бумагу нашел?

Дед сделал паузу, подождал, пока все откачают отрицательно головами, сказал тихо и торжественно:

— В сундуке моей бабушки. Ясно? Это оригинал. Может, где в архивах и есть копия, но это оригинал. И из него ясно, что царица послала в наши края одного секунд-майора. Тут уже сказка не сказка, ничего не поделаешь. А вот, гляди, я из журнала «Русский архив» переписал. «Об одной забытой экспедиции XVIII века». Пишет некто Федоров-Гаврилов. Цель, сообщает он, экспедиции, которая в большой тайне была направлена из Петербурга на восток в декабре 1738 года, так и осталась невыясненной. Известно, что во главе

стоял секунд-майор Полуехтов, отличившийся в Крымском походе с фельдмаршалом Минихом, — здесь все прописано, как и что. И полагал Федоров-Гаврилов, что экспедиция была направлена для достижения берега Ледовитого океана или за золотом, и рассуждает на эту тему, и говорит, что экспедиция так и не вернулась.

— Вот это здорово! — не удержался Андрюша. — А они, значит, сюда добрались?

— Больше того, без дорог, по тропе они и пушку сюда дотащили на одной армейской дисциплине. Дом построили, пушку поставили...

— Значит, они нашли источник? — спросила Элла.

— Полагаю, нашли наш ручей, — сказал дед. — Вода в нем хорошая.

— Хорошая, — сказала Глафира, — но обыкновенная.

— А царице все хуже, — продолжал дед. — И спрашивает она своих биронов и остерманов: как там дела с моим срочным исцелением? А они отвечают — не имеем сведений, кроме как знаем, что добрался Полуехтов и дорогу кладет. А вода какая, спрашивает царица. А про воду не можем знать, отвечают бироны. А ну-ка срочно узнать! — велит царица. Самогото главного не выяснили! Засуетились здесь бироны и послали срочно лейб-медика Блюменквиста, чтобы проверил марциальные воды. И приехал сюда лейб-медик Блюменквист, который уж давно лечил царицу, да безуспешно. Я нашел его отчет о том, как он воду пробовал. Отчет по-немецки, но мне его добрые люди в Ленинграде перевели. Там заодно я и стереосистему купил для прослушивания джаза... Так этот лейб-медик вот что сообщил: «По прибытии на место я обнаружил, что климат здесь дождлив и негоден для дыхания высоких персон, а вода, кроме чистоты, иных достоинств не имеет».

— Что же он так категорически? — спросила Элла.

— Интриги, — ответил дед. — Зачитываю отрывок из личного дневника канцлера Остермана: «Помимо прочего отъезд императрицы из Санкт-Петербурга крайне нежелателен, ибо может привести к возмущению гвардии, особенно ежели императрица скончается или сугубо занеможет в трудном пути. Имел беседу с прибывшим с Урала лейб-медиком Блюменквистом, доклад которого о посещении марциальных вод должен быть благоприятен для наших планов и судеб России». Ясно?

— Ясно, — сказал Андрюша. — А дальше что было?

— Здесь и начинается самое интересное. Майору велели строительство курорта пресечь и вернуться домой. А секунд-майор не отозвался. Слушайте, как сказка кончается. И говорит тут Иван-дурак: хоть казни меня, царь, хоть милуй, только обратно в стольный город мне пути нету. Будем мы с царевной здесь проживать и детей наживать. Избушку срубим, огород разобьем. Пошумел царь, позлился, да что делать — слово держать надо. Отдал он царевну Ивану. И остались они в лесу, избушку построили, детей народили, так наша деревня и на свет появилась. И до сих пор они живут, куда им помирать, живая вода рядом, хоть ведром черпай.

— То есть он остался здесь жить? — спросила Элла.

— Дорогая начальница, — сказал Андрюша, — ясное дело, секунд-майор живет здесь до сих пор, только на одной воде не растолстеешь, вот и превратился в привидение.

— А в самом деле? — спросила Элла, проникшись доверием к детективному таланту старика.

— Точ-на! — Старик торжествовал. — Имеем в деле документ номер девяносто три, датированный восьмым сентября от рождества Христова лета тысяча семьсот сорок второго! — Он потряс в воздухе исписанным листом. — Это последний штрих в моем науч-

ном поиске! Донесение сибирского губернатора о розыске пропавшего без вести секунд-майора Полуехтова с командой. Точна!

— Не томи гостей, — сказала Глафира. — Мы все знаем, что поговорить ты мастер.

— Все путем, — сказал дед, — подготовка нужна. Оказывается, велели губернатору отыскать Полуехтова и вернуть в столицу. Да еще вернуть с кассой. Почему так произошло? А вы на дату поглядите. Прошло-то два года, пока спохватились. Представьте себе — Анна померла, Остерман из фаворы выпал, пришла к власти молодая царица Елизавета, которую собственное здоровье пока не беспокоило. И забыли в суматохе о нашем секунд-майоре. А он живет. Инструкций не имеет, ждет. И не знает, что живая вода объявлена обыкновенной.

— Моя бабушка, — вмешалась Глафира, — полагала, что приказ возвращаться был, только Иван его разорвал.

— Заваруха была, понимаешь, заваруха! — сказал дед. — Может, никому и дела не было до Полуехтова? А сам он на Елене женился.

— На ком? — спросила Элла Степановна.

— А вы в кружевную артель загляните, там два портрета висят. Один портрет — секунд-майора, а второй — Елены, ясно?

— Так она же возлюбленная Вени! — догадался Андрюша. — Точная копия Ангелины!

— Ничего удивительного, — сказал дед. — От ихней любви каждый второй в нашей деревне произошел.

— Кто она была? — спросила Элла.

— Местная, полагаю, — сказал дед. — И в заимке люди жили, и из Сотьвинска мужики приехали, дорогу строили, дом царицы. Я так полагаю, что и некоторые солдаты семьями обзавелись.

— Они очень друг друга любили, — сказала Глафи-

ра. — Про это у нас в деревне даже песни поют. И детей у них трое родилось: Петя, Константин и Елизавета.

— Но! — Дед сделал паузу. — Такой союз неизбежно должен был обернуться трагедией. Это точно! Почему? Из-за зверских социальных условий, которые царили в те времена. Кем был секунд-майор? Он был дворянин. А Елена? Крестьянская дочь, низшее сословие. Нельзя было им обвенчаться. И предполагаю я, что жили они здесь в счастье, но в тревоге, что это счастье кончится.

— Чего предполагать, все знают, — сказала Глафира. — Про это песни сложены. И дети их были незаконными, и разлука их ждала...

— Неминуемая, — подхватил дед. — Не исключено, что у секунд-майора и другая семья была... Так вот, из отчета губернатора следует, что он получил в сорок втором году предписание отыскать секунд-майора с командой, вернуть его, а если он, случаем, преставился...

— То есть помер... — пояснил Коля.

— Тогда... Коля, не перебивай, уши оторву... Тогда доставить в Петербург кассу, тринадцать тысяч рублей золотом и серебром, выделенные секунд-майору на приготовление к царицыному приезду.

— Так много? — удивилась Элла.

— Еще бы. Дорогу построить, дом, удобства... Ладно, что губернатор делает? Как и все губернаторы — отдает приказания. Шлет запрос из Тобольска в Екатеринбург, оттуда едет человек в Нижнесофвинск. Что за майор у вас, что за касса? Почему ничего не знаю? Губернатор-то новый был, а Ручьи от Тобольска ой как далеко! Из Нижнесофвинска ему сообщают — есть такой секунд-майор, живет с крестьянской девкой в деревне, детей прижил, хулиган с точки зрения дворянской морали, а деньги, наверно, все растратил.

— А он не растратил, — сказал Коля, — он их в пещере спрятал.

— Что за чепуха! — возмутился дед. — Секунд-майор на них дом построил, дорогу проложил, четыре года солдат содержал — откуда деньгам быть? Не смей клеветать на своего предка!

— Он их спрятал, это все знают, только найти нельзя. Их привидение охраняет.

— Мне тоже говорили, — сказала Глафира.

— Глафира, окстись! — Дед кипел негодованием. — Не уподобляйся корыстному и наивному Василию!

— А ваша теория? — спросила Элла.

— Не теория, а уверенность. Эти деньги в Нижнесофьвинске подрядчики растащили. Майор-то человек военный, прямой, в тонкостях финансовых совершенно не разбирался. Но кто ему поверит, если даже вы, можно сказать, родные люди, не доверяете!

— Дальше, дальше! — воскликнула Элла.

— Все по порядку. Шлет тогда губернатор майору приказ прибыть немедленно для отчета с кассой и солдатами. А майор не отвечает. Тогда губернатор направляет в Ручьи военную команду с поручиком во главе. Как узнал секунд-майор о приближении команды...

— Об этом песни сложены, — сообщила Глафира и вдруг запела со слезой, с чувством:

И собирается ясный сокол во лесную чашу,

И молвит ясный сокол молодой жене...

— Да не плачь, молодая жена, да не лей понапрасну слез! — подхватил дед. И тут же оборвал себя, заговорил строго, деловито, прозой: — Воинская команда секунд-майора в деревне не застала. Ушел он в лес и не вернулся. Сгинул.

— Может, убежал? — предположил Андрюша.

— Нет, погиб он, это точ-на. Ворон Гришка прилетел, у Елены дома жил. Ворона этого он птенцом подобрал, выходил, всему научил, ну словно собака Гриш-

ка у него был. Никогда с ним не расставался... Солдат повязали, в колодки забивали, деньги искали, всю землю перерыли. Губернатор отчет послал в Петербург — нет майора, нет кассы.

— Он к своему кладу пошел, — сказал Коля. — Его в пещере задавило. Вот он теперь и ходит привидением. Место знает, да не хочет показывать.

— Есть такое суеверие, — сказал дед. — Верят некоторые в привидение секунд-майора.

— А вы? — спросил Андрюша.

— Я тоже верю, почему не верить? Может, электрическое объяснение есть?.. Вот и сказка вся, — заключил дед Артем.

— Не вся. Сказка так кончается, что Елена, майорова жена, — заговорила нараспев Глафира, — выплакала все очи, его дожидаясь, а потом пошла через горы и реки, через лес и дубраву. И увидела она, неживой лежит, неживой лежит возле озера...

— Неживой лежит, от тоски иссох, — подхватил, не удержавшись на почве исторических фактов дед.

— От тоски иссох, без любви погиб, — запел Коля.

— И пошла она к ключу Царицыну. Как к тому ключу за живой водой... — пели Полуехтовы хором.

Дед прервал пение взмахом руки — как отрубил.

— В общем, считается, что она его оживила и они стали жить в лесу. А это чепуха. Елена Полуехтова и все ее потомство благополучно проживали в деревне Ручьи в последующие годы, о чем есть церковные записи в храме села Красное.

— Жалко, если клада нет, — сказал Андрюша. — А Василий знает об этой легенде?

— Все знают, еще говорить не научатся, а уже знают. У нас бабки вместо сказок эту историю рассказывают.

— И вы думаете, что он для этого Гришку ловил?

— Уверен, — сказал дед Артем. — Только Гришка тайну не открывает.

— Какая наивность! — сказала Элла. — Вороны неразумны. Птица не может хранить тайны.

— Куда ей, птице, — неискренне согласился дед.

— И вообще мне Василий последнее время не нравится, — сказала Глафира. — Замкнутый стал, в городе пропадает...

— Василий только проводник чужих идей, — сказал дед Артем.

— Чьих? — спросила Глафира.

— Вот разберусь, скажу.

— С чем разберетесь, простите? — раздался голос от двери.

— Вечер добрый, — сказала Глафира, узнав Эдуарда, остановившегося на пороге. — Заходи, чаю попьешь.

17

Андрюша проснулся от пушечного выстрела.

Вениамин тоже вскочил, сонно захлопал глазами. Некоторое время его лицо продолжало хранить испуганное выражение, но вдруг внутренний свет озарил его, и улыбка расплзлась по впалым щекам. Со двора донеслось звяканье ведра. Вениамин метнулся к окошку и прилип к нему.

— Она прошла с ведром в руках? — спросил Андрюша с некоторой завистью, потому что просто влюбленный смешон, а влюбленный, который пользуется взаимностью, почти не смешон.

— Доброе утро, — прошептал Вениамин в окно так громко, что, наверно, было слышно на площади.

— Доброе утро, Веня, — послышался в ответ девичий голос.

— Мы с ней будем к сочинению готовиться, — сообщил Веня.

— Элла тебе голову оторвет, если ты совсем забудешь о работе, — возразил Андрюша. — И будет права. Впрочем, я тебе завидую хорошей белой завистью.

— Нет, — почему-то не согласился Веня. — Хорошей белой зависти не бывает. Зависть — это желание получить то, что есть у другого, но отсутствует у тебя. Поэтому зависть — чувство отрицательное.

— Не претендую я на твою Ангелину, — сказал Андрюша. — Я твой верный друг и пособник, если надо.

— Спасибо, — прочувственно ответил Веня.

Он никак не мог справиться со шнурками от ботинок. Андрюша с сочувствием наблюдал за его действиями. Бабочка-капустница с крыльями в ладонь влетела в окошко, и Андрюша сказал задумчиво:

— В детстве я отдал бы все сокровища за такой экземпляр.

— Ага, — сказал Вениамин, — бабочка.

— Тебе не кажется, что здесь все преувеличенное?

— Конечно, — сказал Веня. — А у нее на щеке родинка.

— Все ясно, — сказал Андрюша. — Иди, только не забудь поменять местами ботинки. Ты перепутал ноги. Будет жать.

— Чего же ты раньше молчал? — возмутился Вениамин. — А еще пособник!

Ковыляя в полунадетых ботинках, он выбежал в сени. Там загремел, налетев на какой-то тяжелый металлический предмет. Андрюша хотел пойти к нему на помощь, но в этот момент в окошко влетел комок бумаги. Андрюша развернул ее. «Андрей, — было написано там, — зайди ко мне. Быстро. Есть разговор. А.».

— Кто такой «А»? — спросил вслух Андрюша.

— Это дед Артем, — ответил детский голос.

На дворе под окном стояли Сеня и Семен, вымытые, бодрые, еще не успевшие перепачкаться.

Сеня с Семеном убежали. Ангелина вышла из сарая с подойником, у дверей ее ждал Вениамин. Он начал шарить по карманам, ища очки. Андрюша подхватил их со столика, выскочил на крыльцо и, подойдя сзади, надел на нос Вениамину. Тот ничего не сказал, только поправил очки, видно, решил, что так и надо, чтобы они сами надевались на нос. Андрюша окинул взглядом зеленый двор, крупных, гусяного размера кур, задумчиво глядевших на утреннюю встречу влюбленных, и тут его взгляд встретился с чужим глазом, вжавшимся в щель между досками забора. Кто-то подглядывал с улицы. Сеня? Семен?

Андрюша прошел к рукомойнику, наклонился, только тогда ему стало не по себе. Он понял почему. Глаз принадлежал взрослому человеку немалого роста. Андрюша выпрямился, обернулся. Ангелина и Вениамин все так же глазели друг на друга, но глаз в щели пропал. И тут Андрюша увидел, как нечто большое и блестящее по крутой дуге летит в небе, сопровождаемое черным хвостом. Когда это большое уже подлетало к земле, он понял, что летит молочный бидон.

Бидон глухо бухнулся о землю, и вверх, разлетаясь, ударил черный фонтан спиртовой туши. Девушка и аспирант, стоявшие у крыльца, там, куда грохнулся бидон, превратились в черные сверкающие под утренним солнцем статуи, стоящие на блестящей подставке — на черной сверкающей траве.

— Василий! — закричал Андрюша, выскочил на улицу и увидел, что у ворот стоит грузовик, на котором сооружена грубая, но эффективная катапульта, а сам Василий уже лезет в кабину.

— Ну нет! — крикнул Андрюша. — Ты от меня не уйдешь!

Он побежал за грузовиком, который набирал скорость, бидоны с молоком в нем звякали и дребезжали. Из-за угла вышел медведь, с аппетитом уминая бухан-

ку белого хлеба, еле успел отскочить в сторону, замахнулся буханкой, но кидать не стал, пожалел хлеб.

Грузовик мелькнул вокруг рощицы с пушкой, а медведь побежал туда, видно, решил выстрелить вдогонку.

— Ну, это уже переходит все возможные границы, — сказал Эдуард Олегович, возникший неподалеку. — Куда он помчался? Я полагаю, что пора поставить знаки ограничения скорости в нашей деревне. А вы, Андрюша, как думаете?

— Я думаю, что его пора в тюрьму посадить, — сказал Андрюша. — Пускай он только мне попадетсЯ!

— Что-нибудь произошло? — испугался Эдуард Олегович.

Андрюша ничего не ответил, повернул обратно к дому. Эдуард Олегович за ним. В калитке они остановились. Эдуард Олегович окинул взглядом ужасающую картину и сказал мрачно:

— Я заблуждался, выгораживая этого прохвоста.

18

Андрюша поднялся на крыльцо, постучал. Его как будто ждали — дверь сразу отворилась. Дед Артем появился в проеме, борода закинута.

— Входи, заждался.

— Там Василий хулиганил, — сказал Андрюша. — Закинул катапультной бидон с тушью, Ангелину и Веню облил.

— Ревнует, — сказал дед. — Понятное чувство. Ангелина никакой склонности не выказывает.

Он распахнул дверь в горницу, и Андрюше по ушам грохнул голос Луи Армстронга. Большая стереосистема расползлась по стенам, динамики дрожали от могучего голоса. На полированной крышке проигрывателя сидел, склонив голову, громадный ворон Гришка.

— Он тоже музыку обожает! — крикнул дед Артем. — Ты садись, садись.

— Может, потише сделать? — тоже крикнул Андрюша. Он посмотрел на башмаки с медными пряжками, стоявшие у двери.

— Потише можно, — согласился старик и убавил звук.

Ворон приоткрыл клюв, приглушенно каркнул.

— Недоволен, — сказал дед Артем. — Нервничает. Ему вчера всю нервную систему этот мерзавец расшатал. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо, — сказал Андрюша, осматриваясь. Ящик с гайками, гвоздями, сопротивлениями и проводниками на столе, покрытом вытертой плюшевой скатертью с тигриными мордами на углах, разобранная кровать, шатучая этажерка с книгами, обычные деревенские фотографии на стенах, обклеенных обоями в цветочек, большой поясной портрет Чарлза Дарвина между окон, гипсовый бюст певицы Эллы Фицджеральд, стопки газет в углу, перевязанные веревками, сундук, окованный железными полосами, цветной телевизор...

— Я тебя позвал из-за твоей образованности, — сказал дед. — Мне моей не хватает. Языки знаешь?

— Английский, — сказал Андрюша, — и древнеславянский.

— Вот английский нам и нужен.

Ворон расправил крылья, в комнате стало темнее, потряс ими, сложил снова и прикрыл глаза белыми пленками.

— Старый он, — сказал дед. — Трудно ему, да и забывает многое.

— Вы зачем привидением одевались? — спросил Андрюша.

— Я Ваську уже вторую неделю отслеживаю. Мне представляется, что в деревне у нас завелась шайка, чего раньше не было. Они на мельнице гнездо свили.

А мельница ушла, и я ее искал, а Гришка мне помогал. Нашли, только Гришка, когда летел ко мне с сообщением, в сеть попался. Вот и пришлось мне бежать туда.

— А почему под видом секунд-майора?

Андрюша бросил взгляд на ноги старика, они были в сношенных валенках. А башмаки стояли у двери. Солнечный луч упал на позолоченную пряжку, отразился зайчиком на портрете Дарвина.

— Я рассудил, что в моем естественном виде шайка меня не испугается. Еще пришибить могут. А привидений они боятся... И правильно рассудил.

Дед подошел к сундуку, с трудом отвалил тяжелую крышку. Сундук был полон одежды — старик вываливал оттуда на пол женские длинные платья, кафтаны, сермяги, уходил все глубже в недра сундука, одежда становилась все старше модой и возрастом, высокие сапоги со шпорами ударились о пол, ворон вздрогнул, спрыгнул с проигрывателя и клюнул шпору.

— Узнал... А где же камзол? — Дед хлопнул себя по лбу смуглой ладонью. — Маразм старческий! Ведь в другое место положил!.. — Он откинул одеяло, подушку. Под подушкой лежали зеленый камзол и треуголка. Дед натянул на голову старый капроновый чулок с прорезями для глаз, поверх нахлобучил треуголку. — Страшно?

— Я поверил, что привидение.

— Все было бы по-моему, если бы не настоящий секунд-майор.

— Вы второе привидение имеете в виду?

— Его самого, — сказал дед. — Пришлось отступить. Но я тебя чего позвал? Я тебя позвал, чтобы ты с Гришкой поговорил. Он по старости лет все больше на английском разговаривает. А может, и на немецком. Образованная птица, волчуетя.

— Ну, он пока вообще не разговаривает, — сказал Андрюша.

— Он к тебе присматривается. Ты поговори с ним, поговори, что-то существенное он сказать хочет.

— Каррр! — сказал ворон.

— Это не по-английски, — сказал Андрюша.

— А мне в лес идти надо, — дед стащил с головы треуголку и чулок, — там на мельнице ихние секреты. Я их разгадать должен.

— А если привидение?

— Оно днем не ходит, солнечного света не выносит. Так что поговори с Гришкой, может, поймешь.

— Гамияэстомнисдивизаинпартистрррес! — вдруг заворчал ворон, широко открыв клюв, обнаружив белесую пасть размером с собачью.

— Видишь, — сказал дед, надевая камзол, — беседует.

— Это не английский. Вениамин, наверное, знает, — ответил Андрюша. — Он аспирант.

— Зови Вениамина, только скорей. — Камзол болтался на плечах деда, некоторых медных пуговиц не хватало.

— Как же его позовешь? Он же сейчас моется. Он же черный.

— Вот незадача, — сказал дед. — А времени ни минуты. Мне бежать пора. Давай вот что сделаем. Я вас до дому провожу, точ-на! А сам в лес.

Они перешли улицу. Впереди шел дед в дождевике, из-под которого поблескивали пряжками башмаки, потом Андрюша. Над ними тяжело летел ворон, держа в клюве шпору, прихваченную в доме деда Артема.

19

Андрюша с вороном нашли Вениамина в предбаннике. Он сидел черный, страшный, но веселый. За дверью мылась Ангелина, и он ждал своей очереди.

— Ты куда пропал? — спросил Веня Андрюшу, ког-

да тот приоткрыл дверь. — Тут на нас нападение было.

— Я знаю, — сказал Андрюша. — Я за этим типом гонялся.

В предбаннике было тепло, пар пробивался из-под двери.

— Мне не везет, — сказал Вениамин. — Я его на дуэль вызову.

— И не мечтай, — отозвался из-за двери голос Ангелины. — Без тебя справимся.

— А я все равно вызову. — Вениамин засмеялся, и зубы его показались ослепительно белыми на черном блестящем лице. — Ох, до чего же кожу стягивает! Ты с вороном подружился?

Веня ничему не удивился и ничего не боялся. Его переродила любовь. Приди Андрюша с тигром, он бы и тигра принял как должное.

— Веня, ворон хочет сообщить нам нечто важное, но делает это на непонятном языке. Дед Артем просит твоей помощи.

— Говорите, — сказал Вениамин, — я давно подозреваю.

Гришка надул грудь, положил на пол шпору и сказал оглушительно, в одно слово:

— Переспераадастррра!

— Близо, близо! — закричал Вениамин. — Я слышал эти слова!

— Тем более, — сказал Андрюша, — расшифруй, будь другом, может, мы наконец разгадаем эту проклятую тайну.

— Продолжайте, — сказал Вениамин, соскребая тушь с очков.

— Меакульпа, — тихо произнес ворон.

— Что?

— Омниапреклааррррарррра!

— Ага, — согласился Вениамин, — я с тобой совер-

шенно согласен. Геля, ты слышала, что он о тебе говорит?

— Почему обо мне? — спросила из-за двери Ангелина. — Он кричит на тарабарском языке.

— Нет, — сказал Вениамин. — Он говорит, что все прекрасное редко. И что касается тебя, я убежден.

— погоди, — сказал Андрюша, — время не ждет. Что тебе сказал ворон, и почему ты это понял?

— Он говорит по-латыни. Странно, что ты не догадался.

— Эгзегимонументэrrррепrrреннус! — завопил ворон, найдя благодарного слушателя.

Властным движением руки Вениамин остановил ворона и продолжал с выражением:

— Регаликве ситу пирамидальциус, нон кво имбер идекс, нонаквили потенс!

Ворон склонил голову и сказал:

— Славно, славно! Вижу родственную душу.

— Ты о чем с ним разговаривал? — спросил Андрюша.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный, — ответил Вениамин. — К нему не зарастет народная тропа, понимаешь?

— Это что, из Пушкина?

— Нет, первоисточник. Ворон читает Горация в подлиннике.

— Жаль, — сказал Андрюша. — А мы с дедом думали, что он раскрывает тайну секунд-майора.

— Этого я не вынесу, — сказала заспанная Элла, возникая в дверях. — Почему никого нет дома?

— Простите, — сказал Вениамин, и Элла узнала его не сразу.

— Опять? — узнав, возмутилась она. — Сколько можно совершать необдуманные поступки?

— Ничего подобного, — сказал Вениамин, — это было покушение.

— Он прав, — сказал Андрюша. — Покусители скрылись. Но прохожие узнали, что это был известный гангстер Василий Полуехтов.

— Он опять приходил? — спросила Элла. — И зачем?

— Ревнивец, — сказал Андрюша. — Мститель из-за угла. Экстремист.

20

— Надежды не оправдались, — говорил Андрюша, собирая сумку. — Деда придется разочаровать. Ничего ворон не знает, кроме латыни.

— Ты куда так спешно собираешься? — спросила Элла. — Сегодня мы работаем, и твой магнитофон нужен.

— Я отработаю потом, — сказал Андрюша. — Возникла возможность вскрыть гнездо местных гангстеров. Я не могу упустить такую возможность. Песни подождут.

— Ох, Андрюша, если бы я была твоей матерью...

Ворон слетел на край стола, поглядел на Эллу и сказал:

— Кррррасавица.

— Ну что вы, — ответила машинально Элла и смутилась, что на равных разговаривает со старым вороном. А Гришка подхватил с пола шпору, с достоинством взлетел на подоконник и исчез.

За окном послышался скорбный рев. Ангелина кинулась к двери. За нею, естественно, Вениамин и Андрюша.

— Что-то случилось с дедом Артемом! — закричал Андрюша.

Медведь Мишка стоял возле ворот, покачивая когтистыми лапами, и изображал всем своим видом скорбь и волнение. Он узнал Андрюшу, попятился, будто не ожидал увидеть здесь своего врага.

— Дед Артем в лесу? — спросил Андрюша. — С ним плохо?

Медведь подумал, доверять ли студенту, потом опустился на передние лапы и трусцой, покачивая толстым задом, побежал к околице. За ним бросились Ангелина, Андрюша и, конечно, Вениамин. Следом припустились оказавшиеся поблизости Сенья и Семен.

Бежать пришлось долго. Медведь не понимал, что люди бегают куда медленней, и умерил прыть, лишь когда Веня, совсем запыхавшись, остановился, привалившись спиной к сосне, а ворон Гришка, сделав круг над людьми, крикнул что-то неразборчиво по-латыни.

Выбрались на лесную дорогу. По ней бежать было чуть легче, только крапива стегала по рукам и ногам. Веня преисполнился жалостью к Ангелине, которая подпрыгивала, когда крапива стрекала ее по икрам, и крикнул, задыхаясь:

— Давай я понесу тебя!

Но Ангелина не отозвалась, лишь Андрюша засмеялся на бегу.

Дорога пересекала низину, до мельницы оставалось бежать еще минут пять, но бежать не пришлось — они встретили деда Артема раньше. И не одного.

Через прогалину, путаясь в высокой траве, мешая друг дружке, медведица и два медвежонка, семья Михаила, толкали большую бочку, ревели, стонали, изображали волнение и беспокойство.

При виде людей медведи отпустили бочку, она медленно покатила назад, и из нее послышался тихий стон.

Андрюша первым соскочил с тропы, догнал бочку, остановил:

— Есть кто живой?

— Я живой, — отозвался из бочки голос. — Это точно.

Бочка была заколочена и никакого инструмента под рукой! Андрюша отломил сук, постарался поддеть им крышку, сук обломился. Остальные стояли вокруг, сочувствовали, но помочь не могли.

— Как вас угораздило? — спросил Андрюша.

— И не говори, — отвечал дед. — Ты скоро там? Задохнись, ей-богу, задохнись.

— Может, его до деревни докатить? — спросил Сенья. — Если вместе с медведями навалимся...

— С ума сошел! — сказал голос старика из бочки. — Еще двести метров, и от меня только фарш останется. Ты что, думаешь, медведи гладко бочки катают?

Медведи взревели, обиделись за неблагодарность.

— Нет, это безнадежно, — сказал Андрюша в отчаянии, когда сломал второй сук. — Придется вам, ребята, до деревни бежать.

— Не дотерплю, помру, — сообщил дед из бочки. — Возраст у меня не тот.

В этот момент с высоты грозно каркнул ворон, нечто золотое пронеслось перед носом Андрюши и упало в траву. У ног его лежала шпора — идеальное орудие для откупоривания бочек.

Когда доски, одна за другой, со скрипом отлетели, из бочки, провонявшей тоскливым гнилым рыбьим запахом, вывалился дед. Чешуя пристала к камзолу привидения. Медведи, зажимая носы лапищами, шархнулись в стороны.

— Что же произошло? — спросил Андрюша.

— Разве я знаю? — сказал дед печально. — Обошли меня опять. Я до мельницы добрался — стоит она пустая, дверь притворена. Я внутрь. Вижу, бочки, ящики, всякое добро. Ну, думаю, сейчас я все исследую, акт составлю на ихнее логово. Вдруг слышу голоса снаружи. И, надо сказать, оробел. Решил, спрячусь и подслушаю их разговор, планы выведаю. Смотрю, пустая бочка стоит, как раз мне по росту. Только спрятался — входят. Один говорит: ты, говорит, мерзавец нерасторопный, ревнивец глупый, ничего, говорит, тебе нельзя доверять, я, говорит, тебя в милицию бы сдал, если бы

ты не был нужен. А второй отвечает: я тебе нужен, без меня ты как без рук.

— Это Василий был, — сказал Вениамин. — Он и есть ревнивец.

— Не сомневаюсь. Но тут меня любопытство взяло — кто же второй? Главный кто же? Я из бочки вылез немного, по глаза, а они увидели.

— Так кто же это был?

— Привидение было, вот кто, — сказал дед. — Очень меня это огорчило. Зачем, думаю, привидению с Василием в союз входить?

— А вы его не узнали?

— Как узнаешь? У него на лице что-то надето было. Он как увидел меня, подпрыгнул, крышкой придавил, а Васька, чертов сын, гвоздями прибил. Выкатил из мельницы и говорит — своим ходом добирайся. Если бы не Мишка...

— Они там еще? — спросил Андрюша.

— Наверное, куда им деваться.

— Давайте к мельнице! — сказал Андрюша. — Мы их прихватим с поличным.

Поляна открылась почти сразу. Она была зеленой и светлой. Мельницы на ней не было.

— Опять двадцать пять, — сказал Сеня. — И в Волчьем логу ее нет, и в распадке ее нету!

— Чудеса, — подтвердил Семен, — в газету надо написать.

— Только что я тут был, — сообщил дед. — Если мельницы не было, значит, я в бочку сам себя заточил?

Трава, где стояла мельница, была измята, следы от нее не успели заполниться водой. Они вели к дороге.

— Прямо по лесу она не ходит, — сказал Андрюша, — предпочитает передвигаться по дорогам.

— А это что? — спросила Ангелина. — Смотрите!

— А это следы грузовика, — сказал Вениамин.

— А грузовик в деревне один, — сказал дед Артем.

— Я устал от шуток Василия, — сказал Андрюша. — А Веня буквально почернел.

— Не шути, — сказал Вениамин, шагая по следам мельницы и грузовика. — Это уже не шутики.

— Какие там шутики! — От деда Артема все еще исходил тухлый запах. — Хватит. Это точ-на.

— Куда мы бежим? — спросила Ангелина. — Может, нам в деревне его подождать?

— Вот этого мы не знаем, — сказал дед. — Они мельницу так перепрячут, что с миноискателем не найдешь. А это, не забывайте, культурный монумент. Она еще до Полухтова стояла.

— Не верю я в нечистую силу, — сказал Андрюша. — А машина с мельницей на прицепе далеко не уйдет. Да еще по такой дороге.

Григорий взмыл высоко в небо, распугивая коршунов, которые робели перед черной птицей таких размеров. Затем он несколько снизился и пошел кругами впереди.

Не прошло пяти минут, как дорога поднялась на холмик, у подножия которого было небольшое круглое озеро. Именно туда и направлялась мельница на буксире у отчаянно хрипящего грузовика. Мельница вздрагивала, продираясь сквозь кусты и крапиву, по кочкам, рытвинам и лужам. Троса издали не было видно, и потому казалось, что мельница, спотыкаясь, гонится за грузовиком.

Андрюша догадался, что хочет сделать коварный Василий: подогнать мельницу к крутому обрыву и свалить в озеро — утопить.

Видно, та же мысль пришла в голову и старику Артему, потому что сзади до Андрюши донесся его крик:

— Концы в воду? Концы в воду? Не посмеешь!

И вот тогда на пути Андрюши встало привидение се-

кунд-майора, самое настоящее, второе. Оно широко простерло руки и глухим, проникающим в сердце голосом возопило:

— Остановитесь, несчастные! Ваша гибель близка!

Появись привидение ночью или хотя бы в сумерках, эффект был бы более драматическим. Но сейчас светило солнце, и видно было, насколько потрепан и ветх мундир секунд-майора, а голос его заглушала тряпка, намотанная на лицо, чего привидения обычно не делают.

Андрюша, ловко уклонившись от угрожающих рук привидения, не замедляя хода, понесся дальше. Желтые бабочки с ладонь размером крутились над его головой, ворон Григорий ободряюще кричал из поднебесья, кусты старались отклониться с дороги, целая семья ужей ползла спереди, приминая траву, кроты взрыхляли кочки и холмики, чтобы Андрюша не споткнулся, сзади мягко, но настойчиво подталкивали в спину малиновки и соловьи.

Казалось, все обитатели леса встали на защиту мельницы. Стрекозы и мухи роем вились перед ветровым стеклом, застилая Василию зрение, осы рвались в боковые окна, чтобы искушать его до полусмерти, бобры тащили палки и сучья, чтобы перегородить дорогу, а стая дятлов, не жалея усилий и клювов, пыталась перебить стальной трос...

Когда Андрюша, обессилев, готов был свалиться на землю, из леса выбежал могучий лось, который упал перед ним на колени, зайцы подтолкнули Андрюшу, и последние метры пути он скакал на лосе.

Василий не сдавался, он выжимал последние силы из грузовика, и тот уже начал скатываться вниз, к обрывчику. Оставалось лишь несколько метров, когда Василий, не обращая внимания на укусы, высунулся из кабины, прикидывая, как развернуть машину, чтобы мельница завалилась в озеро. В этот момент рой насекомых раздался, и Василий увидел, что к кабине приближает-

ся могучий лось, а лежащий на его спине Андрюша делает руками угрожающее движение, намереваясь перескочить на подножку автомобиля.

Василий в панике нажал на газ, забыв, как близок он к обрыву, и грузовик медленно начал клониться вниз — его удерживал только трос, связывающий с мельницей. Бок машины задрался к небу, из кабины, лихорадочно размахивая руками, полез распухший от осиных укусов невменяемый Василий, прыгнул в сторону, покатился по траве. Грузовик еще несколько секунд висел над обрывом, и тут трос, расклеванный дятлами, не выдержал, с оглушительным звуком лопнул, машина подпрыгнула и нырнула в озеро, подняв столб воды. Мельница тоже повалилась было набок, но в последний момент бобы с риском для жизни успели подкатить под нее валун.

Василий на четвереньках шустро, словно всю жизнь так бегал, бросился к лесу. Андрюша понимал, что Василий уходит от ответственности и надо бы бежать за ним, но сил больше не было. Он присел на порожек мельницы и стал ждать остальных, глядя, как уменьшается, тает в траве звериная фигура Василия, как он приближается к деревьям, вот-вот скроется среди них, но нет, не скроется — навстречу ему выходит бурый медведь. Василий пятится, прыгает к стволу, лезет наверх, и медведь садится у дерева и, склонив голову, любителю тем, как висит на суку, качается фигура шофера.

Из двери мельницы несло гнилой рыбой. «Что они там делали?» — подумал Андрюша. Прерывистое мелкое дыхание подсказало ему, что прибежал дед Артем.

— Ах стервец, — сказал дед. — Ну хорошо, что ты успел!

Треуголка в кулаке казалась тряпкой с золотым га луном, один башмак где-то потерялся. Дед все-таки не лишился силы духа, сразу кинулся внутрь мельницы.

— Ну вот, — кричал он изнутри, — так я и думал!

Но у Андрюши не было сил глядеть.
Подбежали Сеня с Семеном.

— А привидение твоего очкарика забило! — закричали они.

— Что? — вскинулся Андрюша.

— Со страху, наверно, — сказал Сеня. — Он как увидел, что на него Веня твой бежит, морда черная, глаза в очках, да как дрыном по нему долбанет, а сам в кусты!

— Где Веня? — Андрюша вскочил на ноги. — Серьезно?

— Кровь идет, жутко! Ангелина убивается.

— Андрей! — раздалось из мельницы. — Ты чего не идешь?

— Привидение на Веню напало.

— Погоди... Ты смотри! — Из дверей мельницы показался дед Артем. Он протянул вперед сложенные горстью ладони, полные черной зернистой икры. Икра медленно проливалась между пальцами и шлепалась на порог. — Там две бочки икры, понимаешь? Так я и знал, так я и знал! Какая уж тут экология! Я их под суд!..

— Веня ранен! — повторил Андрюша. — А вы об икре!

И он помчался к другу, который лежал на траве, лоб рассечен, алая кровь на черной коже, глаза закрыты, над ним рыдающая Ангелина. Веня приоткрыл глаза:

— Ты победил? Ну и хорошо. Обо мне не беспокойтесь.

Подбежал дед Артем, руки измазаны икрой, сказал:

— Обопрись о нас с Андреем. Как-нибудь доберемся.

22

Веню привели в дом к Глафире и положили в горнице. Глафира с Колей еще не вернулись из района.

— С одной стороны, — сказал Эдуард Олегович Ан-

гелине, которая взяла в свои руки уход за Вениамином, — требуется полный покой и тишина. С другой — его лучше отвезти в район. Вызовем вертолет, а?

Эдуард Олегович был сконфужен событиями в деревне и время от времени, когда окружающие не слышали, говорил Элле:

— Ах, как неприятно, что экспедиция столкнулась с объективными трудностями! Моя вина, должен был предугадать.

— Ну при чем тут вы? — отвечала Элла. — Кто мог предположить!

— Я видел неблагоприятные тенденции и не принял их во внимание... это ужасно, это невыносимо...

— Погодите, — слабо произнес Веня. — Ну, упал я, ушибся, при чем тут вертолет? — В голосе его была такая внутренняя сила, что Эдуард смешался и сказал:

— Может быть, пролома и нет и даже трещины нет, но ушиб существует. Все равно в Красное ехать надо. Милиционер там. И трактор, чтобы грузовик вытащить.

— Зачем милиционер? — спросил Вениамин. — Акт составлять?

— Принять меры по отношению к этому мерзавцу, опозорившему всю нашу деревню. К Василию Полуехтову, воплотившему в себе худшие черты дворянского прошлого.

— Дворянское прошлое ни при чем, — сказала Ангелина. — Вы знаете, что дед Артем на мельнице отыскал?

— Нет. Я даже не знаю, что он мельницу отыскал, — сказал Эдуард. — В порядке ли этот памятник народной архитектуры?

— Покосился, но в порядке. Дед Артем там нашел две бочки черной икры. Вот куда рыба шла! — сказала Ангелина.

— Какая рыба? — удивился Эдуард Олегович. — Прости, Гелечка, я здесь не первый день живу и уху

обожаю, но ни осетров, ни белуги в нашей речке испокон веку не было.

— Не было, а икра есть. Да вот дед идет, у него и спросите!

Вошли Андрюша с дедом Артемом. Андрюша устал, волосы слиплись, но вид у него был победоносный. Дед ковылял сзади в одном башмаке, вместо второго — найденный где-то валенок.

— Как его здоровье? — спросил Андрюша у Ангелины.

— Завтра встану, — ответил сам Вениамин. — Попадись мне это привидение! Я сам виноват — испугал его.

— Привидение? — спросил Эдуард Олегович. И взгляд его уперся в порванный зеленый камзол деда Артема.

— Не я, — сказал дед, — другой призрак. Истинный. Если не притворяется. — Он кинул на стол связку ключей. — Сходи в погреб. Знаешь, за клубом? Мы этого преступника и спекулянта там заперли с Андрюшей.

— Мне сказали, что он грузовик утопил, — сказал Эдуард. — Вы не представляете, какое чувство стыда я испытываю из-за его грязных поступков.

— Якшался с ним, — сказал дед Артем, — а теперь осуждаешь.

— Я искренне надеялся его перевоспитать, — сказал с чувством Эдуард Олегович. — Нет безнадежных людей.

— Тогда бери ключи, осмотри его, раз уж ты фельдшер.

— Как войдете, не пугайтесь, — добавил Андрюша. — По дороге домой его Мишка раза два корябнул. Да и осы искусили. Глаза не открываются.

— Его немедленно надо вывести из подвала, — сказала строго Элла. — Как можно больного человека держать в сырости и холоде?

— Ничего, — сказал дед Артем, — под замком ему полезно посидеть. И охладиться.

— Дед Артем совершенно прав, — сказал Эдуард. — Совершенно, абсолютно. Василий может представлять опасность для общества. И эти две бочки с икрой меня очень насторожили. Я из правления позвоню в милицию.

— Это точ-на, — сказал дед Артем. — Погодя надо будет сходить в мельницу снова, опечатать помещение. А ты,—обратился он к Эдуарду,—бери йод, или зеленку, или какой там пластырь и отправляйся в тюрьму подвального типа. Если боишься, возьми с собой Андрея. А в милицию не дозвонишься. Кто-то в правлении телефон разбил. Вдребезги.

Андрюша вздохнул — он уже час мечтал, как ляжет и вытянет ноги... такая усталость владела им. Но он понимал, что заменить его некем. Веня — инвалид, остальные мужики на сенокосе.

— Пойдем, — сказал он и подобрал ключи со стола.

23

Дед Артем поглядел им вслед, присел у кровати.

— Скажи мне, дорогой, — попросил он, — никакой надежды на узнавание?

— Какое узнавание? — не понял Вениамин.

— Привидения.

— Нет. Все так быстро произошло.

— Уж лучше бы я ему попался, — вздохнул дед Артем. Помолчав, добавил: — Надо на мельницу снова идти. А то привидение все следы заметет.

— Я пойду с вами, — сказал Вениамин слабым голосом.

— Молчи, — сказала Ангелина, — тебе говорить вредно.

— Нет, пойми, деду одному идти нельзя. Мы не знаем, чего привидению хочется.

— Хулиганить ему хочется, вот что, — сказал дед. — Я пока Мишку оставил у мельницы. Пускай побережет.

— Скоро должен Колька вернуться, — вспомнила Ангелина. — Он тебя на мотоцикле подвезет. Или хоть Андрюшу подожди.

— Это, конечно, правильно, — сказал дед Артем. — Я бы и подождал, если бы не тайна, которая в голове вертится, а не укушу.

— Что еще? — спросил Веня. — Если филологическая, могу быть полезен.

— Нет, гастрономическая, — сказал дед. — Я все о двух бочках с черной икрой. В наших краях никогда осетров не водилось.

— Вы думаете, они ее откуда-то привезли? — спросила Элла. — Ведь в магазине ее не бывает?

— У нас в магазине крупа бывает, — сказал дед.

— Это, наверно, контрабандисты, — сказал Вениамин. — Они ее переправляют дальше. Ниточка, понимаете, от Каспийского моря к Ледовитому океану.

— Через горы без дороги икру волочить? Нет, тайна не в этом. А в том, что икра черная бывает, красная, а вот желтой не бывает. А я в мельнице и бочку с желтой видал.

— Бывает, — раздался голос от дверей. Там стоял Сеня. — Вы не рыбаки, не знаете. Это селедочная икра.

— Селедочная? — Старик задумался. — Конечно, глупая моя голова! Конечно, как я сразу не понял!

— Это Васька ловил, — сказал Сеня. — И мы ему иногда ловили. Все ребята. А Васька в озерах глушил и в речке.

— Селедка у нас крупная, — раздумывал дед, — больше метра, весьма крупная, другой такой нигде нет, эндемик. Я Джеральду Даррелу на остров Джерси об этом уже сообщал. Но чтобы селедочную икру собирать...

— И красить, — сказал мрачно Вениамин. — Вот зачем ему черная тушь в таких количествах.

— Точ-на! — возразился дед. — Селедочную икру красить и за осетровую выдавать. Вот это преступники! Их производство в мельнице тысячи рублей дохода дает! Недаром привидение там ошивалось, особенно если ему кассу компенсировать хочется.

Вернулся Андрюша, распаренный и усталый настолько, что провалились глаза. Бросил куртку на стул, напил воды.

— Ну как там? — спросила Элла. — Как Василий?

— Обойдется, — сказал Андрюша. — Травма у него в основном психическая. Он Эдуарда даже не узнал сначала. И говорить не может. Рычит и прячется под подушку.

— Андрюша, свет мой, — сказал дед жалобно, — устал ты небось ужасно?

— Есть немного, — ответил Андрюша, усаживаясь на скамью и вытягивая ноги.

— А вот надо снова на мельницу сходить. Надо.

— Нет, — сказал Андрюша, — не надо.

— Надо, Андрюша, — поддержал деда Вениамин.

— Может, не стоит? — вмешалась Элла. — Подождем милицию. Там преступники и медведи.

— Милицию не дожидаться, — сказал дед, — потому что ее еще и не вызывали. Да и медведя сменить надо, неблагородно животное держать так долго на посту.

— Может, вы Эдуарда позовете?

— Какой из него помощник, — сказал дед, — он чужой.

— А Андрюша?

— Андрей — человек военный, — сказал дед, — строевой.

Андрей не был военным человеком, но доверие деда, выраженное в столь странной форме, почему-то польстило. Он молча поднялся.

Еще за километр от мельницы они увидели столб черного дыма.

— Ах ты, — крикнул дед, — там же медведь! Как бы чего не вышло!

Они в молчании добежали до края поляны.

Мельница горела, как аккуратно сложенная поленица дров, ровным свечным пламенем. Видно, за столетия древесина просохла и прокалилась — таких дров нарочно не сыщешь.

Они подбежали ближе — пламя отражалось в озере и на крыше кабины утонувшего грузовика. Неподалеку в траве, оскалившись, но не зло, а удивленно, лежал убитый Мишка.

Дед не смотрел на мельницу, присел на корточки рядом со зверем.

— Как часовой, — сказал он, — до последней капли крови.

— Опоздали, — вздохнул Андрюша.

— Я виноват, — сказал дед. — Мне думать надо. Эта липовая икра больших денег стоит.

— Но Василий сидит в погребе, я сам видел, мы с Эдуардом Олеговичем недавно там были...

— Разве это так важно?

— Важно, — сказал Андрюша. — Настоящие привидения не стреляют. Никогда не поверю.

— Поверишь в привидение, в остальное уж легче, — сказал дед. — Закопать его надо. А то кто-нибудь захочет шкуру снять...

Пламя от мельницы смешивалось с солнечным светом, накладывалось на него, и было неправильно, что пожар происходит в середине дня, а над Мишкой вьются мухи.

— Надо бы кому-нибудь здесь остаться, — сказал Андрюша.

— И пулю в лоб? Да, пулю в лоб? — спросил дед, поглядел на медведя и добавил: — Может, и лучше бы мне, дураку, эту пулю.

Вдали, на краю леса, зло ревела медведица. Но не подходила.

25

Вениамину вроде бы полегчало. Ангелина прибежала с фермы, пыталась уговорить его поесть, но Веню тошнило, от еды он отказался. Дед Артем, когда они с Андрюшей, закопав медведя, без сил приплелись из леса, спрятался у себя дома, сказав, что больше ничего не хочет и лучше помрет. Зато прилетел Гришка, сидел на окне, смотрел на Веню и говорил ему латинские фразы. Веня переводил их слабым голосом, и ворон кивал, одобряя правильность перевода. Элла сказала:

— Гриша, может, хватит отвлекать Вениамина? Ему нужен покой.

— Он мне не мешает, — возразил Вениамин.

— Никогда, — сказал ворон.

Андрюша, еще в запале и на нервном взводе, вдруг вскочил, бросился к погребу, присел на корточки перед маленьким окошком.

— Василий, ты знаешь, что мельницу сожгли?

— Ууу, — сказал Василий в ответ. Он был в нервном шоке.

— Кто это сделал? — спросил Андрюша. — Лучше ответь сразу. Шуточки кончились. В деревне находится маньяк с ружьем.

Василий внимательно слушал, не перебивал, а потом вдруг ответил грубым словом и завыл снова. Больше Андрюше ничего добиться не удалось, но, когда он уходил домой, показалось, что вслед из погреба донесся смешок. Может быть, показалось.

А еще через час вернулся Эдуард Олегович, который

на велосипеде укатил было в Красное, чтобы вызвать вертолет и милицию. Его встретили у околицы мальчишки и принесли за ним велосипед. Ему не повезло. Километрах в десяти от деревни, у моста со львами, он на повороте не удержался и упал в кювет. Переднее колесо отлетело — спицы наружу. Вот и тащил три часа обратно велосипед на себе.

— Понимаете, — сказал он, — велосипед не мой. Я не мог оставить его на дороге, где каждый может его похитить.

Эдуард Олегович был пропылен, волосы слиплись, косо приклеились к черепу. Он сидел у постели Вениамина, страшно расстроенный неудачей. Элле было жалко его.

— Вы поступили как настоящий медик.

— Я давал клятву Гиппократу. Другого морального пути у меня нету.

Эдуард Олегович поднялся, поманил Андрюшу на крыльцо. Там, понизив глос, сказал:

— Лично я, — усики его чуть шевелились под носом, как живые, — лично я не верю в местный фольклор. Но иногда начинаю сомневаться. Вороны говорят, медведи стреляют...

— О медведе не беспокойтесь, — горько сказал Андрюша. — Медведь погиб. Его застрелили.

— Как это случилось?

— Он мельницу защищал, а мы с дедом опоздали.

— Прискорбно. Они заматали следы. Преступники. Но кто они — вот главный вопрос. Завтра здесь будет милиция, и тогда Василий во всем сознается. Вы ведь тоже думаете, что он был не один?

— Думаю, — сказал Андрюша.

Над деревней опускался мирный вечер, коровы расходились по дворам, пастух оттянул кнутом, и хлопок показался Андрюше новым выстрелом. Солнце садилось в сизое с оранжевой оторочкой облако.

— Погода портится, — сказал Эдуард, проследив за взглядом Андрюши. — Кстати, где ключи от погреба? Мой долг осмотреть его.

— У деда ключи, — сказал Андрюша. — Но я думаю, дед спит.

— Ну тогда я попозже, хотя меня не прельщает возможность вновь встретиться с этим бугаем.

Вернулись в дом. У Вени оказалась повышенная температура — тридцать семь и пять. Не очень большая, но все-таки... Эдуард решил сходить за аспирином, а Элла вызвалась его сопровождать — ей хотелось на свежий воздух. Облако, в которое село солнце, постепенно закрыло половину неба, поднялся ветер. Ангелина вдруг расплакалась и ушла из комнаты. Ей было жалко медведя.

— Здесь больше странностей, чем положено деревне, — сказал Вениамин. — Весь день думаю об этом.

— Ноги гудят, — отозвался Андрюша. — Я слишком часто бегаю по лесу. По крайней мере двумя странностями с сегодняшнего дня меньше.

— Элла не зря говорит, что ты циник, — сказал Венья, морщась от боли. — Ты имеешь в виду мельницу и медведя?

— Да, прогресс цивилизации сильно бьет по сказкам. Сказку, как видно, можно эксплуатировать. В хороших ли, плохих целях, но эксплуатировать. Медведь стреляет из пушки, а из селедки делают осетровую икру. Главное, чтобы никто не удивлялся. Был бы дракон, сторожил бы колхозный амбар.

В комнате разливались голубые сумерки. Далеко-далеко раскатился гром, потом на мгновение комнату осветило зарницей.

— Свет зажечь? — спросил Андрюша.

— Не надо. А если это не сказка? — сказал Вениамин. — Если ей есть физическое объяснение?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Андрюша.

Ему хотелось спать и не нравилось, как блестят глаза Вениамина. Ангелина звенела посудой — мыла ее на кухне.

— Марциальные воды, — сказал Вениамин. — Эти загадочные марциальные воды для императрицы.

— Которые были развенчаны коварным медиком Блюменквистом.

— Но если в восемнадцатом веке до Петербурга докатился слух, он должен был на чем-то основываться!

— Кто-то хотел выслужиться и сыграл на царицыном суеверии, — сказал Андрюша и задремал. Слова Вени достигали его сознания, но путались с дремой, с началом сна.

— А если этот источник существует? На верстовом столбе у пушки есть надпись: «До Царицыного ключа 9 верст». Подумай, какие здесь бабочки, рыбы, ягоды, Гришка наконец! Разве бывают такие крупные вороны?

— И молоко, — откликнулась Ангелина из кухни, голос ее был далеким-далеким: Андрюша вновь бежал за грузовиком... — Есть ключ, — приближался девичий голос. — В горах, в лесу. Никто туда не ходит: ход завалило, секунд-майор как сгинул, так и завалило. Откуда у нас в реке вода такая хорошая? Дед Артем говорит, санаторий надо ставить. Она же откуда-то течет? Живая вода, живая вода — в этом есть смысл?

Живая вода текла и текла перед глазами Андрея, сияя на солнце и переворачивая маленькие камушки.

— Елена туда ходила, — сказал кто-то, — майора водой поливала, а царице не досталось. Смешно, правда? Царские сатрапы остались с носом.

Андрюша так и заснул, облокотясь о стол, и спал, пока рука не ушла в сторону и голова не ткнулась носом в скатерть. Показалось, что секунд-майор ударил палкой по лбу его, а не Веню... В комнате горел свет. Эдуард Олегович с тревожным, смущенным лицом скло-

нился над кроватью. В одной руке держал чайную ложку с таблеткой аспирина, в другой — стакан воды.

— Выпей, — говорил он Вениамину, — это проверенное средство. Поможет обязательно.

— Ему бы укол сделать, — сказал со сна Андрей.

— Зачем? — Глаза Вениамина агрессивно горели. У него начинался жар. — Мне лучше.

Таблетку он все-таки проглотил.

— Я тоже устал за сегодняшний день, — сказал Эдуард. — Испытания, выпашие на мою долю, когда я не жалея сил мчался в село Красное за помощью! Нет, я не набиваю себе цену...

— Мы так не думаем, — сказала Элла, глядя на него с сочувствием, которое раздражало Андрюшу. Он подошел к окну. Гром гремел чаще, а ветер уже насккивал на дом так, словно хотел помериться силой со стенами. Андрюша прикрыл окно, и Веня сказал:

— Не надо, Андрюша, душно.

Элла положила ладонь на лоб Вени.

— Ну-ка, — сказала она, — давай еще разок поставим градусник.

Веня не сопротивлялся, глаза его горели, он что-то шептал.

— Что такое? — спросила Ангелина.

— Шучу, — прошептал Веня, — шучу, не обращайтесь внимания. — Он улыбнулся, но глаза смотрели отрешенно.

Дверь открылась. Вошел дед Артем.

— Большая непогода, — сообщил он, оглядев сидевших в комнате. — А вы лекарства ему давали? Нужны антибиотики.

— Виноват, — сказал Эдуард. — Но ведь это первый случай в нашей деревне за два года. Я лекарства давно не выписывал.

— Он ездил на велосипеде в Красное, — сказала Элла.

— Небось не доехал, — усомнился дед.

— Велосипед сломался, — сказал Эдуард. — Можете посмотреть, колесо пополам. Чуть живой остался. Была бы еще одна жертва.

— Хватит жертв, — сказал дед, все еще стоя над Вениамином. — Ему бы живой воды.

— Неплохо бы, — сказал Эдуард Олегович. — Но лучше вертолет.

— Я поеду в Красное, — сказал Андрюша.

— Ты не дойдешь до утра, — сказал Эдуард. — Тридцать пять километров под ливнем и в бурю.

— Я не могу позволить, — сказала Элла.

Три старухи из тех, что сидели вчера перед клубом, а потом пели для Эллы, вошли рядом, сели, поклонившись, на скамью у двери, отказались от чаю.

— Ты не пришла, — сказала одна из них Элле. — Вот мы и пришли.

— Спасибо, — ответила Элла. — У нас несчастье.

— Знаем, — сказали старухи. Они были разные, но схожи с Ангелиной глазами, чистотой кожи и статью.

— Спасибо, — сказал и Веня, окинув их лихорадочным взглядом. — Вы пришли петь? Пойте, вы мне не мешаете.

— Плох, — сказала одна из старух. — Жар повышается.

— А у Эдуарда, конечно, антибиотиков нету, — сказала вторая.

— Мне они были не нужны. Здесь все здоровы. Я даже их не заказывал.

— За живой водой надо, — сказала первая старуха.

— Я пойду в Красное, — сказал Андрюша, — вызову вертолет.

— Вертолет — это хорошо, но лучше бы его не трогать, — сказала вторая старуха. — Живая вода лучше.

— Живая вода, живая вода, пожилая вода, — мелодично и тихо запел Вениамин.

— Чувствует, — сказала первая старуха.

— Нуждается, — подтвердила третья, а вторая напомнила:

— Девушка должна идти. Любящее сердце. — И все обернулись к Ангелине. Та покраснела, сказала серьезно:

— Я бы пошла, но пути не знаю.

— И никто не знает, — сказала первая старуха, — но ходили.

— Туда же ход потерян, завален обвалом, — сказал Эдуард.

— Ход потерян, — согласился дед Артем, — я проверял.

— Проверка — это, конечно, современно, — сказала первая старуха, — а моя бабка старика своего выходила, когда его волки задрали. Помирал ведь...

— А как она туда ходила? — спросил Эдуард.

— Незнамо, — ответили старухи. Потом третья сказала:

— Верно, Гришка дорогу знает к Царицыну ключу.

— Нет дороги, — сказал дед Артем. — Останемся, бабы, на почве исторической правды.

— А ты, баламут, молчи. Тоже мне, привидение! Не твоя колготня, стояла бы мельница, — сказала первая старуха.

— Стояла бы? А вы знаете, что там селедочную икру в черную красили?

— Красили, — согласились старухи. — На той неделе милиционер обещался приехать. Без шума.

— Все-то вы знаете, бабы, — сказал дед с отвращением.

— Знаем, — согласилась вторая старуха и кивнула Элле на деда Артема. — Шебутной он, выдержки мало-вато. За архивным документом человека не видит. — Старухи захихикали.

— Хорошо, — вдруг сказала Ангелина, — я пойду. Пойду!

— Добро, — сказала первая старуха.

— Постыдись, — возразил Эдуард. — Ты же комсомолка, кончала училище, готовишься в вуз.

Резкий порыв ветра распахнул окно, молнии сверкали совсем близко. На подоконник уселся Гришка, скосил глазом в комнату.

— Сведешь девку к живой воде? — спросила вторая старуха.

— Омнианпрекларррарара! — воскликнул ворон.

— Закрой окно, — сказала строго Элла, — у Вени жар.

— Рук нету, — ответил ворон, захлопал крыльями, взмыл, смешался с синевой вечера, молниями и черными облаками.

Элла бросилась закрывать окно.

— На рассвете пойдешь, — сказала первая старуха, — он покажет. Не отказался.

— Старый стал, — сказала, поднимаясь, вторая.

Скрипели ступеньки, старухи спускались с крыльца.

Ангелина проводила их, вернулась. Было тихо. Потом Андриюша глупо улыбнулся:

— Геля, если пойдешь, возьми меня, заодно кассу захватим.

— Глупец, — сказал дед Артем, — кассы не существует.

Эдуард Олегович молчал, поглядывал на всех, был бледен.

26

— Ничего страшного, — сказал серьезно Вениамин. — стакан живой воды поставит меня на ноги. Разве не так?

— Спать, спать. — Эдуард Олегович поднялся. — Мне, к сожалению, еще одного пациента навестить надо. Долг прежде всего.

— Может, его на ночь выпустить из погреба? — ска-
ла Элла. — Он же простудится.

— Нет, — сказал дед Артем, — и не подумаю. Де-
лайте со мной что хотите. После того как мельница
сгорела и Мишка погиб, нет ему пощады — это же бан-
да, которая сама никого не жалеет!

— Я с вами полностью согласен, совершенно, абсо-
лютно, — сказал Эдуард. — Но я гуманист и ничего не
могу с собой поделать..

— Пошли вместе, — сказал дед. — Я послежу. Пе-
редай-ка мне ружье, Андрюша.

— Это лишнее, — сказал Эдуард Олегович — вы
устали, вы пожилой человек. Я с ним справлюсь.

— Не знаю, как уж и справишься, а вдвоем лучше.
Пошли, пока дождь не хлынул.

— Идите, — согласился Веня.

Температура у него была тридцать девять и шесть.

Когда дверь за ушедшими закрылась, засобирався и
Андрюша.

— Пойду в Красное, ничего со мной не случится.

— Куда ты пойдешь? — возмутилась Элла. — На те-
бе же лица нет!

— Хорошо, — сдался Андрюша. — Тогда я иду от-
дыхать. Через час прошу меня разбудить. К тому вре-
мени, надеюсь, и гроза пройдет. Дайте слово, что меня
разбудите. — И он твердым шагом, хоть ноги и ныли
от дневных хождений, прошел в холодную горницу, рух-
нул на постель и тут же заснул.

27

Андрюша не слышал, как бушевала гроза. Он про-
снулся от тишины, слагавшейся из ровного и густо-
го шума дождя, который был постоянен и потому неслы-
шен.

Андрюша вскинулся, вскочил в полной темноте с

кровати, выбежал в сени. Ему показалось, что дом опустел, что все покинули его.

Но в щель под дверью в теплую половину пробивался свет.

Андрюша распахнул дверь, щурясь заспанными глазами. На ходиках была половина второго. Вениамин спал. Он был пятнист — черное с красным. Дышал часто, ворочался, сучил во сне руками. Возле кровати на стуле дремала Элла.

— Что случилось? — прошептал отчаянно Андрюша, злой на весь свет, оскорбленный предательством близких, а еще более предательством собственного тела, которое потратило на сон четыре часа. — Почему никто не думает о Вениамине?

— Ах, — вздрогнула Элла, — ты проснулся?

— Каждая минута на счету, — сказал Андрюша.

— Причешись, — сказала Элла, — ты дико выглядишь. Мы тебя не будили, ждали, что пройдет дождь.

Вениамин забормотал во сне. Вошла Ангелина со сложенным мокрым полотенцем, положила на лоб Вене.

— Какая температура? — спросил шепотом Андрюша.

— Сорок, — сказала Элла.

— Эдуард приходил? Что говорит?

— Нет, пропал куда-то, — сказала Элла. — Он тоже устал.

— У вас есть сапоги? — спросил Андрюша.

— Погоди... — Ангелина принесла резиновые сапоги и брезентовый плащ. — Впору будет? — спросила она.

— Впору, — сказал Андрюша, переобуваясь. — Ну я пошел.

— Иди, — сказала Элла, — только будь осторожен.

Андрюша пересек двор, скрипнула калитка. Почему-то ему показалось, что ливень на улице сильнее, чем во дворе. Струи дождя сразу нашли путь за ворот, и плащ отяжелел. «Как я дойду до Красного? — подумал Андрюша. — Тридцать пять километров лесом. Пять

километров в час... Семь часов. Главное, не терять темпа».

Он огляделся. Было темно так, что глаза с трудом, лишь по тусклому блеску луж находили дорогу. Небо было затянуто тучами. Силуэты домов и заборов угадывались лишь потому, что были темнее окружающей темноты. Дождь сыпал мельче, но густо и занудно. Собаки молчали, все в деревне молчало.

И сквозь этот бесконечный молчаливый шорох дождя до Андрюши донесся крик, приглушенный, еле слышный, и были в этом крике отчаяние, одиночество и безнадёжность. Андрюша побежал, скользя по лужам, к площади. Крик заглох. Андрюша остановился, и ему стало страшно, страшно посреди деревни, и сознание этого заставило его содрогнуться от мысли, как он будет идти по тайге.

Крик возник вновь и вновь оборвался.

Андрюша упал, но он уже так промок, что это не имело значения. Плащ налился свинцовой тяжестью, и все было как в кошмаре, и хотелось открыть глаза, чтобы увидеть хоть какой-нибудь свет.

— Помогите! — донеслось сквозь дождь и оборвалось вновь.

— Иду, — сказал Андрюша, и голос его оказался тих, сорвался, не хватило воздуха.

И вдруг крик раздался снова совсем рядом.

Глаза ли привыкли, или в тучах был просвет, но Андрюша вдруг догадался, что стоит возле погребка, куда заточили Василия. И его взяла злость — оказывается, бежал на помощь негодяю.

— Помогите! — Голос был тонким. Василий притворился немощным, чтобы вызвать жалость у прохожего. Но какой здесь прохожий?

— Молчи, — сказал в сердцах Андрюша, намереваясь повернуть обратно. Сколько времени потерял...

— Андрюша! — Голос был близко. — Андрюша, счастье ты мое!

— Дед Артем? Почему вы здесь?

— Прелестно, великолепно, — раздался второй знакомый голос. — Мы никак не рассчитывали на вашу помощь. Это замечательно!

— И вы, Эдуард Олегович?

— Наша вина, наша вина, — сказал Эдуард. — И эта гроза, все за заборами, адский шум, ничего не слышно. — Пленники говорили сквозь маленькое окошко, голоса их доносились глухо.

— Обманул он нас, — объяснил дед Артем. — Притворился спящим, а потом ключи схватил и бежать. И замкнул.

— Мы виноваты, ах как мы виноваты! — сказал Эдуард. — Теперь он уже в лесу, в безопасности.

— Найдем, — твердо сказал дед Артем. — Отмыкай. Андрюша нащупал замок, амбарный замок, крепкий.

— А где ключ? — спросил он.

— Ключа нету, — сказал дед Артем, — унес он.

Андрюша попытался сбить замок кирпичом, найденным рядом. Кирпич раскололся пополам.

— Не открывается, — сообщил он.

Все было мокрым. Весь мир был мокрым и холодным.

— Иди домой, — сказал дед Артем, — топор возьми, ничего не поделаешь.

— Глупо, — сказал Андрюша. Он хотел было добавить, что каждая минута на счету, а тут два... гм... человека дали запереть себя в подвале. Но сдержался, понимая, что все равно надо их спасать. — Иду, — сказал он и вдруг увидел, что из темноты на него глядит яркий тигриный глаз. Он сжался, колени стали мягкими... Но нет, это не глаза хищника, это фара. Кто-то ехал по дороге.

— Эй! — закричал Андрюша, как кричат моряки, за-

видя парус после года, проведенного на необитаемом острове. — Эй, стойте!

Мотоцикл ослепил Андриюшу. Голос Глафиры спросил:

— Что вы тут делаете?

— Это ничего, — донесся голос из погреба, — это хорошо. Не плачь, Эдуард, спасение пришло.

28

Элла сопротивлялась, утверждая, что мальчику Коле одному ехать в Красное после трудного дня в такую темень совершенно невозможно, но Коля был как камень. Поедет, и все тут, только заправится — в сарае есть запасные канистры. Расстроен Коля был смертельно: такой день, столько событий, а его не было. Он был глубоко убежден, что, будь он в деревне, и мельница не сгорела бы, и медведь бы не погиб, и Веня не пострадал. Но дело прошлое, теперь же спасение зависело от Коли, и тут все препятствия были несущественны.

Веня проснулся, он был в сознании, но сильно страдал. Элла с Глафирой хлопотали возле него, а Коля с Андриюшей пошли в сарай.

— Василию не завидую, — сказал Коля. — Мы с милиционером его с утра возьмем. За ним еще дела найдутся.

— Может, с тобой поехать, чтоб не скучно было?

— Только машину перегрузишь, — сказал Коля. — Лучше за женщинами присмотри. Ты один тут мужик остался.

От похвалы стало приятно, хоть исходила она от мальчика.

— Как же этот Васька их скрутил? — рассуждал Коля. — Достань-ка мне масло с полки, ты повыше будешь, акселерат.

— Он на Эдуарда кинулся, зарычал, Эдуард стух-

нул, споткнулся о ящик, деда свалил. Остальное — дело техники.

— Это так, — согласился Коля. — Ну я поехал.

Андрюша помог выкатить мотоцикл за ворота, закрыл их, привычно ежась от дождя, глядя, как тает в струях воды красный огонек.

Напротив горел свет у деда Артема. Дед переживал. Был унижен. Может, навестить его?

Переходя улицу, Андрюша вдруг понял, что видит уже и дорогу, и темный забор деда. Три часа — начинает светать. Здесь рано светает. А спать не хочется. Дождь вроде бы стал потише, хотя за лесом все еще вспыхивали зарницы и перекатывался гром.

Короткий звук догнал Андрюшу: во дворе хлопнула дверь. Кто-то вышел. Звуки разносились далеко и гулко.

Снова тишина. Потом осторожные шаги по доскам, скрипнула калитка. Андрюша замер у дедова забора.

В калитке образовалась тень. Ангелина стояла, словно не зная, что делать дальше, куда идти.

— Эй, — тихо сказала она, — ты где?

Андрюша не откликнулся. Человек обычно чувствует, что зовут не его. И горькое подозрение мелькнуло в голове юноши — она зовет Василия, переживает за него, ждет, а все разговоры о живой воде, все сказки, ключи и компрессы — так, развлечение. Все равно мы здесь чужие, думал Андрюша. Вот приехали, уедем, а деревня будет жить дальше по своим странным законам... до тех пор, пока не построят здесь санаторий, не понаедут отдыхающие, которые обволокут своими, новыми и неинтересными легендами пушку на площади и странное название «Царицын ключ».

Черная тень пронеслась по светлеющему небу, хлопнули крылья. Ворон опустился на забор рядом с Ангелиной, четкий силуэт его громоздился над девушкой.

— Гришка! — обрадовалась Ангелина. — А я боялась, что ты не прилетишь! Нам спешить надо.

Ворон взмахнул крыльями, будто стряхивал с них капли дождя.

— Подожди здесь, я сапоги надену, банку возьму.

Стукнула калитка. Андрюше стало стыдно, что он подглядывает. В это время тонкий длинный скрип раздался сзади. Андрюша оглянулся. Приоткрылось окошко, и он угадал голову деда Артема. Вдруг стало темнее — у деда погас свет.

— Ты чего здесь стоишь? — Дед разглядел Андрюшу.

— Я Колю провожал. Потом хотел к вам зайти, а тут Гришка прилетел.

— Ты не мешай, — сказал дед, — нельзя мешать. И за ней не ходи. Все испортить можешь.

— Вы же не верили, — сказал Андрюша.

— Я и сейчас не верю. Но мешать нельзя, понимаешь?

Снова стукнула калитка. Ангелина в тонком плаще и высоких резиновых сапогах, с бидончиком в руке вышла на улицу.

— Пошли, — позвала она.

Ворон тяжело поднялся с забора и полетел к площади. Ангелина двинулась за ним, — захлюпали по лужам сапоги. И все стихло.

— Ну вот, — прошептал дед, — нам и спать можно. Иди домой.

В голосе деда был приказ. И Андрюша подчинился приказу.

Перейдя улицу, он оглянулся. Белая бородка деда вновь возникла в загоревшемся окошке. Андрюша вошел во двор, притворил калитку. И остановился. Он представил себе, как Ангелина одна идет сейчас к холодному мокрому лесу... А Василий или его сообщник? Ее могут выследить. Разве ворон — защита?

Дед не велит. Но дед относится к этому как к сказке,

а если вспомнить, что сейчас конец двадцатого века, что сказок не бывает, а случаются необъяснимые, вернее объяснимые, но еще не разгаданные физические явления? Почему Ангелине будет хуже, если кто-то поможет ей, если кто-то будет ее охранять?

Андрюша рассуждал так и думал, как бы выбраться из двора, чтобы дед не заметил. Ведь можно идти поодаль, только охранять ее, не приближаться... На улице плеснула лужа. Прижав глаза к щели в воротах, Андрюша увидел, что дед в ватнике, в высоких сапогах и мятой треуголке стоит у своего дома, прислушивается. «Ах ты хитрец, — подумал Андрюша, — а сам-то решил идти за Ангелиной...»

Дед вышел, прикрыл осторожно калитку и засеменял по лужам к площади. «Все ясно, это снимает с меня моральные обязательства, — подумал Андрюша. — Где резиновые сапоги? Больше ничего не брать — только сапоги».

Он перебежал во двор, ворвался в сени, стал шарить в темноте.

Дверь из комнаты приоткрылась, выглянула Элла.

— Кто там? — прошептала она. — Это ты, Андрюша? Тише, Веня заснул. А Коля уехал?

— Все нормально. Я к деду Артему схожу.

— Три часа ночи, что за хождения? — сказала Элла скорбно. — И куда пропал Эдуард? Андрюша, если ты собираешься выходить на улицу, добеги до его дома. Может, он не спит... он обещал что-нибудь найти. Как ты думаешь, этично его разбудить?

— Этично, — сказал Андрюша. — Совершенно этично.

Он выбежал на улицу и, не скрываясь, не таясь, поспешил к площади. Да, надо заглянуть к Эдуарду. А может, не заглядывать? Пользы от него никакой, фельдшер он липовый, только переживает. Но, с другой стороны, Элле спокойней, если он рядом... Ладно, посту-

чу ему в окошко, сказал себе Андрюша. Передам и пойду дальше.

Он миновал деревья, скрывавшие пушку. Кто же из нее будет утром стрелять? Если старик не вернется, то впервые за много лет пушка не выстрелит. Так гибнут традиции. Не выстрелит раз, два, потом забудут и научатся вставать под будильник. Или вообще не встанут завтра утром? И птицы не будут петь, и коровы не дадут молока? Андрюша внутренне улыбнулся, но тут же вспомнил, как лежал, раскинув лапы, медведь возле мельницы...

У клуба он остановился. В окне Эдуарда горел свет. Андрюша приподнялся на цыпочки, заглянул — там никого не было. Из-под застеленной кровати выглядывало что-то синее. Андрюша постучал по стеклу. То ли подождать — может, Эдуард вышел по нужде, то ли бежать дальше, пока дед с девушкой не затерялись в лесах? И тут он услышал тихие голоса, доносившиеся из-за угла дома.

— Чего, — спросил знакомый высокий голос, — тебе чего не сидится?

— Она пошла, — ответил низкий бас. Василий? О чем он разговаривает с Эдуардом? Неужели они уже помирились? — И старик поперся. Треуголку надел и поперся.

— Старика мы пугнем. Старик нам не страшен. Так что иди быстро, не выпускай ее из виду и не догоняй. Понятно?

— Понятно, да неприятно. В лесу медведи ходят.

— Нет твоего медведя, пришел я его.

— Все равно лес... — басил Василий.

— Девчонке в лесу не страшно, а ему страшно? Икру по твоей трусости потеряли, теперь и золото прозеваем. Оставайся, жди милицию, она по тебе плачет.

— Ты меня не пугай. Если так дело пойдет, я скажу, кто был моим инициатором.

— Слово выучил! А доказательства? Я в лесу не был, я не хулиганил, у меня все в порядке, комар носу не подточит.

— Римма в магазине скажет.

— Не скажет. Это ты ей икру привозил, ты ей лекарства передавал и рыбу — все ты.

— Все равно посадят.

— Да иди ты скорей! Надоел, зануда.

— Я тебя подожду.

Эдуард грязно выругался и бросился в дом. В окно Андрюша видел, как он скинул пиджак, вытащил из-под кровати синий мундир, натянул его, выхватил треуголку из ящика стола — и на голову. Андрюша стоял не дыша, не двигаясь — совсем рядом, за углом, слышалось тяжелое дыхание Василия.

Вот тебе и тихий фельдшер, интеллигентный человек. Значит, это он убил медведя и сжег мельницу...

Эдуард-привидение метнулся по комнате, вытащил из шкафа складной зонтик. Все, к Вениамину он не пойдет, больные его не интересуют... Андрюша переступил с ноги на ногу и чуть не попался: дыхание Василия прервалось, но тут скрипнула дверь, свет в комнате погас. Эдуард был на улице. Андрюша вжался в стену.

— Пошли, — сказал Эдуард. — А куда идти, знаешь?

— Знаю, к Волчьему логу. Куда же еще?

Две темные фигуры отделились от угла здания и поспешили к лесу.

Андрюша понял, что выхода у него нет, только за ними! И не выдавать себя, пока возможно. На его стороне внезапность...

Сначала Андрюша шел быстро — ему показалось, что если все те, кто идет впереди него, свернут на какую-нибудь тропинку, то он проскочит мимо и придется то-

гда плутать по незнакомому лесу... Он спешил, боясь отпустить от себя Эдуарда и Василия.

Они уже вошли в лес, где под деревьями было совсем темно, и Андрюша чуть не налетел на них, выскочив из-за толстого ствола. Совсем рядом скользнул луч фонарика, он шастал по листве и стволам, потом метнулся вбок, осветил позумент на камзоле и погас. Эдуард и Василий решали, видимо, по какой тропе идти. Андрюша зажмурился и услышал, как, перекрывая неровный стук капель, срывающихся с листьев, запела первая птица. Услышав ее, принялась выводить несложную мелодию вторая, третья. Начиналось утро.

Андрюша старался держаться сзади, а на ровных участках дороги отставал настолько, что силуэты преследуемых сливались с сеткой дождя. Эдуард с Василием тоже шли осторожно, приостанавливались на поворотах.

Так прошло более часа. К пяти в лесу совсем рассветло, дождь почти перестал. Вот-вот должно было взойти солнце, приближение его ощущалось в растущем буйстве птичьих голосов.

Лесная дорожка, кое-где заросшая, кое-где протоптанная плотно и широко, вывела к узкой и длинной долине, по которой протекал ручей. В зарослях тростника просвечивала вода, взрябленная дождем. Дорожка выбежала на берег и шла по опушке, но Андрюша не решился выйти на открытое место и потому пробирался кустами по краю леса, где с каждой ветки за шиворот сыпались ледяные капли.

Что-то тяжело вздохнуло в тростниках, взлетели утки, и сверху Андрюша увидел скользкую черную спину какого-то чудовища, которое медленно пробиралось к полосе открытой воды. Эдуард с Василием тоже заметили чудище и остановились. В тишине до Андрюши донесся высокий голос Эдуарда:

— Крокодил!

— Не, — ответил Василий, — крокодилы у нас не водятся. Сом это, о нем давно известно, что здесь обитает. Только ничем его не взять. Даже пулей.

— И не нужно, — сказал Эдуард. — Мясо у него несъедобное.

— И мясо паршивое, — согласился Василий.

Сом на секунду выставил из воды тупое рыло с маленькими тусклыми глазками, пошевелил усами в метр длиной и ушел в глубину, взбаламутив воду. Тростники долго еще покачивались, а утки летали над водой, не решаясь опуститься.

Дорожка подвела к самой воде. Здесь, в узкой горловине, ручей бурлил горным потоком, и переходить пришлось по скользкому бревну. Затем тропинка ушла в сторону от ручья, вверх, в светлую и прозрачную березовую рощу. Андрюша перебежал от ствола к стволу, солнце неожиданно выскочило из-за горизонта, разорвав облака, его лучи ворвались в рощу, прорезав ее насквозь.

Эдуард и Василий остановились перед громадным серым валуном. Фельдшер наклонился и пошел вокруг камня. Василий закурил, потом зашагал дальше. Эдуард догнал его.

Когда Андрюша достиг того же места, он увидел на валуне слова «Царицынъ ключъ», выбитые глубоко, резко.

У камня дорожка кончалась, и Андрюша понял, почему Эдуард бродил вокруг, — он искал следы.

Эдуард с Василием почти скрылись за деревьями. Высокая мокрая трава доставала до коленей, и Андрюша шел по узкой тропинке, протоптанной недавно. Тропинка вновь привела к ручью, к тому же, что впадал в тростниковое озеро. За ручьем к берегу, отороченному полосой камней и песка, подходили строем мрачные ели. Там и скрылись Эдуард с Василием.

Черный еловый лес не хотел пропускать, словно сто-

рожил заколдованную страну. Стволы стояли тесно, сухие ветки, тонкие, колючие, хлесткие, с оттяжкой били по рукам и по лицу, и уже через несколько шагов Андриюше показалось, что он заблудился навсегда и безнадежно. Он остановился и услышал, как впереди трещат сучьями, продираются вперед, ругаются преступники. Вскоре он не только догнал их, но чуть не налетел на Василия. Шофер бился, дергался на небольшой прогалине, и Андриюша не сразу сообразил, что же произошло. Потом понял — Василий угодил во владения лесного паука, затянувшего седой, сверкающей каплями дождя сетью-занавесом ход между елями. Василий плясал, дергался, матерился, выдирая руки из клейких цепей. Паук размером с блюдце сидел на краю паутины и ждал, когда же его жертва успокоится.

— Эдик! — кричал Василий. — Кончай гоготать! Он же ядовитый!

Эдик не гоготал, просто от страха у него изо рта вырывались странные кудахтающие звуки.

— Я, — выговорил он наконец, — я пауков боюсь.

— Режь! — закричал Василий. — Режь, говорю!

Эдуард поднял зонт, как шпагу, сделал несмелый выпад.

— Коли! — вопил Василий. — Он же меня гипнотизирует!

Паук и в самом деле рассматривал свою жертву. Может быть, ему давно не попадались люди.

Эдуард, зажмурившись, принялся молотить зонтом по паутине, и в конце концов она покачнулась, нити обвисли.

— Да ты меня-то не бей! — кричал Василий.

Паук, поняв, что завтрак упущен, исчез за темным стволом. Василий начал отрывать от себя прилипшие нити, а Эдуард сказал:

— Пошли дальше, а то упустим.

— Ты первый иди, — сказал Василий. — Не знаю, сколько их тут повешено.

Поспорив, они пошли рядом, плечо к плечу. Фельдшер не выпускал из рук зонта, размахивал им, обламывал сучья.

Андрюша двинулся следом. Нагнулся, проходя под рваным занавесом паутины, миновав его, оглянулся. Паук выполз на ветку и начал чинить сеть. Он взглянул вслед Андрюше, и тому показалось, что паук подмигнул ему, чего, конечно, быть не могло.

Темный еловый лес внезапно поредел, и Андрюша вновь увидел Эдуарда и Василия. Они стояли у сгнившего некогда полосатого шлагбаума, упавшего на камни неширокой, мощенной булыжником дороги возле покосившейся маленькой будки, покрашенной в черную с белым елочку. Дорога начиналась от елей внезапно, будто выскочила из-под земли. А на холмике у самой дороги на солнышке сидели рядом дед Артем и Ангелина. Перед ними был расстелен на траве белый платок, лежало полбуханки хлеба, несколько яиц и огурец. Подоаль на суку, нависшем над дорогой, сидел ворон. Из клюва торчал кусок хлеба.

Андрюша присел за кустом и пожалел, что ему не пришлось в голову взять с собой съестного.

Видно, та же мысль посетила и Эдуарда.

— Проголодался я, — тихо сказал он Василию. — А у меня дома еще банка икры осталась... Выкинуть надо бы, а жаль, я в отпуск хотел съездить к бывшей теще в Ялту. Взял бы с собой.

— Дай поесть, — сказал Василий. — Я в подвале сидел.

— Потерпи, — прошептал Эдуард, — прошу, потерпи.

— И выпить бы. Надоело. Всю жизнь терплю. Всех убую!

— Возьмем клад, будет полная свобода.

— А вдруг денег мало? — спросил Василий, и у него громко заурчало в животе. Он сердито стукнул по животу кулаком, ворон Гришка заглотнул хлеб и взлетел с ветви.

— Ты куда? — спросил дед Артем.

— Сейчас, — ответил ворон и полетел назад, осматривая дорогу. Василий с Эдуардом нырнули в кусты, замерли. Андрей сжался. Ворон сделал круг над кустами и вернулся обратно.

— Там есть кто? — спросил дед.

Ворон щелкнул клювом, Ангелина кинула ему кусок хлеба.

— Идти бы надо, — сказала она, — солнце уже поднялось. Парит.

— Сейчас, — сказал дед. — Он насытится и полетит.

— Только ты, дедушка, снаружи подожди. Может, и в самом деле надо, чтобы я одна пошла?

— Подожду, подожду, хоть и не верю я в это.

— А чего пошел тогда?

— Тебя одну оставлять не хотел. А вдруг Васька тут ходит?

Ворон поднялся и медленно полетел вперед. Артем и Ангелина собрали остатки еды в платок, дед сунул узелок в заплочный мешок.

— Не доели, — сказал Василий с ненавистью, — зажрались...

Преступники крались по кустам, а дед с Гелей шли неравномерно: то быстро, если ворон припускал вперед, то медленно, если он поднимался выше и кружил, припоминая дорогу. Иногда до Андрюши доносились обрывки их разговора.

— Это его дорога, — сказал дед Артем. — Ее мой отец видел...

— А почему не достроил? — спросила Ангелина.

— Может, указание получил, что не приедет императрица, а может, деньги кончились...

Перебивая слова деда, до Андрюши донесся злой шепот Василия:

— Слышишь, кончились деньги! А мне за что в тюрьму садиться?

— Врет все дед, — успокоил его Эдуард. — Потому и не достроил майор, что деньги спрятал. Дураку ясно.

Дорога пошла вверх между крутыми каменистыми холмами, снова вышла к ручью, он стал теперь узким, тек круто, звенел хрусталем по камням. В бочажке лениво кружились хариусы метровой длины. Андрюше пришлось выйти на дорогу, потому что она шла вокруг большой скалы: слева отвесный склон, справа обрыв.

На скале на большой высоте были выписаны белой краской метровые буквы: «Сандро Шейнкманишвили. Одесса, 1973».

— Смотри, — долетел возглас деда, — и сюда турист добрался!

— Они везде проникают, — сказала Ангелина. — Помню, проходили через деревню, пели про дикий Север, про моржей, иконы спрашивали.

— Экологическая угроза. Обязательно лес спалят!

Дед с Ангелиной исчезли за поворотом, и больше ничего не было слышно, кроме пения птиц да журчания ручья внизу.

30

Перевалив через горб горы, дорога покатила вниз, в тесную долину, окруженную зубцами темных скал. Ручей исчезал в яркой зелени трав и появлялся вновь уже по выходе из долины. Попасть туда было нелегко. Сверху Андрюша видел, что дорогу, прорезавшую полукруг скальной стены, перегородил обвал. Перед баррикадой глыб, как перед закрытой дверью, остановились Ангелина с дедом. А где же бандиты? Ага, вот они, присели за скалой метрах в двадцати от завала.

Дед и Ангелина глядели на Гришку, который поднялся высоко вверх и кружил, будто забыв, куда двигаться дальше. Андрюше видно было, как старик первым полез вверх, положив на дорогу мешок с едой, чтобы не мешал. Ангелина взобралась следом, вот они уже смотрят сверху на зеленый стакан долины. В небе появились черные точки, они росли, приближаясь к Гришке, и тот нырнул вниз, видно, испугавшись, — к нему приближалась целая стая громадных летучих мышей. Они окружили Гришку, закрутили, потом от стаи отделилось черное пятно — распростерши крылья, ворон планировал, рывками приближаясь к земле. Он исчез за завалом, а стая, сделав круг, повернула обратно... Дед и Ангелина, спотыкаясь, бросились к нему. И тут же из-за камня поднялась неуклюжая фигура Василия, он кинулся к завалу, схватил мешок с едой, потащил к себе. Эдуард, поднявшись, шипел на него, махал руками:

— Брось, тебе говорят, брось, увидят!

Мешок был, видно, плохо завязан, раскрылся, из него посыпались на дорогу куски хлеба, покатались яйца и огурцы. Василий кинулся подбирать добро. Он затапливал в рот яйца и огурцы, чавкал и рычал так шумно, что, видно, дед услышал — его голова вновь показалась над завалом. Эдуард нырнул за камень, а Василий продолжал ползать по дороге. Голова деда тут же исчезла, Эдуард кусал ногти и топал ногой.

— Все пропало! Увидел он тебя, понимаешь, увидел!

— А они и сами не найдут, — невнятно сказал Василий. — Гришку-то пришили. Нельзя туда ходить, понял?

Андрюше сверху было видно скрытое от Эдуарда: там, за завалом, по узким остаткам дороги, прижимаясь к скале, спешили прочь дед и Ангелина. Ангелина прижимала к себе Гришку, дед нес пустой бидон. Они осторожно спустились с обрыва и начали пробираться по краю зеленой поляны, перепрыгивая с камня на камень.

Однажды дед оступился, и нога его ухнула в зелень. Андрюша понял, что зелень эта — трясина.

Ангелина с дедом обогнули половину зеленой топи и приближались к дальней стене долины, где из трясины торчали пальцами деревянные столбы — остатки моста. Эдуард уговорил Василия проползти вперед, забраться на завал. Увидев, что старик с девушкой ушли далеко, Василий вскочил на ноги и крикнул:

— Стойте! Вы куда?

Его крик достиг беглецов, но не остановил. Они оглянулись и исчезли в узкой расщелине среди скал. Василий скатился вниз, к зеленому полю.

— Стой! — крикнул ему Эдуард. — Меня подожди!

— Еще чего! — огрызнулся Василий. — Без тебя доберусь!

Он влетел в зелень большим прыжком и не сразу сообразил, что почва не держит его — жидкая грязь брызнула из-под ног, пачкая салатную траву. По инерции пронесся еще два шага, завяз по колено, вырвал с трудом ногу, рванулся дальше... Уйдя в трясину по бедро, Василий повернул назад и только тут обнаружил, что до берега уже метров шесть.

— Эй! — крикнул он Эдуарду. — Дай руку!

— Как же я дам? — Эдуард понял, в чем дело, и замедлил спуск к болоту. — Сам выбирайся. Убежать от меня хотел! — Василий рванулся к нему и погрузился по пояс. — Ты чего?! — вдруг испугался Эдуард, увидев тоску в глазах шофера. — погоди!

Андрюша побежал со своей горы вниз, к завалу и через несколько шагов потерял людей из виду. Когда он снова увидел их, Эдуард метался по берегу, протягивая Василию зонтик. Андрюша оглянулся — нужна какая-нибудь палка, шест, но вокруг не было ни единого деревца. Лес остался далеко позади.

Василий погрузился по шею, глаза его вылезли из орбит,

— Не могу! — крикнул ему Эдуард. — Прощай!

— Эдик, — хрипел Вася, — спаси, я тебе все деньги отдам, и клад себе бери, только спаси меня!

— Я бы рад... — расстраивался Эдуард. — Я бы рад...

— Вылезу, убью! — закричал Василий.

— Прощай, — развел руками Эдик. — Ты не мучайся, сразу ныряй.

— Нет, сволочь! — отказался от совета Василий. — Я на твердом стою! — Жижя подобралась ему к подбородку.

— Стоишь? — переспросил Эдуард. — Ну и ладушки. Это изумительно. Это восхитительно. Замечательно. Стой.

— Эдик! — закричал Василий. — Я тебя под суд подведу!

— Не надо. — Эдуард концом зонта стряхнул с майорского сапога грязь. — Ничего это тебе не даст. Стоишь ведь, не тонешь? Я за ними сбегая, клад отберу — и к тебе. А ты подожди. — И Эдуард пошел по краю трясины с камня на камень вдоль стенки, как недавно шли дед с Ангелиной.

— Эдик! — неслоь ему вслед. — Эдик, погибну! Вернись! А то скажу, как лекарствами торговал! И где иконы лежат!

— Молчи, подонок! — Эдик подобрал ком земли и кинул так, что он упал в воду рядом с Василием, колыхнул топь и обрызгал шофера до затылка — голова стала бурой от грязи и без слов хрипела с ненавистью вслед фельдшеру. — Терпи, — сказал Эдик, — твой вид отвратителен. — И легко с камня на камень поспешил к расщелине.

Андрюша дождался, пока он скроется, и перебрался через завал. При виде его Василий заморгал глазами, всхлипнул с надеждой:

— Студент... Студент, спаси, я все скажу!

— Стой, — сказал Андрюша без жалости. — Чего мне тебя жалеть! Грязь для тебя оптимальная окружающая среда.

— Студент! — шипела голова. — Интеллигентный человек!

— Я тебя буду спасать, а Эдуард в это время на Ангелину нападет? Он же бессовестный.

— Студент! — упрямылся Василий. — Я с тобой поделюсь. У меня облигации есть... Не хочешь? Убью!

Из трясины возникла лягушка, большая, зеленая, с белым гладким пузом. Приняв голову Василия за камень, вспрыгнула на нее и удобно уселась. Как шляпа. И пялила бессмысленные глаза на Андрюшу. Под тяжестью лягушки Василий ушел в воду еще глубже, даже подбородок скрылся в трясине. И он замолчал, чтобы не наглотаться.

— Я вернусь за тобой. Если он обманет, я вернусь, — сказал Андрюша и направился к глубокой темной расщелине.

31

Шаги в расщелине раздавались гулко, по стенам стекала вода, вливаясь в ручеек, что журчал по дну. Воздух был удивительно чист, пахло озоном, словно тут недавно ударила молния.

Скалы над головой сомнулись, стало совсем темно, но через несколько шагов впереди забрезжило пятнышко света. Свет исходил из фонаря Эдуарда. Тот стоял перед новым завалом из рухнувших сверху глыб и шарил по нему лучом, разыскивая щель.

— Не может быть, — бормотал Эдуард дрожащим голосом. — Они завалить ее не успели бы... — Свободной рукой он раскачивал камни, ища тот, слабый, которым был закрыт путь. Раздался грохот, посыпались но-

вые глыбы. Фельдшер отпрыгнул назад. — Ногу! — взвыл он. — Ногу зашибли, сволочи!

Андрюша вдруг понял, что не хватает привычного звука — пропало журчание ручейка, под ногами было сухо. И повернул обратно.

Услышав впереди журчание, Андрюша провел рукой по стене и обнаружил у самой земли дыру меньше метра диаметром, из нее и изливалась вода. Было страшно. А вдруг отверстие сузится? А вдруг и в самом деле обвал случился только что?.. В отдалении снова раздался грохот — Эдуард продолжал ворочать камни.

Андрюша сунул руку в низкую щель, и пальцы нащупали что-то мягкое. Птичье перо. Большое птичье перо.

Сомнения исчезли. Нагнувшись, Андрюша втиснулся под низкий свод. Пришлось передвигаться ползком, перебирая руками в ледяной воде. Острый край сталактита полоснул по ладони... Ход шел вверх, но не сужался. Андрюша уже не боялся, что он сузится. Но путешествие казалось бесконечным, саднила рука...

Наконец в лицо ударил ослепительный солнечный свет. Андрюша зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что свет пробивается сквозь зелень листвы. Здесь уже можно было встать на четвереньки, еще немного, и он поднялся и раздвинул мягкие ветви.

Он стоял на краю небольшой зеленой долины, заросшей деревьями и кустами, замкнутой с дальней стороны отрогами высокой горы.

Здесь было тепло и сухо. Только звенели комары, принявшие его за долгожданный обед. Андрюша отмахнулся от них и увидел свою ладонь — она была располосована, из открытой раны текла кровь. Чтобы смыть ее, Андрюша опустил руку в ручеек, который исчезал в черной пасти скалы. Кровь розовым облачком унеслась с водой, края царапины побледнели. Он вытащил из ледяной воды руку и увидел, что кровь уже не течет, а рана затягивается на глазах.

Андрюша вымыл в ручье лицо и снова взглянул на свою рану. Рана окончательно затянулась, лишь светлый шрам напоминал о ней.

— Сказка, — произнес Андрюша и пошел дальше, вверх по ручью, не глядя еще по сторонам, потому что не мог оторвать взгляда от собственной руки. — Нет, — сказал он, остановившись через несколько шагов, — этого не может быть.

— Что делать, — отозвался знакомый голос. — Я тоже не допускал такой мысли, а ведь являюсь коренным уроженцем!

Андрюша раздвинул кусты и оказался на прогалине, где стояла белая мраморная скамья, а на скамье сидели дед Артем и ворон Гришка, живой, здоровый, но наспуленный.

— Я, понимаете, руку раскроил, — сообщил Андрюша.

— А Гришка успел подохнуть, — сказал дед, — то есть находился в состоянии клинической смерти.

— Винивидивичи, — хрипло сказал ворон.

32

— Где Геля? — спросил Андрюша.

— За водой пошла к ключу. Там она в чистом виде.

— Зачем вы ее одну отпустили?

— Ей захотелось. Хоть и суеверия, зачем портить картину?

— А Василий в болото попал, — сказал Андрюша.

— Потонул? — спросил дед спокойно.

— Нет, по шею сидит. Надо будет на обратном пути захватить. На Эдуарда надежды мало.

— На кого? — удивился дед.

— Эдуард Олегович, фельдшер ваш. Разве непонятно? Они с Василием задно, он и есть второе привидение. Это он все организовал, и с икрой тоже, и лекар-

ствами торговал, и молоко они разбавляли. У него даже икра дома осталась, целая банка, теще хочет отвезти в Ялту.

— Улика, значит, — сказал дед. — Это удачно. А они что, выследили нас?

— Я потому и пошел, что испугался — их двое.

— Ага, их двое, а нас четверо. — Дед шлепнул Гришку по крылу. — Ах мерзавец, ах хитрец, даже в погребке со мной остался! Ваську выпустил, а сам остался! Все рассчитал, мерзавец...

— Дедушка! — слышался крик Гели. — Иди сюда. Я воды набрала.

— Идем, — откликнулся дед. Гришка хотел было возразить, но потом махнул головой, соскочил со скамьи и пошел впереди пешком, поглядывая на небо. — Опасается, — пояснил дед. — Летучие мыши здесь вместо сторожей. А Гришка, с их позиции, предатель.

— Филлантррроп, — откликнулся ворон.

— Ну как знаешь. Я же тебя не осуждаю. А где Эдик-то?

— Он в пещере заблудился. У завала застрял.

— Это точно, — сказал дед. — Мы тоже сначала чуть не промахнулись. Дорога хитрая, видно, завал еще майор устроил.

Трава раздалась, открыв дорожку, выложенную плитами аккуратно, одна к другой. Дорожка раздвоилась, уткнувшись в прудик, окруженный мраморным бордюром. Камень кое-где раздался, осел, между плитами тянулась трава.

По ту сторону пруда виднелась каменная ротонда, которую берегли львы, мирно положившие морды на лапы. Внутри стоял мраморный медведь в натуральную величину, из его пасти бил небольшой фонтан воды. Что это живая вода, Андрюша догадался сразу, потому что увидел, как к источнику направляется крупный заяц, держа на весу пораненную лапу. Кося глазом на Анге-

лину, стоявшую поодаль с бидоном в руке, заяц подскочил под фонтан и замер. Вода смыла с лапы кровь, заяц промок, Ангелина засмеялась. Гришка гаркнул, отгоняя зайца, и тот громадным прыжком сиганул через резные каменные перила между колоннами. Ангелина увидела Андриюшу.

— За нами шел? Ах ты любопытный!

— Он охранял тебя, — сказал дед серьезно. — Там не только Васька, там и его дружок Эдуард.

— Этот тоже? А раков вы видели?

Раки сидели в прудике, их было три. Зеленые, метровые, глупые, они таращили глаза на пришельцев сквозь прозрачную воду. Вокруг раков медленно плавали золотые рыбины.

Андриюша увидел за деревьями темную крышу. Бревна, из которых был сложен маленький домик, давно уже проросли, и он стал похож на купу деревьев. Ржавая крытая железом крыша чудом удержалась в буйном переплетении ветвей.

— Я пойду, — сказала Ангелина, — мне надо спешить.

— Идите, — согласился Андриюша. — Я вас догоню. — Он пожалел, что не взял с собой фотокамеру. Едва ли он вновь попадет сюда. Не потому, что путь труден или далек: может, дорога все-таки тупиковая? Открылась по сказочному велению и закроется вновь, пока через сто или двести лет не понадобится еще одной Ангелине спасти своего возлюбленного..

— Санаторий здесь построим, — сказал дед Артем. — Корпуса, травматологическую лечебницу, ванны...

Ангелина поглядела на поляну, на ротонду, на глупые морды раков и сказала:

— Жалко.

— Жалко, — сразу согласился дед и пошел вслед за Ангелиной. — Значит, так, — продолжал он, — устроим здесь заповедник союзного значения и проведем отсюда

трубопровод... — Голос старика гложу в зарослях, треуголка его мелькнула еще раз над листвою...

Андрюша заглянул в домик. Там было сумрачно и пусто, застарело, извечно пусто... Когда-то здесь жили люди, да давно ушли. На скамейке валялся медный ковш, две плоские бутылки забыты на полуразвалившейся печке. И еще одна треуголка... Андрюша протянул руку, и треуголка рассыпалась, а он подумал — вот здесь, наверно, и скрывался секунд-майор от царских посланцев, здесь и умер, забытый всеми. Может, где-то возле дома лежит его скелет, если не погиб он в лесу... Ржавая шпага без ножен торчала рядом с широкой лавкой. Шпагу Андрюша решил взять с собой, отдать деду. Пускай лежит она в корпусе санатория или в правлении заповедника под стеклом.

Андрюша наклонился, чтобы достать шпагу, и увидел под лавкой сундучок. Потасил сундучок на себя. Тот был окован железными полосами и закрыт.

— А вот и клад, — подумал Андрюша вслух и понес сундучок наружу. — Тоже передам деду, — решил он.

Так он и выбрался из домика-дерева — сундук прижат к животу, за ремень заткнута шпага с позолоченной гардой. Но далеко не отошел, потому что услышал знакомый и неприятный слуху голос.

— Руки! — повторял этот голос занудно. — Руки!

Андрюша увидел, как по дорожке к ротонде пятятся Ангелина и дед. Дед держит обе руки кверху, Ангелина — одну, во второй драгоценный бидон. Под ногами у них путается, тоже отступает ворон, а шагах в десяти надвигается невероятная фигура со сложенным зонтом в руке, оборванная до удивления, в клочьях камзола, без треуголки, страшная, одичавшая, задыхающаяся.

— Где клад? Где клад, я спрашиваю?

Дед и Ангелина молчали.

— Клад где? Убью, мне терять нечего! Ставь бидон

на землю! — Ангелина опустила бидон на дорожку. — Назад! Еще назад!

Эдуард достал ногой до бидона, толкнул его, вода хлынула по дорожке, растеклась по камням, и тут же в щелях между ними полезли вверх тонкие зеленые ростки.

— Где клад?

— Эдик, — сказал дед, — не нужен нам твой клад. Оставайся здесь и ищи, сколько твоему сердцу угодно. Отпусти нас. Нам нужно живую воду отнести. А ты ее разлил.

— Хватит, — сказала вдруг Ангелина, — надоело мне! Она спокойно шагнула вперед, подобрала бидон.

— Не смей! — крикнул Эдуард.

Андрюша все эти долгие секунды никак не мог распутаться в сундуке и шпаге — сундук он не догадался поставить, и тот, тяжелый и неудобный, мешал вытянуть шпагу из-за пояса.

— Стой, подлец! — сказал Андрюша. Ему показалось, что говорит он значительно и веско, но голос сорвался на высокой ноте.

Эдуард оглянулся и увидел сундук. Он не увидел ни шпаги, ни Андрюши — он видел только сундук.

— Мой! — крикнул он и кинулся к нему.

Он налетел на Андрюшу, как бешеный бык, схватил сундук, рванул на себя, не удержал, тот упал, щелкнул, раскрылся, и из него стаяй голубей разлетелись листы бумаги. Эдуард прыгнул вперед и накрыл собою сундук. Ожесточившись, Андрюша сделал выпад шпагой и с размаху воткнул ее в зад фельдшера. Тот взвизгнул, но добычу не выпустил. Андрюша уже понял, что сундук пуст — серебряная монета выкатилась из него, побежала, сверкая на солнце, по дорожке к круглому пруду и улеглась на бордюре.

— Так я и думал! — сказал дед, подобрав один из

листов. — Это отчет. Об израсходовании государственных средств.

— Значит, денег нет? — спросил Андрияша.

— Откуда же им быть? Наш предок реабилитирован! Посмертно!

— Я пошла, — сказала Ангелина. — Веня ждет. — Дед собирал листы отчета. — Ты справишься? — спросила Геля Андрияшу.

— Справлюсь, — ответил тот, отбрасывая ногой в сторону зонтик. — Идите. И вы вставайте, Эдуард!

Эдуард не отвечал. Одной рукой он держал себя за уколотое место, второй шарил внутри сундучка, все еще не веря, что тот пуст.

— Подлец, — сказала Ангелина, проходя мимо. — Еще Ваську простить можно, а вас никогда.

— Где деньги? — кричал Эдуард, не видя никого вокруг.

Монета, сверкающая на краю пруда, попалась его отчаянному взору. Эдуард пополз к ней по дорожке. Зеленые раки удивленно глядели на него — думали, свой. Неловко дернувшись, Эдик свалил монету в воду и тут же рухнул вслед за нею и сам, а раки подняли клешни, словно желая защитить сверкающее сокровище.

— Я за Ангелиной побежал, — сказал дед. — Вдруг там Васька?

— Не бойтесь, — сказал Андрияша, — он теперь тихий.

Эдуард барахтался в прудике живой воды, сражаясь с раками, и победить в этой схватке никто не мог. Любая рана, любая травма затягивалась тут же, оторванная лапа на глазах отрастала у рака, наверно, если бы кто из врагов откусил Эдуарду голову, и она отросла бы заново. Но голову раки фельдшеру не откусили, и тот вырвался из их объятий, вылез на берег, голый, белый, в свежих шрамах, и пополз обратно к сундучку, сжимая в кулаке серебряный рубль.

Андрюше надоело смотреть на фельдшера. Он сунул шпагу за ремень и огляделся. Увидел заросшую подорожником тропинку. Пройду по ней немного, решил он. Пять минут ничего не меняют.

Раздвигая ветви розовых кустов и лопухов, схожих с бананами, увернувшись от здорового шмеля, Андрюша миновал домик.

Заросший мхом склон холма не пружинил, был твердым, но твердым иначе, чем камень, — эту разницу нельзя было выразить в словах или даже в мыслях, но она была. Андрюша опустился на корточки, оторвал пальцами слой мха и увидел неровную, шершавую поверхность металла. Железная гора, подумал он, и взобрался на вершину этого небольшого крутого холма. Буйная зелень долинки вокруг источника осталась внизу, здесь дул ветерок и было прохладней. Отсюда была видна крыша домика секунд-майора, скрытая зеленой шапкой листвы, белый купол ротонды и темный изумруд прудика... Андрюша огляделся. Долина Царицына ключа была кругла и ровным дном похожа на большой кратер, а металлический холм горбился как раз в центре этого кратера. И Андрюша понял, что, вернее всего, сюда в незапамятные времена упал огромный метеорит. Принесенные из глубин космоса странные соединения тамошних неведомых веществ пропитали родник, бьющий из земли, сказочной силой, и вода здесь приобрела свойства, которых нет больше нигде на свете.

А может, и не это? Может быть, эта металлическая глыба рождена в недрах земли и выдавлена оттуда сжатием или вулканическим взрывом? И сила ее в сочетании элементов, родивших живую силу воды?

Дальше, за откосом, что-то светлело. Спустившись туда, Андрюша увидел на холмике, поросшем короткой травой, покосившийся крест. Трава там знала, что нельзя подниматься высоко, нельзя скрывать в буйстве своем память о том, кто здесь похоронен.

Рядом скамеечка, словно кто-то приходил сюда.

На кресте прибита табличка. Надпись почти выцвела, но под ярким солнцем Андрюша смог прочесть:

«Ее Императорского Величества Преображенского полка секунд-майор Иван Полуехтов скончался декабря 8 дня 1762 года.

Мир праху твоему, отец и муж».

Андрюша присел на скамейку. Значит, он жил здесь, и сказка лгала, потому что сказки придумывают люди, которые не все знают. Никому в деревне не открыла Елена, что майор не погиб, а остался у своего ключа и жил тут еще долгие годы...

И вдруг Андрюша понял, что он — это не он, не Андрей Семенов, студент из Свердловска, а секунд-майор Иван Полуехтов, изгнанник и отшельник. Осенний ветер дует над этим холмом, майор думает о том, что то ли когда-то этот железный холм упал с неба, подобно огненным камням, и принес на землю тайну и живительную силу со звезд, то ли вылез из земли, а эта живая вода — само естество нашего подлунного мира... Тоска и одиночество владели им — тешила лишь надежда, что придет Лена, придет и останется здесь на неделю, скажет в деревне, что поехала к родным в Пензу. Обещала любезная пожить с ним, малыша возьмет, младшего, других нельзя, проговорятся...

Майор сунул руку в карман камзола, вытащил серебряный рубль — нужны ли кому эти деньги, оставшиеся от царской казны? Ясное дело, никто не поверит, что он все истратил на работу, не крал, не обманывал, не утаивал. Не докажешь... Секунд-майор поглядел на рубль с профилем императрицы, кинул вдаль, в траву, а сверху спустился камнем верный Гриша, подхватил монету и унес. Может, подняться сейчас, вернуться в Петербург, там жизнь, там балы и маневры, разговоры о политике и дворцы на набережных. Но нужно ли это тебе, Иван Полуехтов, ты же сидишь, годы проходят в забвении и

ничтожестве, ждешь одного — как послышатся шаги у порога твоего домика. Придет твоя Елена, уже немолодая, растолстела, руки огрубели от работы, одна свой позор несет — мужиков нету, а она от кого — от духа святого третье дитя в люльке качает? А верна, через лес по дыре черной ходит и ходит к своему Ванечке, а Ванечка хоть и не хворый — как тут захвораешь, если вода живая, только от тоски пропадешь, — но стареет Ванечка, сварливый стал.

Елена говорила — убежим, уйдем на юг, на Волгу, на Кубань. Но не тянет уже к людям, да и не может бывший секунд-майор заниматься разбойничьим делом или крестьянским трудом. Лучше останется он до смерти, как часовой на посту, у живой воды.

Порой станет совсем неумогу, выходит тогда секунд-майор к людям в парадном мундире, при шпаге, идет лесом, близко к домам не подходит, но на дымы глядит, на ребятишек играющих — на своих в особенности. Ребята крепкие — еще бы, вода живая в речке подмешана, немного, а для здоровья хватает.

Иногда в лесу кого встретит... И люди уж знают, но считают его за неживой призрак, опасаются, бегут. Иногда встречает знакомого медведя, его еще в бытность в деревне учил из пушки стрелять. Медведь все ходит к пушке и, видно, медвежат научил.

«Помру я, — подумал спокойно майор, — куда денешься? Помру. Пускай Елена здесь меня похоронит, отсюда вид хороший, далеко на горы смотришь, на холодные вершины, на облака бегущие, на птиц перелетных. Птицы опускаются у родника, раны лечат. И пройдет много лет, и попадет сюда какая душа, увидит мой крест и поймет мою печаль, и поймет, что эти годы жил я одной любовью, и без нее давно бы помер без следа и без могилы...»

Крест стоял на зеленом косогоре, покосившийся

крест, одинокий, как тот майор. Впрочем, давший начало целой деревне — и Кольке, и Глафире, и Ангелине...

Надо идти обратно. Фельдшера оставлять нельзя, напакостит чего-нибудь, будет деньги искать, ротонду разрушит.

33

«Может быть, — думал Андрюша, подгоняя сквозь черную пещеру присмирившего Эдуарда, — назовут санаторий или заповедник именем майора Полуехтова. Да вряд ли — он фигура как бы внеисторическая, не борец, не мститель. А жалко...» Эдуард постанывал. В одной руке нес крышку сундука, в другой сжимал серебряный рубль с портретом толстой остроносой бабы с грудами, как жернова.

— Украли, — повторял он иногда и вздыхал. — Мошенники, грабители. Я же хотел для народа.

Когда они вышли из расщелины и впереди показалась трясина, Эдуард заволновался и сказал:

— Надо оказать помощь Василию. Мы гуманисты или нет?

— Гуманисты, — сказал Андрюша. — Сейчас принесете палку и вытащите.

Но палка не понадобилась. Они увидели, что Василий все так же стоит по горло в трясине, а на бережку сидит на корточках дед Артем с бумагой на коленях, рядом длинный шест. И пока они шли вокруг топи, Василий монотонно перечислял свои и Эдуардовы грехи, а дед в паузах приободрял его:

— Давай, давай, преступная твоя физиономия, все выкладывай, а то не видать тебе берега! — И Василий продолжал исповедь.

Он увидел Эдуарда, только когда они подошли к деду.

— Вот он! — забулькал Василий. — Он мной руково-

дил. А я по глупости слушался. Где клад? Где деньги?

— Это легенда, только легенда, — сказал Эдуард. — И я спешил сообщить тебе об этом. И помочь выбраться из болота. Прости, что не смог сделать этого раньше — помогал Ангелине.

— Ну и подлец ты, Эдик, — сказал дед Артем.

— Это что у тебя? — спросил Василий, показывая глазами на крышку сундучка. — Клад?

— Сувенир, — быстро сказал фельдшер. Он был почти гол и прикрывал живот этой крышкой. — На память об историческом прошлом нашего края. Артемий Никандрович, не верьте ни единому слову этого мерзавца и подонка. Он хочет меня оклеветать...

— Ничего, — сказал дед Артем, — разберемся.

Василия вытащили с трудом, пять потов сошло, пока трясина отпустила его. Эдуард бегал вокруг и давал советы, когда же Василий вышел на берег и бросился в неудержимом гневе на своего учителя, тот так припустил по дороге, что догнали его только в лесу.

А еще шагов через сто увидели и Ангелину. Она умиралась, и Андрюша взял у нее бидон.

34

Вертолет стоял сразу за околицей, шагах в ста от дома. Рядом пустые носилки. Вертолет медленно крутил лопастями.

— Улетят! — закричала Ангелина, бросаясь к нему. — Скорей, Андрюша!

Они побежали по улице.

— Эй! — крикнул Андрюша, увидя в кабине пилота. — Остановитесь! Мы живую воду принесли!

Ангелина приподняла бидон, чтобы пилот увидел.

Тот понял не сразу, потом выключил мотор, и лопасти отвисли, замедляя кружение.

— Чего? — спросил пилот. — Чего принесли?

— Живую воду, — сказала Ангелина.

— Прости! — сказал пилот. — Намек понял. За рулем не пью.

— Мы не вам, — сказал Андрюша, — мы больному.

— Так и несите ему.

— Так он не на борту?

— Нету его.

Ангелина чуть не выронила живую воду. Из бидона плеснуло, и в том месте начала бурно расти трава, зацвели большие синие колокольчики, и пилот уставился в полном изумлении на это зрелище.

— Нету в каком смысле? — спросил Андрюша, чувствуя, как у него холодеют руки.

— Видите носилки? Как его донесли сюда, он с них и в кусты. В его состоянии это верная смерть. Ищут по кустам. А он в бреду.

В кустах возникло шевеление, и оттуда вытащили сопротивляющегося Вениамина. Повязка сползла набок, пропиталась кровью. А рядом бежал врач и норовил наполнить шприц, чтобы сделать больному успокаивающий укол.

— Веня! — закричал Андрюша. — Не суетись. Все в порядке!

— Веня! — Ангелина бежала к нему, прижимая бидон к груди.

— Вернулись? — Веня говорил быстро, глаза его лихорадочно блестели, но он был в полном сознании. — Прости, Геля, я не мог улететь без тебя. Ты ради меня пошла ночью в лес, я же понимаю, и я не могу улететь как дезертир... Поймите меня, — он обратился к врачу, — и простите, что заставил волноваться.

— Все хорошо, — сказал врач. Он воспользовался тем, что больной успокоился, и быстро всадил ему в руку шприц.

— Вот это лишнее, — заметил Вениамин, — я уже покорился. — Он сам улегся на носилки.

— Вы можете умереть, — сказал врач. — Это безобразие.

— Ты пришла, Геля, спасибо тебе. Вода — это сказка, я понимаю, но ты пошла в ночь...

— Вода здесь, — сказала Геля. — Все в порядке. Она действует.

— Она действует, — подтвердил Андрюша. — Проверено.

— Товарищи, не задерживайте нас, — попросил врач. — Каждая минута — дополнительный риск.

— Доктор, — крикнул пилот, — вода действует, я видел!

— Ну какая еще вода!

Глаза Вени смежились, он засыпал со счастливой улыбкой, держа за руку Гелю.

— Дайте платок, — сказала Геля.

Она сказала это таким голосом, что Глафира без слов сняла с головы белый платок. Геля окунула его в бидон.

— Этих фальшивомонетчиков не видел? — спросил Андрюшу милиционер.

— Вон идут. — сказал Андрюша.

По улице поднимались парой Эдик и Василий — руки за спиной связаны, чтобы не передрались, дед веревку в мешке нашел, и лаяли друг на друга. Сзади кучером шагал дед Артем, держа их как на вожжах.

Ворон Гришка поднялся в воздух, сделал круг над вертолетом, который, видно, принял за соперника, вторгнувшегося на его территорию. Спикировал на вертолет, больно клюнул в стекло кабины. Потом поднял гордо голову и сказал:

— Омниапрекларрара!

Из леса вышла медведица. Она вела медвежонка учиться стрелять из пушки.

**БЕЛОЕ
ПЛАТЬЕ
ЗОЛУШКИ**

Гусар Павлыш в синем картонном кивере с коротким плюмажем из медной проволоки, белом ментике и сверкающих театральных эполетах, которые гусарам не были положены, выглядел глупо, с грустью сознавал это, но не мог ничего поделать. Чужой монастырь...

Он прошел опустевшим центральным туннелем к залу. На эстраде оркестранты под водительством шумного суетливого толстяка с черными мышинными глазками, устанавливали рояль. У двери в зал толпились те, кому не досталось места. Павлыш заглянул поверх их голов.

На сцене, не зная, куда деть руки, под белым щитом с надписью «Селенопорту 50 лет», обвитым венком из синтетических еловых веток, стоял знаменитый профессор из Сорбонны. Он запутался в торжественной речи, и многочисленные создания карнавальная фантазии, заполнившие зал, лишь с большим трудом сохраняли относительную тишину. Глубоко укоренившееся чувство долга заставляло профессора подробно информировать собравшихся о достижениях в селенологии и смежных науках и существенном вкладе лунных баз в освоение космического пространства.

Павлыш оглядел зал. Больше всего там оказалось мушкетеров. Человек сто. Они поглядывали друг на друга недоброжелательно, как случайно встретившиеся на улице женщины в одинаковых платьях, ибо до последнего момента каждый из них полагал, что столь светлая идея пришла в голову лишь ему. Между мушкетерами покачивались высокие колпаки алхимиков, мешая смотреть на сцену, редкие чалмы турецких султанов и квадратные скерли марсиан. Правда, полной уверенности в том, что это карнавальные марсиане, а не сотрудники лунных лабораторий с Короны или П-9, не было.

Павлыш протиснулся сквозь выросшую толпу Арлекинов и гномов, которым не хватило места в зале. С белого потолка туннеля свисали бусы фонариков и гирлянды бумажных цветов. Оркестр на эстраде уже пробо-

вал инструменты. Нестройные звуки катились по пустому коридору. В такт дроби ударника задрожали цветы над головой. Две цыганки прошли мимо, кутаясь в шали.

— Ты не учла аннигиляционный фактор, — сказала строго цыганка в черной шали с красными цветами.

— Как ты смеешь упрекать меня этим! — возмутилась цыганка в красной шали с зелеными огурцами.

Толстяк, который руководил установкой рояля, догнал Павлыша и сказал ему:

— Галаган, ты несешь полную ответственность.

— За что? — спросил Павлыш.

— Спиро! — позвал с эстрады саксофонист. — Почему не включен микрофон? Гелий не может петь без микрофона.

Павлышу захотелось курить. Он дошел до лестницы на нижний ярус, спустился на один марш. На площадке стоял диванчик и над ним, в нише, вытяжка для курильщиков. На диване сидела Золушка в хрустальных башмачках и горько плакала. Золушку обидели: не взяли на бал.

Когда человек плачет, это еще не означает, что его надо немедленно утешать. Плач — дело интимное.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш, — я из дворца. Принц сбился с ног, разыскивая вас.

На площадке было полутемно, лампа рядом с диванчиком, схожая со старинным уличным фонарем, не горела. Девушка замерла, замолчала, словно хотела дотерпеть, пока Павлыш уйдет.

— Если вас обидели злые сестры и мачеха, — Павлыша несло, он не мог остановиться, — то достаточно одного вашего слова, даже кивка, и мы тут же отправим их на Землю. На Луне не место обидчикам и клеветникам.

— Меня никто не обижал, — ответила девушка, не оборачиваясь.

— Тогда возвращайтесь во дворец, — сказал Павлыш, — признайтесь во всем принцу.

— В чем? — неожиданно спросила девушка.

— В том, что вы уже помолвлены с бедным, но честным пастухом и не нужны вам бриллиантовые палаты и шелковые альковы...

— У вас плохое настроение? — спросила девушка.

Она могла спросить что угодно, потребовать, чтобы гусар ушел, отстал. Она спросила неожиданно.

— Я весел и доволен жизнью, — сказал Павлыш.

— Тогда почему вы со мной заговорили?

— Мне обидно. Вы сидите здесь совсем одна, когда из зала доносятся торжественные речи, а оркестр настраивает трубы. Здесь можно курить?

— Курите, — ответила девушка. Голос ее был настолько ровным и спокойным, будто и не плакала.

Павлыш присел на диванчик, достал зажигалку. Ему хотелось взглянуть на лицо девушки. У нее был странный голос, глуховатый, бедный интонациями, и в то же время внутри его что-то звенело, будто он мог становиться другим и девушка сдерживала его нарочно, чтобы звучал приглушенно. Павлыш щелкнул зажигалкой так, чтобы огонек вспыхнул между ним и девушкой. На секунду высветился профиль, щека, глаз, мочка уха из-под белого парика.

Девушка протянула руку и включила лампу, похожую на уличный фонарь.

— Если вам так интересно поглядеть на меня, — сказала она, — зачем хитрить? К тому же огонек у зажигалки слабенький.

Она повернула лицо к Павлышу и смотрела на него не улыбаясь, как ребенок, позирующий фотографу, ожидающий, что из объектива сейчас вылетит птичка. У девушки было скуластое широкое лицо с большими, чуть раскосыми глазами, которые должны были оказаться черными, а были светло-серыми. Очень полные, поч-

ти негритянские губы были приподняты в уголках и готовы улыбнуться. Белый парик с диадемой чуть сдвинулся, и из-под него выбилась прямая черная прядь.

— Теперь здравствуйте еще раз, — сказал Павлыш. — Я очень рад с вами познакомиться. Павлыш.

— Марина Ким.

— Если я в самом деле могу вам чем-нибудь помочь...

— Курите, — сказала Марина. — Вы забыли достать сигарету.

— Забыл.

— Вы с какого корабля?

— Почему вы решили, что я нездешний?

— Вы из Дальнего флота.

Павлыш промолчал. Он ждал.

— У вас на подошвах магнитные подковки.

— У каждого планетолетчика...

— В Дальнем флоте они всегда зачернены. Брюки от повседневного мундира вы не сменили на гусарские лосины. И еще перстень. Дань курсантской молодости. Такие изумруды гранит повар на Земле-14. Не помню, как его зовут...

— Ганс.

— Вот видите.

Наконец-то Марина улыбнулась. Одними губами.

— В конце концов ничего в этом нет удивительного, — сказал Павлыш. — Здесь каждый десятый из Дальнего флота.

— Только те, кто задержался на карнавал.

— Их немало.

— И вы к ним не относитесь.

— Почему же, Шерлок Холмс?

— Я чувствую. Когда у тебя плохое настроение, начинаешь чувствовать чужие беды.

— Это не беда, — сказал Павлыш, — это мелкая неприятность. Я летел на Корону, и мне сказали на Земле, что мой корабль стартует с Луны после карнавала,

как и все. А он улетел. Теперь неизвестно, как добираться.

— Вы должны были лететь на «Аристотеле»?

— Вы и это знаете?

— Единственный корабль, который ушел в день карнавала, — сказала Марина. — Я тоже к нему торопилась. И тоже опоздала.

— Там вас кто-то... ждал? — Вот уж не ожидал Павлыш, что так расстроится картинкой, подсказанной воображением: Марина бежит к трапу, у которого раскрывает ей объятия могучий капитан... или штурман.

— Он мог бы остаться, — сказала Марина. — Никто бы его не осудил. Он не хотел меня видеть. Он поднял корабль точно по графику. Наверное, команда была довольна. Так что я виновата в том, что вы не попали на Корону.

— Боюсь, что вы преувеличиваете, — сказал Павлыш, пытаясь побороть в себе атавистические, недостойные цивилизованного человека чувства.

— Я не кажусь вам роковой женщиной?

— Ни в коем случае.

— И все же я преступница.

Павлыш погасил сигарету и задал самый глупый из возможных вопросов:

— Вы его любите?

— Надеюсь, что и он меня тоже любит, — ответила Марина, — хотя сейчас я начала сомневаться.

— Бывает, — сказал Павлыш пустым голосом.

— Почему вы расстроились? — спросила Марина. — Вы увидели меня впервые в жизни десять минут назад и уже готовы устроить мне сцену ревности. Нелепо, правда?

— Нелепо.

— Вы смешной человек. Сейчас я сниму парик, и наваждение пропадет.

— Я как раз хотел вас попросить об этом.

Но Золушка не успела снять парик.

— Ты чего здесь делаешь? — театрально возопил римский патриций в белой трагической маске. — Это просто чудо, что я пошел по лестнице.

— Познакомьтесь, — сказал Павлыш, поднимаясь, — мой старый друг Салиас. Он меня пригласил здесь и даже снабдил карнавальным костюмом.

— Не я, а мои добрые медсестры, — поправил Салиас, протягивая руку. — Я работаю эскулапом.

— Марина, — сказала девушка.

— Мне ваше лицо знакомо.

Марина медленно подняла руку и стянула с головы белый курчавый парик. Прямые короткие черные волосы сразу преобразили ее лицо, но внесли в него гармонию. Марина тряхнула головой.

— Мы с вами виделись, доктор Салиас, — сказала она. — И вы все знаете.

— Парик вам идет, — сказал добрый, мягкотелый Салиас.

— Хотите сказать, что меня в нем труднее узнать?

— Тактично ли мне вмешиваться в чужие дела?

— Чудесно! — засмеялась Марина. — Я вас успокою. Мое приключение подходит к концу. Кстати, мы уже давно беседуем с вашим другом, но я о нем почти ничего не знаю. Кроме того, что он смешной человек.

— Смешной? Я скорее сказал бы, что он плохо воспитан, — явно обрадовался перемене темы Салиас.

— Хорошо воспитанный гусар не будет выдавать себя за прекрасного принца.

— Он даже не гусар, — сказал Салиас. — Он просто доктор Слава Павлыш из Дальнего флота, судовой врач, несостоявшийся гений биологии, банальная личность.

— Я была права, — сказала Марина.

— Я с вами не спорил, — сказал Павлыш, откровенно любуясь Мариной. Салиас кашлянул.

— Вам надо идти, — сказала Марина.

— А вы?

— Мне пора. Бьет двенадцать.

— Я спрашиваю серьезно, — сказал Павлыш. — Хотя я понимаю...

— Вы ровным счетом ничего не понимаете, — сказала Марина. — Я постараюсь прийти к эстраде, где оркестр, только сначала возьму в комнате маску.

Марина подобрала подол длинного белого платья и побежала вниз по лестнице. В другой руке как живой пушистый зверек дергался белый парик.

— Я буду ждать! — крикнул ей вслед Павлыш. — Я вас найду даже в другом облиии, даже у плиты в бедной избушке.

Она ничего не ответила.

Салиас потянул Павлыша за рукав.

— Послушай, — сказал Павлыш, когда они пошли вверх, — ты в самом деле с ней знаком?

— Нет, незнаком. Лучше забудь о ней.

— Еще чего не хватало! Она замужем?

— Нет.

— Ты уверенно говоришь о незнакомом человеке.

— Я старый, мудрый ворон.

— Но почему я должен о ней забыть?

— Так лучше. Пойми, ты встречаешь человека, тебе хочется увидеть его вновь, но обстоятельства складываются таким образом, что больше ты его никогда не увидишь.

— Ты меня недооцениваешь.

— Может быть.

Они вышли в коридор. В него вливалась толпа из зала. Оркестр встречал карнавал неровным ритмом модной песенки.

— Она придет к эстраде! — крикнул Павлыш.

— Может быть, — ответил Салиас.

Людской поток растекался по широкому туннелю.

Прожектора с разноцветными стеклами водили лучами над толпой, и оттого создавалась иллюзия летнего вечера и открытого пространства. Трудно было поверить, что дело происходит на Луне, в тридцати метрах под ее мертвой поверхностью.

Минут через десять, ускользнув от щебетавших медсестер, Павлыш прошел к эстраде. Над его головой круглились ножки рояля, и он видел, как ботинок пианиста мерно нажимает на педали, словно управляет старинным автомобилем.

Марины Ким нигде не было. Не может же быть, что она обещала прийти только для того, чтобы отделаться от Павлыша.

Черный монах в низко надвинутом капюшоне подошел к Павлышу и спросил:

— Ты не узнал меня, Слава?

— Бауэр! — сказал Павлыш. — Конечно. Глеб Бауэр. Ты чего здесь делаешь, старая перечница? И давно ли ты ушел из мира?

— Не злословь, сын мой, — сказал Глеб. — Хоть бога и нет, я остаюсь его представителем на Луне.

— Вы танцуете, монах? — спросила требовательно женщина в чешуйчатом костюме русалки. — Вы не слышали, что объявлен белый танец?

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, — сказал Бауэр. — Постарайтесь без нужды не вводить меня в грех.

— Посмотрим, — сказала русалка.

— Слава, — сказал Бауэр, увлекаемый от эстрады, — не уходи!

— Я подожду, — ответил Павлыш.

Мушкетеры катили бочку с сидром и приглашали желающих пройти к столам. Голова танцующего Бауэра возвышалась над толпой. Алхимик в халате с наклеенными на него фольговыми звездами вспрыгнул на эстра-

ду и запел. Кто-то зажег рядом бенгальский огонь. Марины все не было.

Павлыш решил ждать до конца. Иногда он бывал очень упрям. Она прилетела сюда, чтобы увидеть капитана «Аристотеля». А он не захотел ее видеть и даже не позволил команде задержаться на карнавал. Жестокий человек. Или очень обиженный. Надо спросить Бауэра, который всех знает, как зовут капитана. Салиас что-то знает, но уходит от разговора. Ну ничего, его заставим признаться, когда останемся вдвоем в комнате.

Павлыш решил вернуться к лестнице. Если Марина придет, он ее встретит там. Но, пройдя несколько шагов, Павлыш оглянулся и увидел, что Бауэр вернулся к эстраде и вертит головой, очевидно разыскивая Павлыша. К Бауэру пробился маленький толстяк с черными мышиными глазками, поднявшись на цыпочки, начал настойчиво и серьезно что-то выговаривать ему. Бауэр, наконец, разглядел Павлыша и поднял руку, призывая его к себе. Павлыш еще раз окинул взглядом танцующих. Золушки не было.

— Он врач? — спросил толстяк Спиро, когда Павлыш подошел к ним. — А я думал, что он Галаган. Даже задание ему дал. Ну ладно, я побежал дальше. Вы его сами поставите в известность. Мне нужно срочно разыскать Сидорова.

— Пойдем, Слава, — сказал Бауэр, — я тебе по дороге расскажу.

Над головой гремел оркестр, и ножки рояля чуть вздрагивали. Вокруг танцевали. И все же Павлыш уловил в общем веселье какую-то чуждую нотку. Среди масок появилось несколько человек, одетых буднично, деловитых и спешащих. Они разыскивали в этом скопище людей тех, кто был им нужен, шептали им что-то, пары разделялись, и танцоры, с которыми они говорили, быстро покидали круг.

— В Шахте взрыв, — сказал Бауэр тихо. — Гово-

рят, ничего страшного, но есть обожженные. Объявления не будет. Праздник пускай продолжается.

— Это далеко?

— Ты не видел Шахты?

— Я здесь первый день.

У лифта собралось человек пять-шесть. Павлыш сразу понял, что они обо всем знают. Все сняли маски, и с масками исчез беззаботный дух праздника. Мушкетеры, алхимик, неандерталец в синтетической шкуре, прекрасная фрейлина забыли о том, что они на карнавале, забыли, как одеты. Они были врачами, вакуумщиками, механиками, спасателями. А карнавал остался в прошлом... И музыка, которая волнами докатывалась до лифта, и мерный шум зала были не более как фоном в трезвой действительности...

Уже под утро Павлыш стоял у носилок, вынесенных из медотсека Шахты и ждал, пока лунобус развернется так, чтобы удобнее было занести в него пострадавших. Сквозь прозрачную стену купола светила полосатая Земля, и Павлыш разглядел циклон, собирающийся над Тихим океаном. Водитель выскочил из кабины и отодвинул заднюю стенку лунобуса. За ночь он осунулся.

— Ну и ночка была, — сказал он. — Троиخ отправляем?

— Троих.

Носилки были накрыты надутыми чехлами из пластика. Дежурные нижнего яруса Шахты, получившие тяжелые ожоги, спали. Их сегодня же эвакуируют на Землю.

Салиас, щеки которого были покрыты рыжей выросшей за ночь щетиной, помог Павлышу и водителю погрузить носилки в лунобус. Он оставался в Шахте, Павлы-

шу надо было возвращаться в Селенопорт, сопровождая пострадавших.

Только через час Павлыш окончательно освободился и смог вернуться в большой туннель города. Проектора были выключены, и потому воздушные шары, гирлянды цветов и потухших фонариков, свисавших с потолка, казались чужими, непонятно как попавшими туда. Пол был усеян конфетти и обрывками серпантина. Кое-где валялись потерянные бумажные кокошники, полумаски и смятая мушкетерская шляпа. Одиноким робот-уборщик в растерянности возил совком в углу. Ему еще не приходилось видеть такого беспорядка.

Павлыш подошел к эстраде. Несколько часов назад он стоял здесь и ждал Марину Ким. Вокруг было множество людей, а Бауэр в черной сутане танцевал с зеленой русалкой...

К ножке рояля липкой лентой была прикреплена записка. На ней крупными квадратными буквами было написано: «ГУСАРУ ПАВЛЫШУ».

Павлыш потянул записку за уголок. Сердце вдруг сжалось от ужаса, что он мог сюда и не прийти. На листке наискось бежали торопливые строчки:

«Простите, что не смогла подойти вовремя. Меня обнаружили. Во всем я виновата сама. Прощайте, не ищите меня. Если не забуду, постараюсь отыскать вас через два года. Марина».

Павлыш перечитал записку. Она была словно из какой-то иной, непонятной жизни. Золушка плачет на лестнице. Золушка оставляет записку, в которой сообщает, что ее настигли, и просит ее не искать. Это вписывалось скорее в какой-то старинный, отягощенный тайнами готический роман. За отказом от встречи должна была скрываться безмолвная мольба о помощи, ибо похитители прекрасной незнакомки следили за каждым ее шагом, и, опасаясь за судьбу своего избранника, несчастная девушка под диктовку одноглазого негодяя пи-

сала, обливаясь слезами, на клочке бумаги. А в это время избранник...

Павлыш усмехнулся. Романтические тайны произрастают на благодатной почве карнавала. Чепуха, чепуха...

Вернувшись к Салиасу в комнату, Павлыш принял душ и прилег на диван.

Его разбудил трезвон видеофона. Вскочив, Павлыш взглянул на часы. Восемь двадцать. Салиас так и не возвращался. Павлыш включил видеофон. С экрана улыбался Бауэр. В отглаженном мундире штурмана Дальнего флота, свежий, выбритый, деловитый.

— Ты успел поспать, Слава? Я тебя не разбудил?

— Часа три спал.

— Слушай, Павлыш, я говорил с капитаном. Мы идем с грузом к Элистоле. По судовой роли у нас есть место врача. Можешь полететь с нами. Ну как?

— Когда стартуете?

— Катер уходит на стартовый пункт в десять. Успеешь?

— Да.

— Ну и отлично. Кстати, я уже сообщил диспетчеру, что ты летишь с нами судовым врачом.

— Значит, весь разговор был пустой формальностью?

— Разумеется.

— Спасибо, Глеб.

Павлыш отключил видеофон и сел писать записку Салиасу.

Через полгода, возвращаясь на Землю, Павлыш застрелял на планетоиде Аскор. Туда должна была прийти «Прага» с оборудованием для экспедиций, работающих в системе. От Аскора «Прага» делала Большой прыжок к Земле.

Павлыш сидел на планетоиде третий день. Он всех уже там знал, и его все знали. Он ходил в гости, пил чай, провел беседу об успехах реанимации и сеанс одно-временной игры в шахматы, в котором половину партий, к позору Дальнего флота, проиграл. А «Праги» все не было.

Павлыш заметил за собой странную особенность. Если он приезжал куда-то, где должен был провести месяц, то первые двадцать восемь дней пролетали незаметно, два последних растягивались в тоскливую вечность. Если он попадал куда-нибудь на год, то жил нормально одиннадцать с половиной месяцев. Так и с этим путешествием. Почти полгода он не думал о доме — некогда было. А вот последняя неделя оказалась сплошной пыткой. Глазам надоело смотреть на новые чудеса, ушам — внимать песням дальних миров... Домой, домой!

Павлыш коротал время в буфете, читая бессмертный труд Макиавелли «История Флоренции» — это была самая толстая книга в библиотеке. Геолог Ниночка за стойкой лениво мыла бокалы. В буфете дежурили по очереди.

Планетоид качнуло. Мигнули лампы под потолком.

— Кто прилетел? — с робкой надеждой спросил Павлыш.

— Местный, — ответила Ниночка. — Грузовик четвертого класса.

— Швартоваться не умеют, — сказал механик Ахмет, жевавший за вторым столиком сосиски.

Павлыш вздохнул. Глаза Ниночки горели состраданием.

— Слава, — сказала она, — вы загадочный странник, которого звездный ветер несет от планеты к планете. Я где-то читала о таком. Вы пленник злой судьбы.

— Чудесно сказано. Я пленник, я скиталец и страдалец.

— Тогда не переживайте. Судьба сама за вас все решит.

Судьба показалась в дверях буфета, приняв образ низенького плотного человека с пронзительными черными глазками. Человека звали Спиро, и Павлыш его помнил.

— Так, — сказал Спиро голосом героя, только что вернувшегося из соседней галактики, — чем здесь угощают? Чем встретит ваш салун одинокого охотника?

Ниночка поставила на стойку бокал с лимонадом, и Спиро вразвалку подошел к стойке.

— Чего-нибудь основательнее не держите? — спросил он. — Я предпочитаю азотную кислоту.

— Вся вышла, — сообщила Ниночка.

— Только что прилетали космические пираты с Черной Звезды, — вмешался в разговор Павлыш. — Выжрали три бочки рома и взорвали перегонный аппарат. Переходим на сухой паек.

— Что? — встревожился Спиро. — Пираты?

Он замер с бокалом лимонада в руке, но тут же признал Павлыша.

— Слушай! — заявил он. — Я тебя знаю.

В этот момент зашуршало в динамике, и голос диспетчера произнес:

— Павлыш, поднимись ко мне. Доктор Павлыш, ты меня слышишь?

Слова Спиро догоняли Павлыша, толкали в спину:

— Я тебя здесь ждать буду! Никуда ни шагу. Ты мне позарез нужен. Даже не представляешь, как.

Всегда грустный маленький тамил, второй год сидевший здесь диспетчером, сообщил Павлышу, что «Прага» задерживается. Как минимум еще на пять дней.

Павлыш сделал вид, что переживает эту новость, но испугался, что не переживет. Цокая подковками, он спустился в буфет.

Спиро стоял посреди комнаты с пустым бокалом. Его

черные глазки метали молнии, словно норовили прожечь пластик буфетной стойки.

— На что это похоже? — допрашивал он Ниночку. — Я им всем поотрываю головы. Сорвать большое дело, подвести товарищей! Нет, это невиданно! Такого еще не было в истории флота. Они попросту забыли, понимаешь, забыли два контейнера на Земле-14. Учти, не один, а два! В документах они есть, а в трюме их нет. Каково?

— Важный груз? — спросил Павлыш.

— Важный? — Голос Спиро дрогнул. Павлыш испугался, что он сейчас разрыдается. Но Спиро не разрыдался. Он смотрел на Павлыша. Павлыш ощутил себя мышью, которая попалась на глаза голодному коту. — Галаган! — сказал Спиро. — Ты нас спасешь.

— Я не Галаган, я Павлыш.

— Правильно, Павлыш. Мы с тобой взрыв на лунной шахте ликвидировали. Сотни погибших, бушует вулканическое пламя. Я тебя вынес из огня, правда?

— Почти.

— Так вот, ты мне обязан. На Сентипере во втором пакгаузе лежат запасные контейнеры. Я не знал, что они понадобятся, но никому не отдал. Я предчувствовал, чем все кончится. Ты летишь на Сентиперу, тратишь день, чтобы выбить их у Геленки. Сначала она тебе скажет...

— Не смущай человека, — сказала Ниночка. — Неужели кому-нибудь неясно, что это не твои контейнеры?

— Мои!

— Чужие, — сказал механик Ахмет.

— Они больше чем мои! — возмутился Спиро. — Без них все погибнет. Без них остановится работа всей лаборатории. Замрет научная жизнь на целой планете.

— Вот и лети сам за своими контейнерами, — сказала Ниночка.

— А кто отвезет груз на Проект? Ты?

— Ты знаешь, что здесь все заняты.

— Вот именно это я и говорю.

Спиро подошел к столику, за который сел Павлыш, и бросил перед ним большой тугой тюк.

— Это тебе, — сказал он.

Тюк раскрылся, и из него выпало несколько писем и пакетов. Конверты, микрофильмы, видеокассеты медленно расползались по полированной поверхности и норовили спрыгнуть на пол. Павлыш с буфетчицей кинулись собирать их и запихивать обратно в тюк.

— Всегда он так с почтой обращается, — сказала Ниночка. — Столько шума, а потом бросит все и убежит.

Павлыш укладывал письма. Спиро был забавен. Еще неделю на планетоиде не выдержать. Может, рискнуть и улететь на Сентиперу?

— Вот еще одно упало, — сказала Ниночка, передавая Павлышу узкий конверт с видеолистом. На конверте было написано: «Проект-18. Центральная лаборатория. Марине Ким».

Павлыш три раза медленно перечитал адрес, потом аккуратно положил конверт в тюк.

— Значит, так, — сказал Спиро, — я сейчас ухожу на Сентиперу. Без контейнера мне лучше не возвращаться. Ты не знаешь Димова! И лучше тебе никогда его не узнать. Времени у меня двадцать минут. Сейчас я дам тебе список грузов, покажу, где пришвартована моя шхуна, потом ты получишь овощи у садовника, все погрузишь и отвезешь на Проект. Не беспокойся, грузовик на автоматике, мимо не провезет. Ясно? Только не сопротивляйся, потому что все уже решено и ты не имеешь права подвести старого друга.

Спиро угрожал, умолял, убеждал, махал руками, бегал по буфету, обрушивал на Павлыша лавины фраз и восклицательных знаков.

— Да послушайте наконец! — рявкнул Павлыш во

всю мощь своего незаурядного голоса. — Я согласен лететь на Проект! Я и без ваших уговоров решил лететь на Проект! В конце концов я, может быть, давно мечтал полететь на Проект!

Спиро замер. Его черные глазки увлажнились. Он поперхнулся, но тут же совладал со своими чувствами и быстро сказал:

— Тогда пошли. Быстро. У нас каждая минута на счету.

— Правильно сделаете, что полетите, — сказала Ниночка. — Я сама бы полетела, только некогда. Там говорят, такой океан...

Грузовик вышел к планете Проект-18 с неосвещенной стороны, и минуло несколько минут, прежде чем Солнце, навстречу которому неся грузовик, осветило бесконечный ровный океан. Павлыш погасил перегрузки и перешел на стабильную орбиту. Затем, щелкнув тумблером, вышел на связь со Станцией.

Он знал, что Станция ведет грузовик, и ждал, когда раздастся знакомое шуршание, означающее, что полоса свободна для пилота.

Черные точки возникли на лице океана. Из сетки приемника донесся сухой шум.

— Станция, — сказал Павлыш. — Станция, иду на посадку.

— Что у тебя с голосом, Спиро? — спросили снизу.

— Это не Спиро, — ответил Павлыш. — Спиро ушел на Сентиперу.

— Ясно, — сказала Станция.

— Перехожу на ручное управление, — сказал Павлыш. — Машина перегружена. Как бы не прострелить мимо.

Справа над пультом на экране медленно поворачивался глобус планеты, и черная точка над глобусом —

грузовик постепенно сближался с зеленым огоньком — Станцией.

— И не мечтай, — ответила Станция.

— Не беспокойтесь, — сказал Павлыш. — Я из Дальнего флота. На этих грузовиках налетал больше, чем Спиро.

Группа островов, рассеянных по плоскому лицу океана, прошла внизу. На горизонте в дымке лежала Станция. Грузовик слишком медленно терял высоту, и Павлыш на мгновение отключил автоматику, дал торможение. Его вдавило в кресло.

Павлыш снова щелкнул рубильником на пульте связи.

— Что надевать? — спросил он. — Какая у вас погода?

Он включил видеофон. На экране возникло широкое плоское лицо обритого наголо человека. Глаза его были узки, к тому же прищурены, тонкие брови стояли галочкой, и вообще он являл собой образ Чингисхана, только что узнавшего о поражении его любимых тысяч у стен Самарканда.

— Кто таких присылает? — спросил Чингисхан, очевидно, имея в виду Павлыша.

— Я сэкономил полтонны горючего, — скромно ответил Павлыш. — Я привел корабль на час раньше срока. Полагаю, что не заслужил ваших упреков. Так что же вы надеваете, когда выходите на свежий воздух?

— Там Спиро все свое оставил, — сказал Чингисхан.

— Сомневаюсь, что влезу в его костюм.

— Хорошо, — сказал Чингисхан, — через три минуты я буду у вас.

Павлыш отстегнулся, встал с кресла, достал из боковой ниши тук с почтой, потряхнул пыль с костюма. Двигаться было легко, притяжение на планете не превышало 0,5. Люк в кабину управления отъехал в сторону, вошел Чингисхан в утепленном комбинезоне, с кислород-

ной маской, закрывавшей пол-лица. Вслед за ним в кабину втиснулся высокий поджарый человек с блеклыми глазами под густыми черными бровями.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш. — Я случайно оказался на планетоиде, когда Спиро был вынужден отправиться на Сентиперу. И он попросил ему помочь. Я доктор Павлыш.

— Моя фамилия Димов, — представился худой человек. — Димитр Димов. Я руковожу здешним отделением нашего института. Мы, если позволите, коллеги?

Он указал тонким длинным пальцем пианиста на змею и чашу на груди Павлыша, как раз над планками с названиями кораблей, на которых Павлышу приходилось служить.

— Ванчидорж, — представил Димов Чингисхана. И сразу продолжил: — Вы одевайтесь, одевайтесь. Мы вам очень благодарны. У нас всегда возникают некоторые трудности со Спиро. Он чудесный человек, добрейший, отмечен замечательными деловыми качествами. Его с громадным трудом отпустили к нам с Луны...

Чингисхан, то есть Ванчидорж, хмыкнул, выражая таким образом несогласие со словами своего начальника.

Димов помог Павлышу закрепить кислородную маску.

— Надеюсь, вы у нас задержитесь на несколько дней?

— Спасибо, — сказал Павлыш.

Он включил обогрев в комбинезоне и поправил теплый шлем. Кислород поступал нормально. Костюм Димова был узковат, но в общем в нем было удобно. Павлышу хотелось спросить о Марине Ким, но он сдержался. Теперь Золушка никуда от него не денется.

Они вышли на гладкую, будто отшлифованную, поверхность острова. В ста метрах за долиной поднимались стеной обрывистые скалы. По другую сторону на-

чинался океан, волны прибоя разбивались о черный берег, взметая столбы белой пены. Павлыш поправил шлемофон, чтобы услышать шум прибоя, но доносился он глухо, неадекватно мощи волн — звуки гасли в разреженном воздухе. Серое полупрозрачное облачко закрыло на минуту солнце, и тени, резкие и глубокие, стали мягче.

Ванчидорж ушел вперед, закинув на плечо тук с почтой. Димов отстал. Он закрывал люк грузовика. Ванчидорж вошел в тень от скалы и растворился в ней. Павлыш последовал за ним и оказался перед медленно отползавшей в сторону металлической дверью, которая скрывала вход в пещеру.

— Заходите, — сказал Ванчидорж, — застудим камеру.

Павлыш оглянулся. Большая белая птица медленно спускалась к Димову, и Павлыш чуть было не крикнул ему: «Осторожно!» Димов видел птицу, но не собирался прятаться.

Птица сделала круг над головой Димова, и тот поднял руку, как бы приветствуя ее.

У птицы были громадные крылья и маленькое пушистое тело.

— Вы их подкармливаете? — спросил Павлыш.

— Разумеется.

У Ванчидоржа была неприятная манера саркастически хмыкать. И непонятно было, смеется он или сердится.

Вторая птица показалась чуть выше первой. Она сложила крылья и мягко спланировала, усевшись на скалу рядом с Димовым. Димов протянул руку и потрепал птицу по шее.

— Пошли, — повторил Ванчидорж.

Внутри Станция была устроена удобно. Залы просторной пещеры были превращены в жилые и рабочие помещения, и Павлыш вспомнил старинные картинки к

роману Жюль Верна «Таинственный остров», герои которого любили деловой комфорт. Павлыш подумал, что в его комнате должно быть вырублено в стене окно, в которое будет врываться океанский ветер.

Димов сказал:

— У нас с жильем здесь туго. В прошлом месяце приехала группа физиологов, шесть человек, заняли все свободные помещения. Вам придется пожить в комнате с Ваном. Вы не возражаете?

Павлыш поглядел на Ванчидоржа.

Тот отвернулся к стене.

— Я, разумеется, не возражаю. Но не стесню ли...

— Я редко бываю в комнате, — быстро ответил Ван.

Комната Ванчидоржа была просторна — не чета клетушкам на других станциях. В толще скалы было вырублено высокое узкое окно, сквозь которое врывался солнечный свет.

— Вот ваша кровать, — сказал Ван, указывая на самую настоящую, в меру широкую, удобную кровать, спинкой которой служила изрезанная сложным узором зеленоватая каменная плита.

— А вы? — спросил Павлыш. Второй кровати в комнате не было.

— Принесу. Не успел. Вас никто не ждал.

— Вот я и буду спать на той кровати, которую вы принесете, — сказал Павлыш. — Гостеприимство не должно сопровождаться жертвами.

Он отошел от окна. Вдоль стены комнаты тянулся рабочий стол. На столе лежали пластины розового и светло-зеленого полупрозрачного камня. Нефрит, догадался Павлыш. На одной из пластин был намечен рисунок — птица с широкими крыльями. Нефрит тепло светился в отраженном солнечном свете. Раковина, похожая на половинку гигантского грецкого ореха, бросала на потолок перламутровые радужные блики. Ван рас-

кладывал почту на стопки. Второй стол был придвинут к боковой стене напротив кровати. Над столом было несколько полок. К стопке микрофильмов на второй полке была прислонена фотография Марины Ким в рамке из нефрита. Рамка была вырезана с большим искусством, взгляд запутывался в сложном узор. Павлыш сразу узнал Марину, хотя в памяти она осталась в белом завитом парике, который придавал чертам лица нелогичность, подчеркивая несоответствие между разрезом глаз, линией скул и пышными белыми локонами. Настоящие волосы Марины были прямыми, черными, короткими.

Павлыш обернулся к Вану и увидел, что тот перестал раскладывать почту и наблюдает за ним.

Дверь отворилась, и вошел человек в голубом халате и хирургической голубой шапочке.

— Ван, — сказал он, — неужели почту привезли?

— Как у вас дела? — спросил Ван. — Лучше ему?

— Ласты есть ласты, — ответил человек в голубом халате. — За один день не вылечишь. Так что же с почтой?

— Сейчас иду, — сказал Ван. — Немного осталось.

— А мне что-нибудь есть?

— Подожди немного.

— Отлично, — ответил хирург. — Иного ответа от тебя и не ждал. — Он пригладил короткие усики, провел ладонью по узкой бородке. — Вы грузовиком прилетели? — спросил он Павлыша.

— Да. Вместо Спиро.

— Очень приятно, коллега. Надолго к нам? А то подыщем вам работу.

— Приятно сознать, — сказал Павлыш, — что, куда я ни попаду, мне сразу предлагают работу, даже не спрашивая, хороший ли я работник.

— Хороший, — убежденно заявил хирург. — Интуи-

ция нас никогда не обманывает. А я Иерихонский. Мой прапрадед был священником.

— А почему мне об этом надо знать?

— Я всегда говорю так, представляясь, чтобы избежать лишних шуток. Это церковная фамилия.

Павлыш снова взглянул на фотографию Марины Ким, словно хотел убедиться, не растворилась ли она. Скоро он ее увидит. Может, через несколько минут. Удивится ли она? Вспомнит ли гусара Павлыша? Конечно, можно спросить Вана, но не хочется.

— Все, — сказал Ван, — пошли. Вы идете с нами, Павлыш?

Они вошли в обширный зал, освещенный рядом вырубленных в скале окон. Пол зала был покрыт голубым пластиком. В дальнем конце стояли длинный стол и два ряда стульев, ближе к двери — стол для пинг-понга с провисшей сеткой. Ван поставил сумку на стол и начал последовательно, словно выполняя ритуал, вынимать стопки почты и раскладывать их в ряд.

— Я позову людей, — сказал Иерихонский.

— Сами придут, — ответил Ван. — Не торопись.

Но Иерихонский его не послушался. Он подошел к стене, отодвинул крышку небольшой ниши и включил звонок, звук которого прерывисто понесся по коридорам и залам Станции.

Над пинг-понговым столом в ряд висели портреты, как портреты предков в семейном замке. И это было необычно. Павлыш принялся разглядывать их.

Мрачный скуластый человек лет сорока, с настойчивыми светлыми глазами. Иван Грунин. За ним старик, глаза которого затенены густыми кустистыми бровями — Армен Геворкян. Следующий портрет изображал совсем молодого парня с удивленными голубыми глазами и острым подбородком. Что-то объединяло этих людей и делало близкими, чтимыми на этой Станции. Они сделали что-то важное в том, чем занимаются осталь-

ные, может, они были дружны с Димовым или Иерихонским... Сейчас придут люди, которые услышали звон колокольчика. Войдет и Марина. Павлыш отошел подальше от пинг-понгового стола, но не спускал глаз с длинного голубого конверта, который предназначался Марине. Он лежал поверх самой тонкой стопки.

Первыми в зале появились два медика в таких же голубых халатах, как Иерихонский. Павлыш старался не смотреть на дверь и думать о посторонних вещах: например, удобно ли играть в пинг-понг при такой малой силе тяжести? То ли надо утяжелять шарик, то ли привыкать к замедленным прыжкам. Движения у людей на Проекте были куда более плавными и широкими, чем на Земле.

Медики сразу бросились к столу, но Ван остановил их:

— Погодите, пока все соберутся. Вы же знаете...

Ван явно был формалистом и поклонником ритуала.

На мгновение Павлышу показалось, что вошла Марина. Девушка была черноволосой, стройной, смуглой, но на этом ее сходство с Мариной кончалось. У нее были мокрые волосы, а белое сари кое-где прилипло к влажной коже.

— Ты обязательно простудишься, Сандра, — сварливо сказал Иерихонский.

— Здесь тепло, — ответила девушка.

Говорила она медленно, словно вспоминала нужные слова.

Потом глубоко вздохнула, откашлялась и повторила:

— Здесь тепло. — Звонче, чем в первый раз.

Зал наполнился народом. Люди были в рабочей одежде, будто на секунду оторвались от дел и тотчас вернутся к ним. Павлыш крутил головой, ему казалось, что он упустил, потерял Марину, что она уже в зале.

Ван священнодействовал. Он подвинул стопку офи-

циальной почты Димову, затем принялся брать письма и пакеты из самой большой пачки, читать вслух фамилии адресатов. Эта процедура явно была освящена традицией, никто не роптал, кроме Иерихонского, который оказался записным бунтарем.

Люди подходили, брали письма и посылки для себя и для тех, кто не смог прийти, и толпа, окружавшая Вана, постепенно рассасывалась, и люди устраивались поудобнее, чтобы прочесть письмо, или спешили уйти, чтобы в одиночестве прослушать пленку. Стопки подошли к концу. Марины Ким в числе адресатов, имена которых называл Ван, не было. Ван взял предпоследнюю пачку, протянул Сандре.

— Для морской станции, — сказал он. — Там есть и тебе посылка.

Потом он положил руку на последнюю, тонкую пачку писем, на голубой конверт Марины Ким.

— С Вершины никого? — спросил он. И тут же добавил: — Я сам отнесу.

«Конечно, — подумал Павлыш, — ты сделаешь это с удовольствием». Он подумал, что Марина без всяких к тому оснований постепенно превращает его, бравого дальнелетчика, в банального ревнивца.

— Павлыш, вы меня слышите?

Рядом стоял Димов.

— Мне сейчас надо уйти, а когда я вернусь, то уделю вам полчаса для ответов на вопросы. Догадываюсь, что пока вопросов нет. Но советую вам проводить Сандру. Она идет вниз, на морскую станцию.

— Я с вами, — сказал Иерихонский. Потом он обернулся к своим коллегам и добавил: — Некоторые, вместо того чтобы возвращаться на свои рабочие места, направляются к нашему гостю с корыстными намерениями. Я отвечаю за него. Он не с Земли. Он меньше нас знает, что творится дома, он не занимается спортом и не собирает марок. Он человек неинтересный и неосве-

домленный. Все остальное вы узнаете от него за ужином.

Закончив монолог, он шепнул на ухо Павлышу:

— Для вашего же блага, коллега. Вдалеке от дома люди становятся болтливы.

Когда они шли длинным наклонным туннелем, освещенным редкими светильниками под потолком, он развивал свою мысль:

— Если бы наша работа была напряженной, если бы нас на каждом шагу подстерегали опасности, мы бы и не замечали, как идет время. Но работа у нас монотонная, в лабораториях развлечений мало... Вот мы и тянемся к новым лицам.

— Ты не совсем прав, Эрик, — сказала Сандра, — это у вас наверху все спокойно. У других не так.

Винтовая лестница, по которой они начали спускаться, кружила вокруг вертикального столба, в котором находился лифт. Но они шли пешком.

— Я доморощенный философ, — продолжал между тем Иерихонский. — И должен вам сказать, коллега, что обстоятельства моей работы склоняют к абстрактному мышлению. За внешней будничностью нашей сегодняшней жизни скрывается напор будущих катаклизмов и водоворотов. Но, повторяю, это мы воспринимаем лишь как фон, а к любому, даже самому экзотическому, фону быстро привыкаешь. Вот Сандра сказала, что у других здесь жизнь не такая спокойная. Может быть... Когда вас ждет Димов?

— Через полчаса.

— Тогда мы вам покажем аквариум, и сразу обратно. Димова очень интересно слушать, но он не выносит, когда опаздывают.

— Странно, — сказал Павлыш, — здесь говорят о Димове как о самодержце. А он производит впечатление очень мягкого, деликатного человека.

— С нами нельзя не быть самодержцем хотя бы в

лайковых перчатках. Я на месте Димова давно бы сбежал от этого скопища интеллектуалов. Нужно иметь невероятную выдержку.

— Эрик опять не прав, — заметила Сандра, которой как будто нравилось во всем оспаривать мнение Иерихонского. — Димов и в самом деле милейший и мягкий человек, но мы понимаем, что последнее слово всегда за ним. Он не имеет права ошибаться, потому что тогда может произойти что-нибудь очень плохое. Здесь нет никакой мирной жизни. Это все выдумки Иерихонского.

Шахта кончилась. Павлыш несколько секунд стоял у стены, стараясь переждать головокружение. Иерихонский заметил это и сказал:

— Мы стараемся как можно больше двигаться. По работе нам не приходится много передвигаться...

— Кому как, — сказала Сандра, к которой Павлыш уже обернулся, ожидая очередного возражения. — Мне приходится много двигаться, другим тоже.

— Но я же не говорю о вашей группе, — ответил Иерихонский. — Ваша группа — другое дело.

— А Марина Ким? — спросила Сандра.

У Павлыша екнуло сердце. Впервые это имя было произнесено здесь просто и буднично, как имя Димова или Вана. По крайней мере теперь можно быть уверенным, что Марина здесь и ей приходится двигаться. Из этих слов следовало, что Марина не входит в группу, к которой принадлежит Сандра. Но она на Станции, близко, может, именно сейчас Ван передает ей письмо с Земли.

— При чем тут Марина? — удивился Иерихонский. И обратился за поддержкой к Павлышу, видимо считая его куда более информированным, чем было на самом деле. — Разве можно сравнивать?

Павлыш пожал плечами. Он не знал, можно ли сравнивать Иерихонского и Марину Ким. Хотя это также

подтверждало его подозрение, что Иерихонский живет спокойной жизнью, а вот Марина нет. Иерихонский бежит по лестницам, чтобы не потерять форму, а Марине это не грозит.

— Он же не знает Марину, — сказала Сандра.

— Ах да, я совсем забыл.

— Я ее как-то встречал, — сказал Павлыш. — Давно еще, на Луне, полгода назад.

— Не может быть! — воскликнул Иерихонский. — Вы ошиблись.

— Да? А ты забыл, что творилось в институте? — спросила Сандра. — У тебя дырявая голова.

Иерихонский не стал возражать.

Они вошли в обширное помещение, придавленное низким потолком, укрепленным кое-где столбами. Дальняя стена зала была прозрачной. За ней зеленела толща воды.

— А вот наш аквариум, — сказал Иерихонский.

— Я вас оставлю, — сказала Сандра. — Мне надо передать письма, а потом на работу.

— Счастливо, — сказал Иерихонский, и голос его дрогнул. — Не переутомляйся.

Павлыш подошел к прозрачной стенке. Мелкая рыбешка стайкой промелькнула совсем рядом, лучи солнца пробивались сквозь воду и растворялись где-то сверху, создавая впечатление громадного заполненного туманом зала, под потолком которого, невидимые, светят люстры. Покачивались длинные руки водорослей. Дно океана покато уходило в глуби, ну а там, смутно различимые, поднимались зубцы черных скал. Громодная акула поднялась из темной глубины и медленно, величественно подплыла к стеклу. За ней последовала вторая, чуть меньше размером.

Откуда-то сбоку, из невидимого Павлышу люка выплыла Сандра. Она была в легком резиновом костюме, ластах и больших очках. Она не видела акул, и Пав-

лыш испугался за нее. Женщина поплыла прямо к акуле.

— Сандра! — крикнул Павлыш, бросаясь к стеклу.

Акула поменьше грациозно повернула к Сандре. В грациозности ее движения чувствовалась страшная первобытная сила.

— Сандра!

— Успокойся, — сказал Иерихонский. Павлыш даже забыл о нем. — Мне тоже иногда бывает страшно.

Акула и Сандра плыли бок о бок. Сандра что-то говорила акуле. Павлыш мог бы поклясться, что видел, как открывается ее рот. Затем Сандра поднялась чуть выше, легла акуле на спину, держась за острый плавник, и акула мгновенно скользнула в глубину. Вторая последовала за ней.

Павлыш поймал себя на том, что стоит в неудобной позе, почти прижавшись лбом к стеклу. Он провел ладонью по виску, ему показалось, что растрепались волосы. Волосы были в порядке. В конце концов этому было правдоподобное объяснение: здесь дрессировали морских животных.

Павлыш не знал, сколько прошло времени. Потом он обернулся, чтобы спросить Иерихонского, что же все это значит. Но Иерихонского не было.

Павлыш вспомнил, что не договорился, где встретится с Димовым.

Он поднялся наверх на лифте, без труда нашел большой зал с портретами. Но там никого не было. Тогда он вернулся в свою комнату, полагая, что Димову легче будет отыскать его там.

Комната тоже была пуста. Павлыш подошел к портрету Марины. Марина смотрела мимо Павлыша, словно увидела что-то очень интересное у него за спиной. Уголки полных губ были приподняты: это еще была не улыбка, но начало улыбки. Прошло уже больше сорока минут. Димов не появлялся. Павлыш подошел к окну.

За окном гулял ветер. Барашки тянулись до самого горизонта. В комнате было очень тихо — стекло не пропускало звука. Тихо было и в коридоре. И тут послышалось легкое стрекотание, как будто рядом проснулся деловитый сверчок. Павлыш огляделся. На дальнем конце длинного рабочего стола Вана стояла пишущая машинка. Она работала. Край листа показался над кареткой и выскочил на несколько сантиметров, показав напечатанную строчку. Машинка щелкнула, и отрезанная записка выскочила в приемник. Павлыш почему-то решил, что записка может предназначаться ему. Димов его разыскивает и таким способом назначает ему randevu. Он подошел к машинке и подобрал листок.

«Ван, — было напечатано на листке, — как зовут прилетевшего человека? Если Павлыш, не говори ему обо мне. Марина».

Павлыш стоял, держа в руке записку. Марина не хочет его видеть. Она обижена на него? Но за что? А как ему следует вести себя дальше? Он-то знает, что Марина здесь...

— А, вот вы где, — сказал Димов. — Правильно сделали, что вернулись сюда. Я вас сразу нашел. Ну как, были внизу?

— Был, — ответил Павлыш. Надо было положить записку на место. Он сделал шаг к машинке.

— Что-нибудь случилось? — спросил Димов. — Вы расстроены?

Павлыш протянул уже руку с запиской к машинке, но передумал. Есть ли смысл таиться? Он передал записку Димову.

— Ага, это их частная переписка, — сказал Димов, показывая на машинку. — А вы случайно взяли записку, потому что машина заработала, а вы решили, что это я вас разыскиваю, правда?

Павлыш кивнул.

— А прочтя, естественно, расстроились. Ибо каждо-

му из нас неприятно, если его не хотят видеть, даже если к этому есть достаточные основания.

Димов перехватил взгляд Павлыша, брошенный на фотографию в нефритовой рамке.

— Вы с ней были знакомы?

— Да.

— Когда вы познакомились? Поверьте, мною движет не пустое любопытство. И если в этом нет секрета, я хотел бы знать, как и когда это было. Дело в том, что Марина — моя подчиненная...

— Никакой тайны тут нет, — сказал Павлыш. — Полгода назад я был на Луне, в Лунопорте. Там как раз состоялся карнавал. И совершенно случайно во время этого карнавала я познакомился с Мариной.

— Ну теперь все ясно.

— Знакомство было кратким и странным. Она исчезла...

— Не надо, я все знаю. Все знаю.

Павлыш удивился собственному тону. Он словно оправдывался перед Димовым.

— И вы знали, что она будет здесь?

— Она попросила меня ее не разыскивать.

Павлышу показалось, что он уловил насмешку в глазах Димова.

— А как вы узнали, что она на Проекте?

— Я бы все равно прилетел сюда. Спиро попросил меня перегнать грузовик, а у меня было свободное время. Когда он со мной разговаривал, из тюка с почтой выпало несколько писем. На одном конверте я увидел имя Марины Ким. И мне стало интересно... Очевидно, я должен был с самого начала спросить вас о ней, но я думал, что она придет за почтой и тогда я ее увижу... К тому же я не считал себя вправе. Ведь я с ней почти незнаком.

— Я видел ее сегодня, — сказал Димов, кладя за-

писку в приемник машинки. — Разговаривал. Но меня она не предупреждала.

— Она вправе не видеть меня.

— Разумеется, коллега. К тому же вы все равно не смогли бы ее сегодня увидеть, она улетела к себе.

— Это далеко?

— Не очень... Значит, она не хочет вас видеть... да, к этому должны быть веские причины. И мы не имеем права нарушать волю женщины, чем бы это ни было вызвано. Даже если это каприз, правда?

— Я согласен с вами.

— Вот и отлично. Давайте поговорим о Станции. Вам как биологу будет интересно с ней ознакомиться. У вас наверняка уже возникли первые вопросы.

Димов явно не хотел продолжать разговор о Марине.

— Ну что ж, раз Марина — тема запретная...

— Вы слишком категоричны, коллега.

— Я не настаиваю. Тогда я спрошу вас о Сандре. Я там не все понял. Сандра уплыла с акулами, а Иерихонский исчез.

— Ничего удивительного. Иерихонский страшно переживает за Сандру.

— Вы дрессируете местных животных?

— Вы что конкретно имеете в виду?

— Там были акулы. Сандра уплыла на одной из акул.

— Садитесь, — сказал Димов и сам уселся в кресло.

Павлыш последовал его примеру. За что Марина обижена на него? Чем он заслужил такую немилость?

— Начнем сначала. Так всегда лучше, — сказал Димов. — Вы курите. Я сам не курю, но люблю, когда курят в моем присутствии. Вам знакомы работы Геворкяна?

Павлыш сразу вспомнил о портрете в большом за-

ле. Кустистые брови над темными глубокими глазами.

— Только в общих чертах. Я все время на коблях...

— Ясно. Я тоже не успеваю следить за событиями в смежных науках. Ну а о биоформировании вы слышали?

— Разумеется, — слишком быстро ответил Павлыш.

— Ясно, — сказал Димов, — в самых общих чертах. И не надо оправдываться. Например, вы сами в чем специализируетесь? Я задаю этот вопрос, почти наверняка зная, что ответ будет положительным. Иначе вы были бы убежденным бездельником, вечным пассажиром, который иногда врачует царапины и умеет включать диагност.

— В прошлом году я стажировался у Сингха по реанимации, — сказал Павлыш. — А сейчас большой отпуск провел на Короне. Они интересно работают. За этим большое будущее.

— Сингх, кажется, в Бомбее?

— В Калькутте.

— Вот видите, мир не так уж велик. Когда-то у него работала Сандра.

— Наверное, после меня.

— А о Короне у меня самое слабое представление. И не потому, что мне это неинтересно. Руки не доходят. Так что не обессудьте, если я буду рассказывать вам о наших делах несколько подробнее, чем вам покажется необходимым. Коли вы что-нибудь из моего рассказа уже знаете, то терпите. Я не выношу, когда меня перебивают.

И Димов смущенно улыбнулся, как бы прося прощения за свой невыносимый характер.

— Когда, — продолжал он, — создавался наш институт, какой-то шутник предложил назвать нашу науку ихтиандрией. А может, и не шутник. Был когда-то

такой литературный персонаж — Ихтиандр, человек-рыба, снабженный жабрами. Не читали?

— Читал.

— Конечно, ихтиандрия осталась шуткой. Ученым нужны более научные слова. Это наша слабость. Нас называли институтом биоформирования... Новые науки создаются обычно на гребне волны. Сначала накапливаются какие-то факты, опыты, идеи, и, когда их количество превышает допустимый уровень, на свет является новая наука. Она дремлет в недрах соседних или даже далеких от нее наук, ее идеи витают в воздухе, о ней пишут журналисты, но у нее еще нет названия. Она удел отдельных энтузиастов и чудаков. То же случилось и с биоформированием. Первыми биоформами были оборотни. Сказочные оборотни, рожденные первобытной фантазией, видевшей в животных своих близких родственников. Человек еще не вычленил себя из природы. Он видел силу в тигре, хитрость в лисе, коварство или мудрость в змее. Он своим воображением переселил в животных людские души и в сказках наделял зверей человеческими чертами. Вершиной этого рода фантазии стали волшебники, колдуны, злые оборотни. Вы слушаете меня?

Павлыш кивнул. Он помнил обещание не перебивать.

— Людям хочется летать, и мы летаем во сне. Людям хочется плавать как рыбы... Человечество, движимое завистью, стало заимствовать у животных их хитрости. Появился аэроплан, который был похож на птицу, появилась подводная лодка — акула.

— Зависть, пожалуй, не играла роли в этих изобретениях.

— Не перебивайте меня, Павлыш. Вы же обещали. Я хочу лишь показать, что человечество шло по неправильному пути. наших предков можно оправдать тем, что у них не хватало знаний и возможностей, чтобы избрать путь правильный. Человек копировал отдельные

виды деятельности животных, подражал их форме, но самого себя всегда оставлял в неприкосновенности. В определенной степени с развитием науки человек стал слишком рационален. Он отступил на шаг по сравнению со своими первобытными пращурами. Вы меня понимаете?

— Да. — Интересно, эти лекции предназначены только для приезжих или сотрудники Станции тоже проходят через это испытание? И Марина? Какие у нее глаза? Говорят, что уже через несколько лет после смерти Марии Стюарт никто не помнил, какого цвета были у нее глаза.

— Но такое положение не могло длиться до бесконечности! — почти крикнул Димов. Он преобразился. Худоба в нем от фанатизма. Это мягкий, деликатный фанатик, подумал Павлыш. — Медицина достигла определенных успехов. Началась пересадка органов, создание органов искусственных. Все большее значение в нашей жизни стали играть генетика, генное конструирование, направленные мутации. Людей научились чинить, реставрировать, даже достраивать...

Нет, он не фанатик, поправил себя мысленно Павлыш. Он прирожденный педагог, которого обстоятельства поставили в окружение людей, которые все знают и без тебя и не будут слушать твоих лекций даже при всем уважении к начальнику Станции. Марина в опасные моменты попросту выскальзывает из комнаты и бежит к себе на Вершину. Надо будет пройти по Станции и посмотреть, есть ли лестница или лифт наверх. Случайно подняться, случайно зайти к ней в лабораторию... Постой, а что, если она тоже работает с животными? Сандра с акулами, а Марина... Марина с птицами!

Задумавшись, Павлыш пропустил несколько фраз.

— ...Геворкяну судьба предназначила роль собирателя. Он свел воедино все те примеры, о которых я только что рассказывал. Он сформулировал задачи, направ-

ление и цели биоформирования. Естественно, что его не приняли всерьез. Одно дело небольшие частные изменения человеческого тела, другое — коренная его переделка. Но если ученым в прошлом веке приходилось доказывать свою правоту десятилетиями и обогнавший свое время гений получал признание где-то к восьмидесятому году жизни, то Геворкян имел в своем распоряжении океанскую базу Наири, где уже работало двенадцать подводников, снабженных жабрами.

— Сандра — подводник? — догадался Павлыш.

— Разумеется, — сказал Димов, даже удивившись неосведомленности Павлыша. — Разве вы не заметили, что у нее специфический голос?

— Заметил, но не придал значения.

— Сандра перешла к нам недавно. Она когда-то работала на Наири. Но вы опять меня перебиваете, Павлыш. Я рассказывал вам о Геворкяне. Получался парадокс. Люди-рыбы нам нужны. Подводников мы снабжаем жабрами, и им находится множество дел в океане. Журналисты уже легкомысленно пишут о расах морских людей, а мы, ученые, понимаем, что говорить об этом рано, так как двойная система дыхания настолько осложняет организм, что балансирование его затрудняется. Геворкян с самого начала выступал против того, чтобы жабры подводников оставались навсегда частью их организма. Нет, говорил он, пусть человеческое тело будет лишь оболочкой, которую сочтет нужным принять разум. Оболочкой, которую при нужде можно скинуть и вернуться к нормальной жизни. Теперь вы ощущаете разницу между ныряльщиками и биоформами?

Павлыш промолчал. Димов и не ждал ответа. Он продолжал:

— Биоформ — это человек, телесная структура которого изменена таким образом, чтобы он мог лучше выполнять работу в условиях, в которых нормальный человек работать не в состоянии.

Павлыш впервые услышал эту фамилию — Геворкян — лет пятнадцать назад, в студенческие времена. Потом споры и страсти стихли. А может, Павлыш занялся другими делами...

— Споры концентрировались вокруг проблемы номер один, — говорил Димов. — Зачем менять структуру человеческого тела, что дорого и опасно, если можно придумать машину, которая выполнит все эти функции? «Вы хотите создать Икара? — спрашивали нас наши оппоненты. — Икара с настоящими крыльями? А мы обгоним его на флаере. Вы хотите создать человека-краба, который мог бы спуститься в Тускарору? Мы спустим туда батискаф». Но...

Тут Димов сделал паузу, но Павлыш испортил весь эффект, продолжив фразу:

— Космос — это не продолжение земного океана!

Димов откашлялся, замолчал, словно переживая обиду, как актер, которому какой-то нахал подсказал из зала: «Быть или не быть!» А ведь он, актер, готовил, репетировал эту фразу несколько месяцев.

— Извините, — понял непростительность своей реплики Павлыш, — я вдруг вспомнил обрывки дискуссий тех времен.

— Тем лучше, — уже справился с собой Димов. — Значит, вы сказали, что космос — это не земной океан. И тогда вам нетрудно догадаться, где Геворкян получил поддержку.

— В Космическом управлении.

— В Дальней разведке. Вы не представляете, сколько мы получили заявок после того, как Геворкян напечатал свой основной доклад! К Геворкяну поспешили хирурги и биологи с разных, порой неожиданных сторон. Но это были трудные годы. Всем хотелось немедленных результатов, а добровольцев мы пока не брали. Но возникла глубоководная собака. Вернее, краб-собака. Потом еще три года опытов, пока мы смогли сказать со

всей уверенностью, что гарантируем биоформу-человеку возвращение его прежнего облика. И восемь лет назад начались опыты с людьми.

— А кто был первым биоформом?

— Их было два. Серис и Сапеев. Они были глубоко-водными биоформами. Работали на глубине десять километров. Они не могли бы убедить скептиков, если бы не случай. Вы не помните, как спасали батискаф в Филиппинской впадине? Нет?

— Когда это было?

— Значит, не помните. А для биоформии это эпоха. Батискаф потерял управление. Он попал в трещину и был засыпан подводной лавиной. Связь прервалась. В общем, был тот случай, когда любая техника отступает. А наши ребята прошли к нему. У меня где-то хранятся снимки и вырезки тех лет. Если интересно, я вам потом покажу...

Все возит с собой, подумал Павлыш. И говорит о тех событиях как о древней истории. А прошло всего шесть-семь лет.

— В то время в институте уже готовились несколько добровольцев. Понимаете, даже для сегодняшних возможностей процесс биоформирования чрезвычайно сложен. Допустим, работал у нас Грунин. Доброволец, штурман Дальнего флота. Ему предстояло трудиться на планете с давлением вдесятеро против нашего, где радиация в сто раз выше допустимой нормы, а температура на поверхности плюс триста. К тому же добавляются пыльные бури и непрерывные извержения вулканов. Конечно, можно послать на такую планету робота, которому по плечу такие условия, или даже вездеход, настолько сложный, что человек в нем будет как муха в кибернетическом мозге. И все-таки возможности робота и человека в вездеходе будут ограничены. Грунин считал, что сможет сам пройти ту планету. Собственными пальцами пощупать, собственными глазами поглядеть.

Он исследователь, ученый. Значит, мы выясняем, каким условиям должно отвечать новое тело Грунина, какие нагрузки должно оно выдерживать. Мы вычисляем программу такого тела, ищем аналоги в биологических моделях, высчитываем экстремальные допуски. И на основе этих расчетов мы начинаем конструировать Грунина. Мы все это сделали...

Димов замолчал.

— Грунин погиб? — спросил Павлыш.

— Всего предугадать нельзя. И менее всего в этом следует винить Геворкяна. Создавая биоформа на основе конкретного человека, мы должны помнить, что в новом теле остается мозг именно этого человека. Любой биоформ — человек. Не менее, но и не более... Потом был Драч, и Драч тоже погиб.

Павлыш вспомнил портрет Драча в зале Станции. Грунина вспомнить не смог, а Драча вспомнил, наверное, потому, что тот был очень молод и доверчив.

— Он вернулся, — сказал Димов. — Ему предстояла ретрансформация, возвращение в человеческий облик. Все должно было кончиться благополучно. Но на Камчатке, как назло, началось извержение вулкана, и надо было взорвать пробку в жерле, надо было спуститься в кратер, проникнуть в жерло и взорвать, вы понимаете? Они попросили наш институт помочь. Геворкян отказался наотрез. Но Драч случайно услышал этот разговор. Он пошел, все сделал, а вернуться не успел.

— Не хотел бы я быть биоформом, — сказал Павлыш. — По-моему, это бесчеловечно.

— Почему?

— Трудно ответить. В этом есть что-то неправильное. Человек-черепаха...

— А где предел ваших допусков, коллега? Скажите, в скафандре выходить в космос бесчеловечно?

— Это одежда, которую можно сбросить.

— Черепаховая шкура не отличается принципиально

от скафандра. Только панцирь черепахи дольше снимать. Сегодня вы возмущаетесь биоформами, завтра восстанете против пересадок сердца или печени, послезавтра потребуете запретить аборт и пломбирование зубов? Все это вмешательство в дела высокого Провидения.

В дверь заглянул Иерихонский, и это было кстати, потому что Димов не убедил Павлыша, но аргументов тот найти не смог и не хотел выглядеть ретроградом.

— Вот вы где спрятались! — воскликнул Иерихонский. — А я Павлыша разыскиваю. Мы собрались пойти на катере к Косой горе. Сандра со Стасиком покажут нам голубой грот. Они туда поплыли, завтра утром там будут. Вы отпустите с нами Павлыша?

— Я над ним не властен. Пускай он познакомится со Стасом Фере. Мы тут как раз вели беседу о биоформии. Почти мирную.

— Представляю, как вы его заговорили, — сказал Иерихонский. — Павлыш уже знаком со Стасом.

— Как? — удивился Павлыш.

— Вы его видели внизу, когда мы ходили в аквариум с Сандрой.

— Нет, — сказал Павлыш, — я там не видел Фере.

— Сандра с ним уплыла, — сказал Иерихонский. — С ним и с Познаньским.

— Акулы? — спросил Павлыш.

— Да, они похожи на акул.

— Так это биоформы?

— Фере уже проработал несколько месяцев в болотах Сиены. Тогда он был сделан для работы в топях Сиены. Там жуткий мир, — сказал Димов.

— Стас говорил мне, — сказал Иерихонский, — что здесь он чувствует себя как на курорте. Ни опасностей, ни соперников. Он сильнее и быстрее всех в этом океане.

— Это же полная перестройка всего организма!

— Сейчас в мире существуют два Фере. Один здесь,

в океане, другой на Земле, закодированный клетка за клеткой, молекула за молекулой в памяти Центра.

— Хорошо, — Димов поднялся с кресла, — поговорили и хватит. А то сюда постепенно соберется вся Станция. Нам бы только не работать. Надеюсь, теперь в самых общих чертах вы имеете представление о том, чем мы занимаемся. А когда уляжется первая реакция, может, поймете больше...

Катер отвалил от стенки подземного грота, лучи светильников скользнули, отражаясь от выпуклых иллюминаторов. Тут же катер пошел в глубину, и за иллюминаторами стало темно. Ван сидел у рулей, и отсвет приборов зловеще играл на его лице. Катер поднырнул под скалу, закрывавшую выход из грота, некоторое время шел на глубине, затем начал подниматься, и за иллюминаторами вода приобрела синий, а потом зеленоватый, бутылочный свет.

Катер вырвался на поверхность, стряхнул с себя воду и помчался, срезая верхушки волн. Волны громко и хлестко стучали по днищу, будто бойкий кузнец бил по нему молотом.

Молодой, крепкий, толстый зоолог Пфлюг пересчитывал банки в походном чемодане.

— Вы не представляете, — сказал он Павлышу, — сколько там живности. Если бы Димов разрешил, я бы поселился у Косой горы.

— И питался бы моллюсками, — сказал Иерихонский.

— На том острове жить опасно, — сказал Ван. — Это сейсмичный район. Рай для геологов — там рождается континент.

— Для меня тоже рай, — сказал Пфлюг. — Мы здесь присутствуем в сказочный момент — образуются боль-

шие участки суши, и животный мир только-только начинает ее осваивать.

Справа над горизонтом показался черный столб.

— Подводный вулкан, — сказал Ван. — Там тоже будет остров.

— А почему выбрали эту планету? — спросил Павлыш.

— Она лучше многих других, — сказал Иерихонский. — Условия здесь, скажем, не экстремальные, но человеку исследовать ее нелегко. Атмосфера разреженная, температуры низкие, большая часть поверхности покрыта первобытным океаном. Все здесь еще молодо, не устоялось. В общем, удобный полигон. Здесь мы испытываем новые методы, ищем новые формы, по возможности универсальные. Здесь проходят тренировку биоформы, которым предстоит работать в трудных точках. Поживете с нами, поймете, как мы довольны, что нам предоставили эту лужу...

А лужа тем временем катила навстречу пологие зеленые валы, и ее безбрежность подавляла воображение. Сознание того, что, сколько ни плыви, не встретишь ничего, кроме островков и скал, торчащих из воды, что нет здесь материков и даже крупных островов, придавало океану завершенность. На Земле океаны. Здесь Океан.

Солнце клонилось к закату, закат был мирным, смягченным слоями перистых облаков, кисеей прикрывавших солнце. Лишь далеко в стороне толпились черные тучи, еле поднимавшиеся над горизонтом. Вернее всего, там был ад, там трудились вулканы.

Остров Косая гора появился через три часа. От Станции до него было около пятисот километров. Остров представлял собой кривую гору, которая, казалось, долго и натужно вылезала из океана и ей удалось приподнять над водой одно плечо. Второе осталось под водой. Оттого голова горы была склонена набок, и от нее начинался полукилометровый обрыв в глубину. Зато дру-

гой край острова был покат и обрамлен широким пляжем, усеянным камнями и небольшими скалами.

Ван разогнал катер и поднял его в воздух. Тот перепрыгнул через широкую полосу бурунов, кружившихся вокруг рифов, и шлепнулся на мелководье.

Там, где кончалась полоса пляжа и начинался подъем на гору, стоял небольшой серебряный купол.

— Это наша избушка, — сказал Иерихонский.

Они надели маски. Дул сильный ветер и нес мелкие колющие снежинки. Вода у берега была покрыта тонкой коркой льда.

— Утром лед будет в руку толщиной, — сказал Ван. — Правда, соленость здесь невысока.

— Теперь ужинать и спать, — заявил Пфлюг. Он первым спрыгнул на песок с далеко нависшего над берегом острого носа катера, потом протянул руки, и Ван, нагнувшись, передал ему ящик с банками. Щеки резало холодным ветром. Все, кроме Павлыша, опустили прозрачные забрала. У ветра была сила и свежесть молодого мира.

— Обморозитесь с непривычки, — сказал Иерихонский. Его голос звучал в шлемофоне глухо, будто изда-лека.

Ван открыл дверь убежища. Внутри купол поддерживали массивные металлические ребра. Домик был рассчитан на любые неожиданности.

— В худшем случае, — сказал Ван, — его сбросит с берега и выкинет в море. А там мы его подберем.

Иерихонский включил отопление и пустил воздух. В домике сразу стало тепло.

Перегородкой убежище было разделено на две части. В передней, общей, стояли рабочие столы, машины, контрольная аппаратура. За перегородкой были склад и спальня.

— Сейчас приготовим ужин, — сказал Пфлюг. —

Грешен, обожаю консервы. Всю бы жизнь прожил всухомятку, но жена не разрешает.

— Кто ел моей ложкой, кто спал на моей постельке? — строго спросил Иерихонский, подходя к столу. — Кто был в гостях?

— Ты знаешь, — сказал Ван, — зачем спрашиваешь?

— Но я же просил не трогать мою машинку!

Иерихонский показал на портативный диагност, стоявший в углу. Из диагноста тянулась лента. Груда лент валялась на полу.

— Ох уж эти любители самолечения! — вздохнул Иерихонский.

— Мне дозволено погулять по окрестностям? — спросил Павлыш. — Я все знаю, я не буду далеко отходить от дома, не буду купаться в море и сражаться с драконами. Я только погляжу на закат и вернусь.

— Идите, — сказал Ван. — Только не занимайтесь самостоятельными исследованиями, хотя тут драконов раньше не было.

Павлыш шагнул в переходник.

Солнце прижалось к склону горы, закрывавшей половину неба. Снег усилился, и пришлось опустить забрало. Снежинки с размаху лупили по шлему, отчего мир стал туманным, будто Павлыш пробивался сквозь тучу белых мушек. Он повернулся к ветру плечом и спустился к воде. Лагуна, защищенная грядой рифов, была спокойна, волны медленно наползали на берег, хрустели ледком закраин и уползали назад, оставляя водоросли, мелкие ракушки и кусочки пены. За галечным пляжем торчали черные зубы камней, каменистая осыпь тоже казалась черной от того, что солнце било в глаза, выше по склону поднимались из черноты светлые струйки пара, и ритмично ухал грязевой паразитический кратер, выплевывая сгустки дымящейся грязи. Грязь стекала к берегу волнистыми, как табачный дым, ручейками, засты-

вая у воды. Если на этом острове и есть какие-нибудь живые существа, они должны быть закованы в броню и приспособлены к тому, чтобы поглощать минеральные соли горячих источников. Или они спускаются к воде и собирают на берегу скудные отбросы моря.

Павлыш пошел вдоль берега. Ветер бил в спину, подталкивал. Купол домика быстро уменьшался и стал почти неразличим среди скал и камней. Павлыш шел с той же скоростью, с которой скатывалось к склону горы солнце. Он собирался дойти до косы и поглядеть, как светило уйдет за горизонт. Гора нависла сзади как большой сонный зверь. Облака исчезли, словно поспешили за солнцем туда, где тепло и светло. Лед у берега уже не поддавался ослабевшим ударам волн, не ломался и не скапливался длинной грядой осколков вдоль кромки воды, а будто маслом прикрыл лагуну, и лишь кое-где в матовом масле проглядывали открытые пятна цвета закатного неба. Павлыш решил, что пора возвращаться.

Со склона горы сорвался камень и, подпрыгивая, пронесся рядом, влетел в воду, поднял столб воды и крошек ледяного масла. Павлыш взглянул вверх по склону: не мчится ли оттуда лавина? Нет, камень сорвался потому, что с горы медленно спускался местный хозяин. Видно, решил полакомиться ракушками на берегу.

Хозяин был страшноват, но на Павлыша он не обращал внимания.

Павлыш не мог разглядеть его как следует, потому что тот передвигался по теневому склону. Больше всего он был похож на высокую черепаху с метр ростом. Ног ее не было видно.

Тут Павлыш сообразил, что черепаха движется не просто к берегу, а к убежищу, отрезая Павлышу дорогу домой. Он остановился в нерешительности. Может, это было случайным совпадением и черепаха его не видела, может, делала вид, что не замечает Павлыша.

Черепаха добралась до двухметрового обрывчика, и

тут же из-под панциря змеями вылетели блестящие щупальца, охватили неровности камней, и черепаха легко прыгнула, повисла на секунду, покачиваясь на щупальцах, и мягко опустилась на площадку у грязевого кратера. Павлыш понял, что у черепахи несколько ног — толстых, крепких, гибких.

Черепаха оказалась обманщицей. Она была совсем не неуклюжей и не медлительной. Она лишь притворялась такой. Павлыш осторожно, чтобы не привлекать внимания этой твари, пошел вдоль кромки воды, надеясь, что черепаха не успеет перерезать ему путь. Черепаха, словно разгадав намерения человека, быстро покатилась вниз по склону, помогая себе щупальцами и конечностями, и тогда Павлыш, охваченный иррациональным ужасом перед первобытной жестокой силой, исходившей от чудовища, бросился бежать. Ноги разъезжались по гальке, снег полосовал забрало.

Он бежал по кроме берега, под ногами хрустел лед, ему показалось, что в черном иллюминаторе убежища мелькнуло чье-то лицо... Если его увидели, то успеют открыть дверь.

Люк был открыт. Павлыш захлопнул его за собой и прислонился к нему спиной, стараясь перевести дух. Теперь оставалось лишь нажать на кнопку, впустить в переходник воздух, открыть внутренний люк, рассказать обо всем и услышать ровный голос Вана: «Я же предупреждал об осторожности».

Но Павлыш не успел протянуть руку к кнопке воздуходува, как почувствовал, что люк за спиной медленно открывается.

Самым разумным в этот момент было снова закрыть люк. Потянуть за рычаг и закрыть. Но Павлыш потерял присутствие духа. Он увидел, что за край люка держится черное блестящее щупальце. И он кинулся вперед, чтобы открыть внутренний люк и спрятаться в убежище. Он знал, что внутренний люк не откроется, пока пере-

ходник не наполнится воздухом, но надеялся на то, что внутри уже знают, что происходит, и потому отключат автоматику.

Люк не поддался. В переходнике стало темнее. Черепаха заполнила собой внешний люк. Павлыш обернулся, прижался спиной к внутреннему люку и поднял руки перед грудью, хотя понимал, что щупальца черепахи куда сильнее его рук. Дело решали секунды. Поняли ли наконец там, внутри, в чем дело?

В переходнике вспыхнул свет. Павлыш увидел, что черепаха, вцепившись щупальцем в рычаг внешнего люка, запирает его. Другое щупальце концом лежало на выключателе. Оказывается, свет включила черепаха.

— Я за вами от самого гейзера гнался, — сказала черепаха. — Вы что, не видели? Или, может, испугались?

Воздух с шуршанием заполнял переходник. Голос черепахи исходил из-под полушария на ее панцире.

— А на улице я кричать не могу, — пояснила черепаха, — у меня говорилка маломощная. А вы здесь новенький?

Внутренний люк пошел в сторону. Павлыш не удержал равновесия, и черепаха поддержала его щупальцем.

— Ну и гнали же вы, — сказал Ван, не скрывая злорадства, — ну и мчались. Местные формы жизни устрашающе действуют на отважный Дальний флот.

— Не бежал, а планомерно отступал, — сказал Пфлюг. Он был в фартуке. Над кастрюлями поднимался аппетитный дымок. На столе были расставлены тарелки. — Ты будешь ужинать с нами, Нильс?

Биоформ-черепаха ответил глухим механическим голосом:

— Не издевайся, Ганс. Ты что, не догадываешься, как мне иногда хочется нажраться? Или хотя бы сесть по-человечески за стол. Удивительное дело: организму это не требуется, а мозг все помнит, даже вкус черешни

или березового сока. Ты когда-нибудь пил березовый сок?

— Разве в Норвегии есть березы? — удивился Иерихонский.

— В Норвегии много чего есть, в том числе березы, — ответил биоформ. Он протянул Павлышу длинное шупальце, дотронулся до руки и добавил: — Считайте, что мы знакомы. Нильс Христаиансон. Я не хотел вас испугать.

— У меня дрожат колени, — сказал Павлыш.

— У меня тоже бы дрожали. Я виноват, что не рассказал о Нильсе, — сказал Иерихонский. — Когда живешь здесь месяц за месяцем, настолько привыкаешь к обыденности биоформов и вообще всего, что нас окружает... Тем более что я сильно осерчал на тебя, Нильс. Ты зачем гонял диагноста? Беспокоишься о здоровье? Что тебе стоило вызвать меня со Станции? Я бы немедленно прилетел. Кстати, Димов тоже тобой недоволен. Ты уже три дня не выходил на связь.

— Я сидел в кратере вулкана, — сказал Нильс, — только час назад вернулся. А пользовался диагностом, потому что приходилось испытывать себя при больших температурах. Я тебе все потом расскажу. А теперь вы мне скажите: что нового? Письма с Земли были?

— Письмо у меня, — сказал Пфлюг. — Кончу с обедом, дам.

— Хорошо. А я пока воспользуюсь рацией, — сказал биоформ и быстро подкатился к рации в углу. — Мне нужно поговорить с Димовым и сейсмологами. На Станции сейчас кто из сейсмологов?

— Все там, — сказал Ван. — А что? Будет землетрясение?

— Катастрофическое. Вообще-то весь этот остров может взлететь на воздух. Нет, не сегодня, напряжения еще терпимые. Мне нужно сверить кое-какие цифры с сейсмологами.

Нильс включил передатчик. Он вызвал Димова, потом сейсмологов. Он сыпал цифрами и формулами, словно они лежали у него в мозгу слоями, аккуратно связанные бечевкой, и Павлыш подумал, как быстро исчезает страх. Вот он уже сам для себя сказал: «Нильс включил передатчик». А еще пятнадцать минут назад он мчался со всех ног от этого Нильса, чтобы Нильс его не съел.

— Драч был на него похож. И Грунин тоже. Вы помните, Димов вам рассказывал? — сказал тихо Иерихонский.

— На рассвете придет флаер с сейсмологом, — сказал Нильс, отключая рацию. — Димов просил предупредить подводников.

— Ты можешь их запеленговать? — спросил Ван Иерихонского.

— Нет. Сандра никогда с собой рацию не берет. Ей она, видите ли, мешает. — Иерихонский был встревожен.

— А вы где живете, Нильс? — спросил Павлыш у биоформа.

— Мне нигде не нужно жить, — ответил тот. — Я не сплю. И почти не ем. Я хожу. Работаю. Иногда прихожу сюда, если соскучусь. Завтра, наверное, съезжу с вами на Станцию.

Они быстро поужинали, затем устроились на матах в заднем отсеке убежища. Нильс тоже остался в убежище снаружи у рации. Он читал. Уходя спать, Павлыш взглянул на него. Метровое полушарие, исцарапанное, изъеденное жарой и кислотами, избитое камнями, подкатилось к стене, прижало к ней щупальцами раскрытую книгу и время от времени переворачивало страницы третьим щупальцем, выскакивающим молнией из панциря и исчезающим в нем.

В спальном отсеке было полутемно. Посапывал Пфлюг. Иерихонский спал спокойно, сложив руки

на животе. Ван подвинулся, освобождая место Павлышу.

— Спать пора, — сказал из-за загородки Нильс.

— Ты стал заботиться о нашем режиме? — спросил Ван.

— Нет, — сказал Нильс, — мне просто приятно, что я могу кому-то что-то сказать. И не формулы или наблюдения, а что-нибудь будничное. Например: Маша, передай компот. Или: Ван, спи, завтра рано вставать.

Павлыш промаялся еще несколько минут, потом спросил у Вана:

— А Марина Ким далеко отсюда?

Ван не ответил. Наверное, заснул.

Павлыш проснулся от подземного толчка. Остальные уже встали. Пфлюг гремел банками, собирался на охоту.

— Павлыш, ты проснулся? — спросил Иерихонский.

— Иду.

Из-за перегородки тянуло пахучим кофе.

— Умойся в тазу, — сказал Иерихонский.

Таз стоял у окна, выходившего к морю. Вода в тазу была холодная. Берег странно преобразился за ночь. Он был покрыт снегом, залив замерз до самых рифов, о которые бились волны, а по пологому снега, укрывшему ледяной панцирь залива, тянулись черные нитки трещин. Вдоль берега по снегу брел Нильс, оставляя за собой странный след, словно по целине проехала телега.

Позавтракав, Павлыш оделся и вышел наружу. Солнце выбралось из-за туч, и снег начал таять. Над черным, покрытым грязью склоном поднимался легкий пар. Снег похрустывал под подошвами.

Пфлюг сидел на корточках, что-то выковыривая ножом из снега.

— Сегодня мы с вами сделаем по крайней мере три

великих открытия, — сказал он Павлышу. Голос в шлемофоне звучал восторженно.

— Почему только три? — спросил Павлыш.

— Я сюда приезжаю восьмой раз и каждый раз захожу по три незнакомых науке семейства. Разве это не великолепно?

Черной точкой обозначился на небе флаер. Солнце припекало, и Павлыш уменьшил температуру обогрева. Белое облако медленно ползло по небу, и флаер поднырнул под него, спускаясь к убежищу.

Прилетел Димов с сейсмологом Гогией.

— Где Нильс? — спросил он Павлыша, поздоровавшись.

— Наверное, полез в кратер.

— Плохие новости, — сказал Гогия. Он был молод, худ и легко краснел. — Нильс был прав. Напряжение в коре растет быстрее, чем мы считали. Эпицентр километрах в ста отсюда. Станцию не затронет.

Гогия показал в сторону солнца. Океан был спокоен, в заливе образовалась полынья, над ней поднимался пар.

— Я попробую связаться с Нильсом. — Гогия пошел в убежище.

Димов с Павлышем последовали за ним.

— Кто мог предположить, — сказал Иерихонский, увидев Димова, — что вы устроите землетрясение именно сегодня?

Он держал в руке чашку с кофе, от которой поднимался пар, как от гейзера.

— Передайте мне чашку, пожалуйста, — сказал Димов. — Ведь вы варили кофе для гостей, не так ли?

Димов выпил кофе залпом, обжегся, несколько секунд сидел, потеряв дыхание. Наконец отдышался и сказал:

— Вот сейчас бы я погиб, и все вздохнули бы с облегчением.

— Мы бы не дали вам погибнуть, — возразил Пав-

лыш. — Я реаниматор. В крайнем случае заморозили бы вас до Земли.

Гогия отправился на гору и обещал вернуться через час. Димов вышел на связь со Станцией, отдавая повседневные распоряжения, которые не успел отдать, потому что очень рано вылетел оттуда. Иерихонский вновь углубился в изучение лент диагноста. Ван разбирал какой-то прибор. Действия людей, оставшихся в убежище, были будничны, но с каждой минутой под куполом росло напряжение, невысказанное, но ощущавшееся даже Павлышем. Подводники должны были приплыть уже час назад, но их все еще не было...

Второй толчок землетрясения раздался примерно через час после прилета Димова. Ван, дежуривший у радиации, сказал Димову:

— Нильс передает, что увеличилось выделение газов. Эскалация выше расчетной.

— Может, нам эвакуировать убежище? — сказал Иерихонский. — И здесь остались бы только мы с Нильсом.

— Чепуха, — сказал Димов. — Ван, спроси сейсмологов, каковы перспективы для острова.

Земля под ногами мелко вздрагивала, будто кто просился наружу из запертого подвала.

— Если здесь будет извержение, поток должен пойти в другую сторону. Хотя, конечно, гарантировать ничего нельзя.

Вернулся Гогия с пленками, снятыми с самописцев.

— С ума сойти! — сказал он, не скрывая восторга. — Мы свидетели катаклизма настоящего масштаба. Какой сброс! Вы не представляете, что творится в океане!

Димов неодобрительно нахмурился.

— Простите, — сказал он Павлышу, — следовало

бы дать вам возможность вернуться на Станцию. Здесь может быть опасно. Но мы ограничены в средствах транспорта.

Павлыш даже не успел оскорбиться. Димов и не смотрел на него.

— Ван, — продолжал Димов так же буднично, — немедленно вызывайте Вершину, пускай летят сюда.

— Зачем? — не сразу понял Ван.

— Искать. Будем их искать. Здесь глубины небольшие.

— Не выношу безделья, — сказал Иерихонский. — Я пойду на катере им навстречу.

— Катер поведет Ван, — сказал Димов. — Иерихонский пойдет с ним. Вы, Павлыш, останьтесь у рации и, если нужно, вылетите на флаере.

Павлыш подошел к рации и встал за спиной у Вана. Ван сказал поднимаясь:

— Все позывные тут. Рация стандартна. Знакомы?

— Проходили.

Ван понизил голос и сказал на ухо Павлышу:

— Не спорьте с Димовым. Он сейчас — сплошные нервы. Катаклизм на носу. Иерихонский в истерике, а подводники ищут жемчуг в Синем гроте, не зная, что их ждет, когда они сюда явятся.

— Вы уверены, что тревога ложная?

— Иные варианты слишком опасны, — ответил лаконично Ван. Он взял свой комбинезон и маску.

За окном мелькнуло что-то белое, будто там махнули простыней.

— Эй, — сказал Ван, выглянув наружу, — на ловца и зверь бежит. Это же Алан!

— Где? — спросил Димов.

— Сам прилетел. Теперь вот доказывайте, что телепатии не существует.

Окно было прямо перед Павлышем. По черному, мокрому от растаявшего снега берегу медленно брела

громадная белая птица. Такая же, как та, что Павлыш видел в день прилета.

Иерихонский уже был одет, он открывал люк. Димов тоже натянул маску.

— Павлыш, оставайтесь здесь. Не уходите от рации. Если что срочное, позовите меня. Я пошел поговорить с Аланом.

Со Станции сообщили, что флаер вылетел на поиски подводников. Спрашивали, что нового в убежище. Павлыш ответил, что пока ничего.

За окном Димов разговаривал с птицей. Птица еле доставала ему до пояса, но ее крылья, даже сложенные, тянулись метра на три, и концы их опирались на широкий хвост. У птицы была небольшая голова с коротким клювом и неподвижные голубые глаза.

Еще один толчок заставил зазвенеть неубранную посуду.

Подключился Нильс.

— Слушай, Ван, — сказал он своим тихим механическим голосом, — где расположен этот Синий грот?

— Ван ушел на катере. Наверное, туда. А я точно не знаю, где этот грот.

— А, это Павлыш? Тогда запиши точные параметры эпицентра.

За окном Димов кутался в куртку. Ему было очень холодно. Птица, покачиваясь, неловко взбежала на длинную, выдающуюся над заливом плиту и расправила крылья. Тут же она превратилась в шестиметровый парус и не успела добежать до края плиты, как встречный ветер поднял ее в воздух, и, чтобы не потерять равновесия, Алан мощно взмахнул крыльями и начал набирать высоту.

Димов возился в переходнике, потом открыл люк, впустив клуб пара. Он старался унять дрожь.

— Думал, помру, — сказал он. — Молодец Алан.

— Почему? — спросил Павлыш.

— Ему не понравились волны в том секторе. У него своя теория — графическая. Характер и место приближающегося землетрясения он рассчитывает по рисунку волн. Ему хорошо — сверху все видно. С сейсмологами он из-за этого жутко спорит. Считает, что его теория — панацея от всех бед, а они полагают, что она сродни гаданию на кофейной гуще. Наверное, они правы, они специалисты... Меня кто-нибудь вызывал?

— Нильс просил передать вам данные по прогнозу.

— Давайте... нет, что за молодец Алан! Прилетел именно сюда. А знаете, Павлыш, я больше верю птицам, чем нашему катеру. Если бы Алан не прилетел, пришлось бы вас на флаере посылать.

— Говорит Вершина. Вершина вызывает убежище, — включился приемник. — Кто на связи?

— Убежище слушает, — ответил Павлыш.

Димов подошел поближе.

— Говорит Сен-Венан. Мы вылетаем.

— Добро, — сказал Димов. — Не забудьте передатчик. Понимаете, — Димов обернулся к Павлышу, — наши передатчики хороши для геологов и других наземных жителей. Приторочил к груди и топай. А биоформам они неудобны. При любом подходящем случае они стараются от них избавиться. А в самом деле, на что летающему биоформу лишних триста граммов веса? Для него каждый грамм лишний.

В убежище вернулся Пфлюг. Он долго возился в переходнике, вздыхал, гремел банками, потом с трудом протиснулся в люк.

— Удивительный день, — сказал он, расставляя на столе свое хозяйство. — Три нормы, три нормы по крайней мере. Редчайшие экземпляры сами лезут на берег.

Он заметил, что Павлыш сидит за рацией, и сказал:

— Я видел, как уходил катер. Только не успел спросить. Что, подводники еще не приплыли?

— На всякий случай подготовьте медпункт, — сказал Димов.

— Наверное, лучше это сделаю я, — сказал Павлыш, — а вы пока подежурьте у рации.

— Во-первых, Пфлюг никуда не годный радист, — возразил Димов. — Во-вторых, вы, Павлыш, подозреваю, никуда не годный ветеринар. Вы забываете, что биологически наши друзья и коллеги не относятся к антропоидам.

— Да, — сказал Пфлюг, — правильно, как это ни печально. Но я уверен, что ничего плохого не случится.

Он открыл ящик в углу у перегородки, стал перебирать блестящие инструменты и лекарства, поглядывая при этом на банки со своими трофеями.

Поступили сообщения с флаера, который вылетел со Станции. Флаер прошел уже пятьдесят километров. Ничего в океане пока не замечено.

В окно Павлышу было видно, как со склона горы бежит Гогия. За ним, нагруженный контрольными приборами, следовал Нильс.

— Что там на катере? — спросил Димов.

Павлыш вызвал катер.

— Все время подаем сигналы, — сказал Ван. — Пока ответа нет. А у вас что нового?

— Ничего.

— Убежище! — наложил на эти слова ровный высокий голос одной из птиц. Павлыш еще не научился различать голоса биоформов. Видно, насадки у всех были однотипными. — Убежище! Вижу Сандру!

— Где? — спросил Павлыш.

— Юго-юго-запад от Косой горы. Тридцать миль. Вы меня слышите?

— А что она? — крикнул Иерихонский. — Что с ней?

— Она держится на воде, но меня не замечает.

— Катер, сообщите ваш квадрат, — сказал Димов.

— 13-778, — сказал Ван. — Северо-запад от острова. Димов включил экран-карту.

— Семьдесят пять миль, — сказал он. — Даже если точно выйдете в квадрат, вам понадобится полчаса.

— До связи. — Ван отключился.

— Полчаса, — тихо повторил Димов. И тут же вызвал птиц: — Вы сможете оказать ей помощь?

— Нет, — ответил голос. — Я здесь одна. Мне ее не поднять. Она, по-моему, без сознания.

Павлыш быстро натягивал комбинезон.

— Где маска?

— Возьми мою, — сказал Пфлюг, — вон моя лежит. Димов увидел, что Павлыш почти одет.

— Ты знаешь этот флаер?

— Еще бы.

— Я с ним, — сказал сейсмолог Гогия. — Хорошо, что я не успел раздеться.

Димов повторил:

— Тридцать миль к юго-юго-западу. — Потом повернулся к микрофону. — Через две минуты к вам вылетает флаер. Будет минут через десять. А катер не успеет раньше, чем через полчаса.

Когда Павлыш закрыл за собой внешний люк, он успел поразиться тому, как изменилось освещение. Солнце было затянуто красноватой дымкой, и черная гора подсвечена сзади, словно там таился театральный прожектор.

Сейсмолог первым легко вскочил во флаер. Павлыш поднял ногу, чтобы последовать за ним, но тут дверь в убежище открылась, вылетел Пфлюг, не успевший ни одеться, ни натянуть маску. Он открыл рот, пытаясь вдохнуть воздух, и кинул в их сторону маленький медицинский контейнер.

— Теперь держитесь, — сказал Павлыш, садясь за пульт и глядя через боковое стекло, как Димов помогает Пфлюгу забраться обратно в убежище. — Когда будете

рассказывать внукам о сегодняшнем дне, не забудьте упомянуть, что вел машину экс-чемпион Москвы по высшему флаерному пилотажу.

— Не забуду, — ответил сейсмолог, вцепляясь в кресло.

Павлыш вышел из виража и пошел на максимальной скорости так, чтобы оставить по левую руку столб розового и бурого дыма, вставший над дальней от убежища стороной острова.

Через семь минут они увидели одинокую белую птицу, ходившую кругами метрах в двухстах над волнами.

Птица, заметив флаер, взмыла выше и замерла в воздухе, словно показывая точку, в которой находилась Сандра. Павлыш бросил флаер вниз и завис метрах в десяти над верхушками волн. Но даже с этой высоты он не сразу разглядел Сандру — ее тело терялось среди брызг, которые ветер срывал с верхушек волн.

— Видите? — спросил сейсмолог, выглядывая наружу.

Ветер сносил флаер, пришлось включить двигатель и маневрировать, чтобы не потерять Сандру из виду. Павлыш выпустил лестницу. Она мягко развернулась и ушла в воду в метре от Сандры.

— Что у тебя, Павлыш. Почему молчишь? — заговорила рация.

— Некогда. Мы ее нашли и будем поднимать.

Птица пролетела совсем рядом с кабиной. На груди у нее была видна черная овальная коробка передатчика. Птица поднялась чуть выше, и ее тень время от времени закрывала от Павлыша солнце.

Сейсмолог, захватив моток троса, спускался к воде, и Павлыш все внимание сосредоточил на том, чтобы не дать ветру снести флаер в сторону. Сандра, раскинув руки, покачивалась на волнах, словно в люльке, и казалось, что ее движения осмысленны.

Гогня вцепился одной рукой в лестницу, другой ста-

рался подвести под Сандру петлю. Это ему не удавалось. Павлыш пожалел, что не может оставить управление. Он сделал бы все проще и быстрее. Видно, Гогия никогда не занимался альпинизмом. Трос снова сорвался, сейсмологу не хватало руки, чтобы завести его за плечи Сандры. Павлышу показалось, что волны отчаяния, охватившего сейсмолога, достигают кабины флаера.

И в этот момент птица-биоформ решила на рискованный шаг. Она мягко и быстро спланировала против ветра и, улучив момент, когда Сандра скользила по внешней стороне волны и ее тело выступило наружу, схватила клювом петлю троса и мгновенно завела ее за плечи Сандры.

— Тяни! — кричал Павлыш сейсмологу.

Тот с трудом удерживал равновесие на лестнице, но сразу потянул, петля скользнула ниже и охватила Сандру за локти. Птица с трудом умудрилась ускользнуть от следующей волны. Когда она пролетала перед флаером, Павлыш заметил, что передатчик она все же сбросила. Павлыш поднял вверх большой палец, и птица резко пошла в небо.

Вдвоем с Гогией они втянули Сандру в кабину. Прошло двадцать минут с отлета.

Динамик надрывался, требовал сведений, спрашивал, что происходит.

— Говорит Павлыш, — включил он передатчик. — Сандру мы подняли на флаер. Она без сознания.

— Слушай, — сказал Димов, — Сандру не трогайте. Наденьте ей кислородную маску и накройте ее чем-нибудь теплым.

Сейсмолог достал запасную маску и баллон. Глаза Сандры были закрыты, лицо казалось голубым. Сейсмолог убрал с лица Сандры мокрые волосы и стал прилаживать кислородную маску. Его руки чуть дрожали. Павлыш шел к убежищу на бреющем полете. Впереди

как маяк поднимался столб дыма. Птица летела сверху, почти не отставая от флаера. Рация была включена, и Павлыш слышал, как Димов приказывает катеру оставаться в том районе и к острову не возвращаться.

Пфлюг ждал их на самом берегу залива. Закутанную Сандру осторожно вынесли из флаера и бегом перенесли к куполу. Люк был открыт, и через минуту Сандра уже лежала на столе. Димов ждал их в хирургическом халате и перчатках. Диагност был включен, и его щупы чуть дрожали, покачиваясь над столом.

— Будете мне ассистировать, — сказал Димов Павлышу.

У рации стоял Нильс.

— Все в порядке, — говорил он, — не волнуйся, Эрик. Ты же знаешь, если Димов сказал...

Сандра спала. Дыхание ее стало ровнее. Лицо покраснело, капельки пота блестели на висках.

— Что с ней случилось? — спросил Павлыш.

— Сработала предохранительная система. Если организм работает на пределе и создается опасность для жизни, она впадает в состояние, похожее на летаргический сон. Пока мы можем только предполагать, что подводники попали в землетрясение на глубине. Сандра смогла вырваться наружу, хоть и была ранена. У нее сломаны три ребра, обширное внутреннее кровоизлияние. Она плыла к базе, но ее силы иссякли. Значит, ей оставалось лишь подняться на поверхность. Утонуть Сандра не могла: когда она на жаберном дыхании, легкие служат как воздушный пузырь. Метаболизм замедлился в несколько раз. Как только она потеряла сознание, ее вынесло на поверхность океана.

Сандра очнулась сразу, боли она не чувствовала.

— Димов, — сказала она с трудом, — ребят заваляло...

— Спокойно, не волнуйся, девочка, — сказал Димов.

— Мы были в Синем гроте... начало трясти... Я была в стороне... Стас сказал, что ранен... Прости, Димов. Эрик знает?

Павлыш протянул Димову шарик-ампулу. Димов положил ее к руке Сандры, и жидкость вошла в кожу.

— Ты можешь дать координаты?

— Да, конечно, я спешила... меня, наверное, отнесло в сторону... двадцать миль к юго-западу от острова, группа рифов, два поднимаются над поверхностью...

— Знаю, — сказал Пфлюг, — месяц назад мы с Ваном туда летали.

Сандра уснула.

— Нильс, вызови Вана. Он должен помнить об этих скалах.

Но сначала в динамике возник голос Иерихонского:

— Как Сандра?

— Сандра спит, — ответил Нильс. — Чего ты беспокоишься? Димов сказал, что все в порядке, а ты успокойся...

Купол содрогнулся, земля на мгновение ушла из-под ног, и днагност откатился от стола, натянув провода и шупы. Сандра застонала. Димов кинулся к столу, возвращая днагност на место и прикрывая телом Сандру, будто опасался, что сверху посыплются камни.

— Что? Что там у вас? — крикнул Иерихонский тонким голосом.

— Ничего особенного, землетрясение продолжается, — сказал Нильс. — Где Ван?

Иерихонский, передавая микрофон Вану, сказал:

— Они не представляют, каково мне здесь, когда ничего не можешь поделать.

И его голос пропал, растворился в тишине купола.

— Ван, — произнес Нильс, — ты знаешь две скалы в двадцати милях к юго-западу от убежища?

— Что-то не припомню. Мы примерно в этом квадрате. Но не помню. На карте их нет?

— Мы же месяц назад туда с тобой летали! — сказал Пфлюг.

— Прости, Ганс, — спокойно ответил Ван. — Месяц назад мы с тобой летали к северу от Станции. Ты собирал свои ракушки.

— Но приблизительно ты ту точку представляешь? — спросил Нильс.

— Двадцать миль?.. В пределах десяти миль от нас. Я подниму катер повыше, они должны быть на локаторе... Может, кто из птиц знает?

— Вызови птиц, — сказал Димов. Он освобождал Сандру от приборов.

— Зачем их вызывать, — сказал Нильс, — птицы здесь.

— Они здесь, — подтвердил Павлыш. — Один биоформ со мной прилетел. Тот, который Сандру нашел. А рацию он выкинул.

— Павлыш, вы сейчас свободны? Выйдите наружу, спросите у них про скалы.

Павлыш натянул маску.

Все три птицы сидели на большой плоской скале неподалеку от купола и тихо переговаривались, поворачивая изящные головы. Над ними поднималась черная кривая гора, окутанная дымом и окаймленная оранжевым сиянием. Давно Павлышу не приходилось видеть такого сказочного зрелища. Похоже было на скандинавскую сагу — громадные белые птицы, вулкан и голый холодный берег.

Увидев Павлыша, птицы поспешили навстречу.

— Как Сандра? — спросила одна из них.

— Сандра пришла в сознание, — сказал Павлыш, — и сообщила Димову, что подводников завалило в каком-то гроте в двадцати милях отсюда к юго-западу. Там должны быть скалы. Две из них поднимаются над водой. Но Ван таких скал не помнит.

— Там нет скал, — сказала вторая птица. — Мы этот

район весь облетали. Ты не видел там скал, Сен-Венан?

— Нет, Алан, — ответила вторая птица. — Никогда не видел.

Алан обернулся ко второй птице.

— А ты?

Третья птица сказала:

— По-моему, я видела там два рифа. Они появляются только в отлив. Самые верхушки между волн.

— Спасибо, Марина, — сказал Алан.

— Маринна? — повторил Павлыш. — Марина?

Но птица резко взмахнула крыльями и взмыла вверх в дымовой туче.

— Марина Ким? — спросил Павлыш у Алана.

— Да. Так что же вы теряете время?

Три белые птицы летели впереди флаера, чуть выше его. От обилия вулканического пепла воздух стал красноватым, зловещим, и крылья птиц отсвечивали пожаром.

Одна из птиц была Золушкой, которая переменяла обличье и не хотела, чтобы Павлыш об этом узнал...

— Кто пойдет с аквалангом? — спросил Нильс. Он занимал середину кабины, а остальные сидели вокруг, словно окружали громадный праздничный пирог. Нильс отмел все возражения Димова, который опасался, что ему будет трудно работать под водой:

— Вы без меня вряд ли сможете разобрать завал и пробиться вглубь. Вы будете взрывать скалы? Вы будете их разбирать голыми руками? Или будете ждать, пока с диспетчерской планетоида вам перекинут подводного робота?

— У нас есть свой. Его можно смонтировать, если нужно, за несколько часов.

— Вот именно. Несколько часов. И привезти его туда на катере. И он в результате примется за работу, когда будет уже поздно.

— Ты прав, Нильс, — согласился Димов.

— А Марина давно на станции? — спросил Павлыш через минуту.

— Она новенькая, — сказал Димов. — Месяц как в небе.

Внизу показался катер.

Катер рубил волны, выставив над ними голову-рубку.

Павлыш сказал Вану по радиации:

— Поднимись в воздух и иди над водой на самом малом ходу.

— Зачем?

— Я сяду к тебе на палубу.

— Вряд ли это возможно.

— Другого выхода нет.

Птицы летели высоко, казались белыми точками под пурпурным потолком облаков. Потом пошли вниз и в сторону.

— Павлыш, — сообщил Алан, — две скалы над самой водой в полутора километрах от тебя. Мы идем вниз. Смотри.

— Хорошо, — ответил Павлыш. Он смотрел, как катер, расплескивая пену, выходит из воды. Он стал постепенно снижаться, чтобы уравнивать свой ход со скоростью катера.

— Ровнее иди, — сказал он Вану.

— Как по ниточке, — ответил Ван.

— Держитесь!

Флаер опустил на палубу катера за рубкой. Палуба была мокрой и покатою с боков. Павлыш выпустил страховочные ноги флаера, и рубчатые присоски сжали бока катера.

— Некоторое время удержусь, — сказал Павлыш. — Откройте нижний люк.

Нильс прыгнул на палубу первым и, аккуратно переставляя конечности, пошел к рубке. Щупальца свисали по бокам панциря — ими Нильс подстраховывался.

Он не умел плавать и пошел бы на дно камнем. А глубина здесь немалая. Катер с сидевшим на нем, словно всадник, флаером не спеша летел над волнами.

Павлыш поднял голову, разыскивая птиц. Но не увидел их.

Гогня замер у люка, не зная, что делать дальше. Пассажиры по очереди скрылись в рубке. Павлыш спросил Вана:

— Все благополучно?

— Да.

— Дай мне Димова.

— Я слушаю тебя, Слава.

— Я хотел бы пойти вниз с Нильсом. Я хороший ныряльщик, сильнее многих. Могу пригодиться.

— Нет, — сказал Димов, — оставайся где ты есть. Может получиться, что ты будешь нужнее как пилот, чем как ныряльщик.

Павлыш включил двигатель. Флаер, присев от напряжения, оторвал ноги от покато́й спины катера и резко взмыл вверх. Катер шлепнулся на волны и запрыгал как камень, полого брошенный с берега, затем скрылся под водой.

Поднявшись на сто метров, Павлыш разглядел белые буруны, в центре которых черными точками торчали вершины скал.

Павлыш вызвал Алана. Рация была только у него.

— Скажи спасибо Марине. Она вывела нас точно к месту.

Ему хотелось лишний раз повторить это имя. Он вдруг понял, что никакого шока, ужаса, отвращения, боли — ничего подобного не испытывает. То ли был подготовлен к такому повороту событий за последние сутки, то ли прав все же Димов: биоформ остается человеком, только экзотически одетым. Марину было жалко. Полгода назад... полгода назад она уже начала биоформирование. И почему-то ей надо было обязательно увидеть

того человека на Луне, того капитана, который не захотел ее увидеть. Может быть, тот капитан предпочел отказаться от Золушки в хижине. Понятно, что она считала себя преступницей. Сбежала из института... ее вообще могли снять с эксперимента.

Павлыш услышал голос Димова:

— Они здесь, под осыпью.

— Вот видишь, — сказал Гогия, — я в этом не сомневался.

— Слушай, Павлыш, — сказал Димов, — мы сейчас на глубине сорока двух метров. Ван остается в катере. Мы с Нильсом выходим к оползню. Иерихонский будет страховать нас снаружи. На всякий случай включи запись, регистрируй все наши движения.

— Ясно, — сказал Павлыш, — включаю запись.

— Мы выходим.

— Далеко им идти до завала? — спросил Павлыш Вана.

— Нет, я их отлично вижу.

Павлыш представил себе эту сцену. Катер завис у самого дна над камнями, среди обломков кораллов и перепутанных водорослей. Рядом с катером в нескольких шагах Иерихонский. Луч его шлемового фонаря высвечивает сутулого Димова в облегающем оранжевом скафандре и уверенно шагающую впереди черепашу.

— Мы дошли до осыпи, — сказал Димов, — Нильс ищет вход. Здесь должна быть трещина, сквозь которую выбралась Сандра.

Наступила длинная пауза.

Павлыш связался с островом. Там все было по-прежнему. Сандра спала. Пфлюг сказал, что положение в кратере стабилизировалось. Идет вязкая лава. Если скорость истечения сохранится прежней, то к утру площадь острова значительно увеличится. Лет через сколько-то можно будет сажать здесь цитрусовые.

Гогия оторвался от своих приборов, сел рядом с Павлышем.

— Все-таки я не завидую Иерихонскому, — сказал он. — Любить женщину, которая, в сущности, наполовину рыба...

— Но она всегда может вернуться в прежнее состояние.

— Трудно. Она же не совсем биоформ. Подводников готовили еще до Геворкяна. К тому же она и не захочет. Сандре нравится ее жизнь. Она помешана на океане. Когда-нибудь вам наверняка расскажут их историю. Очень романтично. Они познакомились, когда Сандра уже работала на Наири. Она прилетела как-то к нам в Тбилиси на конференцию, там встретила Иерихонского... ну и представляете... Он, когда все узнал, пытался ее отговорить. Безрезультатно. Так что же вы думаете: в результате он сам перешел работать на Проект, чтобы быть рядом.

Гогия вздохнул.

— А вы могли бы полюбить подводницу? — спросил Павлыш.

— Откуда мне знать, если у меня в Кутаиси молодая жена живет? Самая обыкновенная жена. Очень красивая. Я вам в Лаборатории фото покажу. Письмо прислала — три килограмма.

— Ну а вот... — Павлыш показал на реявших в небе птиц.

— Это совсем другое дело, — сказал Гогия. — У Алана у самого дочка в нашем институте работает. Это временно. Это как маска. Пришел домой, снял маску и живи.

— Ага, — раздался голос Димова, — есть щель!

Павлыш держал рацию на приеме, отключив передачу, чтобы его разговор с Гогией не мешал остальным.

— Да что там говорить, — продолжал Гогия, — вы у Вана были?

— Меня там поселили.

— Правильно. Большая комната. Светлая. Там на стене портрет Марины Ким висит. Не заметили?

Гогия не смотрел на Павлыша и не заметил, как тот покраснел.

— Мы с Нильсом отвалили камень, — сказал Димов. — Есть ход. Очень узкий. В глубине еще завал.

— Ну и что? — спросил Павлыш у Гогии. — Вы сказали, что у Вана висит портрет Марины Ким.

— Да. Он в нее смертельно влюблен. Он знал ее еще на Земле, когда она стажировалась в институте. Меня тогда в институте не было, я только здесь к ним присоединился. А тут еще у Марины начались неприятности...

— Есть! — сказал Димов. — Пошел камень! Осторожнее!

Павлыш замер.

«Раз, — считал он про себя, — два, три, четыре, пять...»

Димов громко вздохнул.

— Ну и силища у тебя, Нильс... Он такую глыбу удержал, просто уму непостижимо.

На связь вышла Станция. Спрашивали, высылать ли второй флаер.

Павлыш велел ждать, пока смонтируют подводного робота. Может, придется его доставлять сюда.

— Правильно, — сказал Гогия. Потом продолжал свой рассказ: — Я деталей не знаю. Только все дело в ее отце. Он жуткий педант. Он запретил Марине идти к нам в институт. Сказал, что не захочет ее больше видеть... В общем, боялся за нее, пробовал воздействовать, но на Марину очень трудно воздействовать. Когда она все-таки не подчинилась, он как человек слова сказал, что больше ее не увидит. Правильно сказал. Отец всегда отец. Надо уважать.

— Трещина открыта, — сказал Димов, — я остаюсь пока здесь. Нильс попытается до них добраться.

— Дальше, — сказал Павлыш.

— Вам, наверное, неинтересно.

— Ничего, все равно ждем.

— Ван помог Марине убежать из института на один день.

— На Луну? — вырвалось у Павлыша.

— А как вы догадались?

— Это было полгода назад?

— Да, как раз полгода. Она уже прошла курс подготовки, с нее сняли биокопии и начали обработку терапевтическими средствами, чтобы понизить сопротивляемость организма. Не могла она убежать. Не имела права. На месте Геворкяна я бы ее обязательно уволил. А она полетела на Луну. Оттуда должен был стартовать ее отец. Он капитан «Аристотеля».

— Нильс? Это ты, Нильс? — слышался голос Вана.

— Он передает, что нашел их, — сказал Димов, — нашел.

— В каком они состоянии?

— Не знаю, — сказал Димов, — ждите.

— Ну и чем все кончилось? — спросил Павлыш.

— А? Мы о Марине? Ничем. Простили. Ван всю вину взял на себя, Марина всю вину взяла на себя, Димов всю вину взял на себя, Геворкян посмотрел на них, старый человек, мягкий стал... и простил. Романтическая история. Только отец не простил. Улетел, понимаешь? Но простит. Куда денется...

— На какой они глубине? — спросил Павлыш у Вана, включив передачу.

— На двадцать метров ниже меня, — ответил Ван.

На катере заполнили водой грузовой отсек, поместили в него биоформов-акул и пошли к Станции.

Павлыш тем временем вернулся к острову, чтобы эвакуировать оттуда Сандру и Пфлюга и вывезти оборудование. Поток лавы изменил направление и угрожал заливу и убежищу. Сандра все еще не просыпалась.

Пока Пфлюг с Гогией устраивали в кабине Сандру, Павлыш возвратился в убежище. Он вытащил приборы, отключил питание рации, заdraил люк. Теперь убежище будет пустовать до тех пор, пока природа не утихнет. Гогия выскочил из флаера, взял один из ящиков, побежал обратно. Оставался еще один контейнер — такой тяжелый, что унести его можно было только вдвоем. Павлыш присел на край ящика, дожидаясь, пока кто-нибудь вернется помочь ему.

Все вокруг изменилось. Сутки назад залив был мирным, тихим уголком, даже волны не добирались до берега. Теперь низко над островом висели облака пепла, то и дело сыпал крупный мутный дождь. Вулканчик на склоне горы плевался грязью, поток лавы с вершины, дымясь, достиг уже залива и образовал язык полуострова. Струи пара вырывались сквозь трещины на склоне. Через них пробивались зловещие отблески оранжевых сполохов над вершиной горы.

Одна из птиц вернулась к острову вслед за флаером и кружила над головой.

Павлыш помахал ей рукой. На птице не было рации, и он не мог спросить, кто это.

Грязевой вулкан вдруг выбросил высоко в небо струю жижи, словно хотел сбить птицу на лету, и та, сложив крылья, пошла в сторону.

Гогия сказал:

— Давай возьмем контейнер.

Павлыш встал, наклонился, подхватил контейнер, и

они потащили его к флаеру. Земля под ногами мелко дрожала.

— У меня такое впечатление, — сказал Гогия, — что остров в любой момент может взлететь на воздух.

— Не беспокойся, — сказал Павлыш, — должны успеть.

— Алан на всякий случай нас пугает, — сказал Гогия, — тоже опасается.

— Это Алан? Ты как различаешь?

— Я так думаю, что это Алан. Он настоящий мужчина.

Конечно, это не Марина, подумал Павлыш. Ей же не хочется со мной встречаться. Шлем заглушал грохот вулкана. До Павлыша доносился лишь ровный, глухой, утробный гул. Но в этот момент в недрах горы зародился такой пронзительный и зловещий звук, что он проник внутрь шлема.

Человек, становящийся свидетелем катастрофы, внезапно и скорой, действует инстинктивно. И представление о том, в какой последовательности происходили события, складывается уже потом, когда все минует и на собственные впечатления накладываются рассказы очевидцев. И если Павлышу показалось, что по склону горы ударил невидимый топор и она, как деревянная колода, начала разваливаться под этим ударом, то Пфлюг, видевший все из открытого люка флаера, мысленно сравнил взрыв с театральным занавесом, раздвигающимся в стороны в момент, когда оркестр гремит последним аккордом увертюры, а сквозь расширяющуюся щель проникает со сцены яркий свет.

Наверно, Павлыш стоял неподвижно более секунды. Почему-то он даже не упал, не потерял равновесия, и мозг его успел отметить, что гора распадается слишком медленно. И тут воздушная волна подхватила его и бросила к флаеру.

Сейсмолог висел в люке и что-то кричал, но Павлыш

не слышал. Он смотрел на рушащуюся декорацию и видел, как гигантский вихрь подхватил птицу, белое перышко, бросил ее вверх, закружил и понес к воде...

— Скорее! — кричал Гогия. — Поднимайся!

Внутри горы была видна желтая раскаленная масса, мягкая и податливая. Она медленно вываливалась сквозь зубья скал.

Павлыш не мог оторвать взгляда от комка белых перьев, от пушинки, падающей в воду.

— Куда? — кричал Гогия. — Ты с ума сошел!

Павлыш бежал к воде. Птица, несомая воздушной волной, падала как лист с дерева, бессильно вращаясь в воздухе.

Она должна была упасть метрах в ста от берега, но порыв встречного ветра бросил ее ближе к суше, и Павлыш, даже не подумав, глубоко ли там, побежал, увязая в грязи, скользя и стараясь удержать равновесие, а земля, вздрагивая, уходила из-под ног.

Сначала дно понижалось полого, и грязная вода достигла коленей лишь шагов через двадцать.

Птица упала в воду. Одно крыло ее было прижато, другое белой простыней распласталось по воде. В птице была какая-то ватность, неодоушевленность. Дно уступом ушло вниз, и Павлыш провалился по пояс в воду. Каждый шаг доставался с трудом, вода в заливе бурлила и ходила водоворотами, хотя на поверхности вязкий слой пепла сковывал волнение, как пена в кастрюле закипающего супа.

Птицу медленно относило к центру залива, и Павлыш спешил, понимая, что плыть в своем комбинезоне он не сможет, и молил судьбу, чтобы дно больше не понижалось, чтобы хватило сил и времени добраться до белой простыни.

Он дотянулся до края крыла, и в этот момент его ноги потеряли дно. Не выпуская крыла и боясь в то же время, что перья могут не выдержать, Павлыш тянул

птицу к себе, все глубже уходя в воду. Неизвестно, чем бы закончилось это акробатическое упражнение, если бы Павлыш не почувствовал вдруг, что кто-то его тянет назад. Несколько секунд он продолжал удерживать неустойчивое равновесие, потом наконец преодолел инерцию, и птица легко заскользила по воде к берегу.

Не отпуская крыла, Павлыш обернулся. Гогия стоял по пояс в воде, вцепившись сзади в комбинезон Павлыша. Глаза у него были бешеные, испуганные, и он несколько раз открывал рот, прежде чем смог произнести:

— Я... вы же могли... не успеть...

Они подхватили легкое, выскальзывающее из рук тело птицы и понесли его к берегу. Голова птицы бесильно поникла, и свободной рукой Павлыш ее поддерживал. Глаза птицы были затянuty полупрозрачной пленкой.

— Ее оглушило, — сказал Павлыш.

Гогия не смотрел на него. Он глядел вперед, на берег.

Павлыш взглянул в ту сторону. Лава, выливавшаяся через расщелину в горе вязким языком, намеревалась отрезать им путь к берегу.

— Бери левее! — крикнул Павлыш.

Флаер находился по ту сторону лавового языка и казался мыльным пузырем на закате.

Им пришлось снова зайти вглубь почти по пояс, чтобы не попасть в закипающую воду, обогнуть стену пара, поднимающуюся на границе лавы и воды.

Павлыш с трудом потом мог вспомнить, как они добрались до флаера и занесли внутрь птицу — крыло никак не желало складываться и застревало в люке...

Павлыш поднял машину над островом и бросил ее в сторону моря.

— Ну все, — сказал он, — выбрались, теперь как-нибудь доплетемся до дому.

Гогия задраил люк. Пфлюг осматривал птицу.

Павлыш включил рацию.

— Сколько можно! — возмущался кто-то знакомым голосом. — Сколько можно молчать? Мы вызываем вас уже полчаса!

— Некогда было, — сказал Павлыш, — пришлось задержаться на острове. Димов вернулся?

— Они на подходе, — ответил тот же голос. — Нет, вы мне ответьте, кто вам дал право нарушать правила поддержания радиосвязи? Что за мальчишество? Кто управляет флаером? Это ты, Гогия? Я тебя отстраняю от полетов, и даже Димов не сможет тебя защитить. Стоит на два дня покинуть Станцию, и все летит кувырком!

— Это вы, Спиро? — спросил Павлыш.

— Я, а кто за рулем, я спрашиваю?

— Павлыш.

— А, вот кто! Вас в Дальнем флоте не учат, что нужно поддерживать связь с центром?

— Да погодите вы, Спиро, — сказал Павлыш устало. — Я иду сейчас на малой скорости. Ждите нас через полчаса. Подготовьте операционную.

— Стой, не отключайся! — крикнул Спиро. — Выслать тебе на помощь второй флаер?

— Зачем? Чтобы летел рядом?

— А кто пострадавший?

Павлыш обернулся к Пфлюгу.

— Что там у Алана? Наверное, надо передать.

— Это не Алан, — сказал Пфлюг, — это Марина. У нее сломано крыло. Дай-ка мне микрофон...

Вершиной на Станции назывался большой, вырубленный над основными помещениями зал, специально оборудованный для птиц-биоформов. В зале был бокс для обследования биоформов, запасы пищи для них,

здесь стояли их диктофоны и приборы, которыми они пользовались.

Павлыш с Мариной сидели в зале Вершины. Павлыш на стуле, Марина в гнезде из легкой частой сетки, которое соорудил для биоформов Ван.

Павлыш никак не мог привыкнуть к ее механическому голосу. Он понимал, что это не более как приставка — клюв Марины не был приспособлен для артикуляции. Но, слушая ее, он пытался себе представить настоящий голос Золушки, которую встретил на Луне.

Белая птица приподняла крылья, расправила их снова.

— У меня появляются странные рефлексy. Иногда мне кажется, что я всегда была птицей. Ты не представляешь, что это такое — парить над океаном, подниматься к облакам.

— Мне это снилось в детстве.

— Я хотела бы полетать над Землей. Здесь пусто.

— Не останься навсегда птицей.

— Захочу — останусь.

— Нельзя, — ответил Павлыш. — Я тебя буду ждать. Ты разрешила мне искать тебя, когда пройдут два года твоего затворничества.

— Ты нашел ту глупую записку.

— Она не глупая.

— Я чувствовала себя тогда такой одинокой, и мне так хотелось, чтобы кто-нибудь меня ждал.

— Погляди. — Павлыш достал из кармана уже потертую на сгибах записку. — Я перечитываю ее по вечерам.

— Смешно. И нашел меня здесь.

— Ничего не изменилось. Ты не лишена прелести и как птица.

— Значит, если бы я была черепахой, все было бы иначе?

— Наверняка. Я с детства не любил черепах. Они не спешат.

— Я, наверное, все-таки дура. Я была уверена, что любой человек, увидев меня в таком виде, будет... разочарован. Я хотела спрятаться.

— Значит, тебе мое мнение не было безразлично?

— Не было... я даже не могу стыдливо потупиться.

— Прикройся крылом.

Марина расправила белое крыло и подняла его, закрывая голову.

— Вот и отлично, — сказал Павлыш. — Ты хотела передать со мной письмо твоему отцу?

— Да. Сейчас. Оно уже готово. Я его наговорила. Только жалко, что он не узнает моего голоса.

— Ничего страшного. Я все объясню. Я ему скажу, что передаю письмо, и тут же попрошу официально твоей руки.

— Ты с ума сошел! У меня нет рук!

— Это военная хитрость. Тогда отец поверит, что ты к нему вернешься живой и невредимой. Зачем иначе мне, блестящему космонавту из Дальнего флота, просить руки его дочери без уверенности, что эту руку я в конце концов получу.

— Вы самоуверенны, космонавт.

— Нет, так я скрываю свою робость. Мой соперник меня превосходит по всем статьям.

— Ван?

— С первого момента моего появления на Проекте он догадался, зачем я сюда пожаловал. Ты бы слышала, как он накинулся на меня за то, что я шел к Станции на ручном управлении.

— Глупый, он думал о нас. Мы спим на облаках. Ты мог меня убить.

— Тем более он превосходит меня благородством и верностью.

— Он мой друг. Он мой лучший друг. Ты совсем другое. До свидания, гусар Павлыш.

Птица смотрела через плечо Павлыша на дверь.

В дверях стоял Ван. Он, видно, стоял давно, все слышал.

— Грузовик готов, — сказал он, — мы отлетаем.

Повернулся, и его подошвы отбили затихающую вдали дробь по ступеням каменной лестницы.

— Выздоровливай, — сказал Павлыш, дотронувшись до мягкого крыла...

Когда грузовик приземлился на планетоиде, Ван сказал:

— Ты иди, там корабль ждет, а я останусь здесь. Надо приглядеть за разгрузкой.

— До свидания, Ван. Наверно, мы с тобой еще увидимся.

— Наверно. Галактика стала тесной.

Павлыш протянул руку.

— Да, — сказал Ван, — я совсем забыл.

Он нагнулся, достал из ящика под пультом завернутый в пластик плоский квадратный пакет.

— Это тебе. На память.

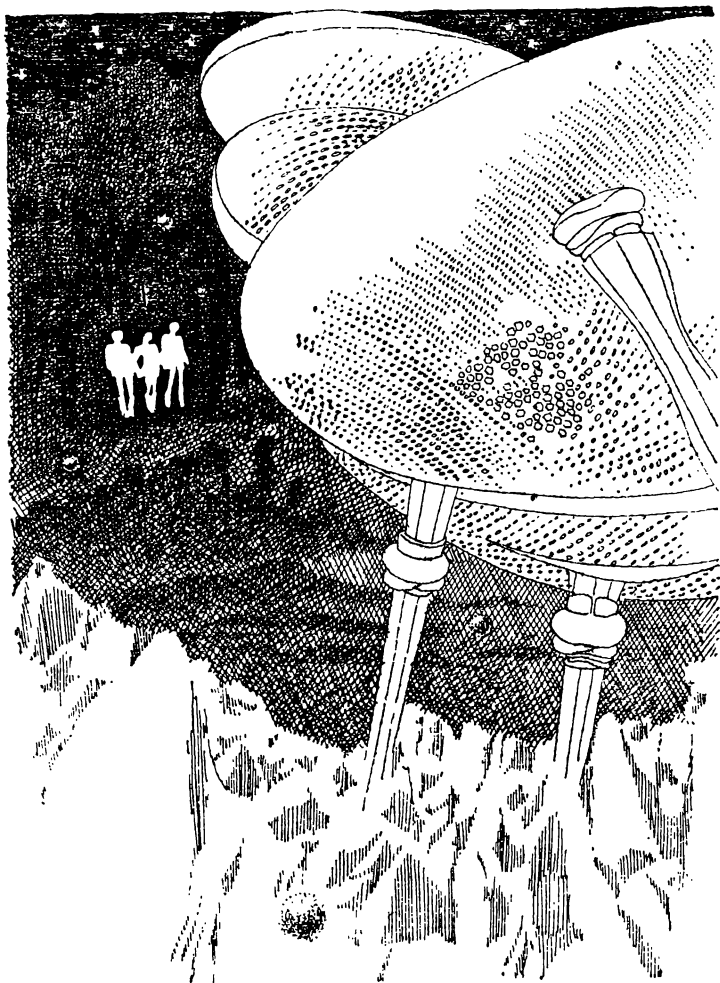
— Что это?

— Посмотришь на корабле.

Когда Павлыш развернул на корабле пакет, оказалось, что это портрет Марины в тонко вырезанной из нефрита рамке.

ПЕРЕВАЛ

В доме было сыро, мошка толклась у светильника, надо бы давно его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, полутьма. Олег валялся на койке, недавно проснулся. Ночью он сторожил, гонял шакалов, они целой стайей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле была пустота и обыкновенность, хотя сам от себя ждал волнения, тревоги, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят, вернешься или не вернешься. А пятьдесят в квадрате? И в кубе? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить Старого, что такое велосипед? Парадокс. Велосипед еще не изобретен, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашлялась мать. Она, оказывается, дома. А Олег думал, что ушла за грибами.

- Ты чего дома? — спросил он.
- Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.
- А кто за грибами пошел?
- Марьяна с Диком.
- И все?
- Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было естественным, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Если дожди не кончатся, — сказала мать, — до холодов огурцы не вызреют. Скоро все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел на потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса, нос картошкой, а сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Совсем непохоже на Томаса. В конце концов Дик у лесу неинтересно. Чего ему гри-

бы собирать? Он охотник, он степной человек, сам же всегда говорил. Может, Марьяна сама его позвала?

— Мошки много, — сказала мать, — холодно ей в лесу.

— Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жил Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить ночами. Слышно было, как они хором захныкали, проголодались. Невнятный, далекий, привычный как ветер монолог Старого оборвался, за скрипела скамейка. Значит, Старый пошел на кухню, и тут же загалдели его ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать. — Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. Ночью плачет. Бормочет, ворочается, потом начинает тихо плакать, можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает, потому что показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаться, что он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которых увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. А лицо красное, в оспинках от перекасти-поля, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, положила перед собой плоскими жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего

ты? Или она сейчас достанет фотографию? Правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поест. Близнецы хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случится. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить. Пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный, вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи. Не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и бледные губы. Широкие, крутые, дугами, брови, под ними ярко-голубые глаза. И белая кожа, очень белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, прямые, как у матери на фотографии. Отец с матерью стоят рядом очень молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега еще не было. А пятнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — сказал Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пущу тебя, — сказала мать. — Не отпущу, и все. Через мой труп.

— Мать, — сказал Олег и сел на койке. — Хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне, — сказала мать. — Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хорошила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта

фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу, — сказал Олег. — Воду кипятить?

— Да, — сказал Старый, — спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком она чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, он как будто родился охотником. Хотя он родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу как дома, — сказал Дик.

Он сказал громко. Он шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить. Марьяна никогда бы не смогла.

Лес был редкий, корявый, деревья вырастали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, закрипели. Болела ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы у ущелья. Дик сразу вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула

горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— погоди, Дик, — сказала она, — там цветок, которого я еще не видала.

— Может, обойдешься без цветков? — спросил Дик. — Домой пора. Мне что-то здесь не нравится.

У Дика был особенный нюх на неприятности. Его надо было слушаться.

— Одну секунду, — сказал Марьяна и подбежала к стволу. Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, перемещаясь, выпуская ложноножки, чтобы не упустить ни одной капли дождя. Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее обыкновенных, тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашестуршились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он рванул Марьяну за плечи, посадил, оторвал ее судорожно сжатые болью пальцы от корней.

— Не открывай глаз, — приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

— Больно.

Неожиданно он навалился на Марьяну и повалил на корни.

— Больно же!

— Еще один пролетел, — сказал он, поднимаясь. — Потом посмотришь. Он об мою спину рассыпался.

Еще два шарика перекаати-поля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголочек-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут из иголочек молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожными в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметинки.

— Ну ничего, — сказал Дик, — больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное, чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.

— Да, конечно. — Марьяна провела ладонью по щеке, Дик заметил, ударил по руке.

— Грибы хватала, цветок брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помогал Марьяне собирать их, раз уж она отказалась идти домой без грибов. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий, а Дик не хотел ничем занимать рук. В лесу решают секунды, и руки охотника должны быть свободны.

— Посмотри, — сказала Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая жесткая ладонь с обломанными

ногтями задержалась на руке Дика. — Я очень изуродована?

— Смешно, — сказал Дик, — у всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

— Татуировка?

— Забыла? Старый учил нас по истории, что дикие племена себя специально так украшали. Как награда. Тебе не понять. Ты всегда в окно глядела.

— Так это дикари, — сказала Марьяна, — а мне больно.

— Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

— Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное — не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

— Я не буду, — сказала Марьяна.

— Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы на плечах, мешают. Плохо, что он живет один. Все живут вместе, а он один. С тех пор как его отец умер, так и живет. Привык уже.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

— Да, — сказал он, — звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно бежать быстро. Те, кто бегает, не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их кидать. Уже скоро будет вырубка, а потом поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она

видела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил удобнее арбалет. Она тоже вытащила нож из-за пояса. Но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или откапывать грибы. А если тебя догоняет стая шакалов, то нож не поможет, лучше взять палку.

Они уже бежали по тропинке, шакалы редко подходят так близко к деревне, но Томас утром, выпуская за изгородь, сказал, что ночью шакалы подходили близко и Олег их еле отогнал.

* * *

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул: «Червяк!» И они сгруппировались в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам. Рыжая Рут, дочка Томаса, завопила, видно, червяк угодил ей по руке жгучей присоской, ее мать высунулась из дома напротив и крикнула:

— Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно остаться! Немедленно домой!

Но ученики решили обязательно вытащить червяка наружу, и Олег знал почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красным, то синим, это очень интересно, только интересно им, а не матерям, которые панически боятся червяков, в общем, безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, сказал:

— Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в ее конец, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбале-

том в руке. И в позе Томаса было напряжение. Неладно, сказал себе Олег. Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не думает, что она совсем другая, чем он, что она еще девчонка и ее надо беречь.

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плену, рыжую Рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и пользы от него поэтому никакой.

— Что? — спросил он Томаса.

Тот, не оборачиваясь, сказал:

— По-моему, шакалы опять шляются. Стая.

— Та же, что и ночью?

— Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьяну ждешь?

— Они с Диком за грибами пошли.

— Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. В этих словах была обида, хотя Томас не хотел обижать Олега. Просто так получалось, что Дик надежнее, Дик охотник, а ты, Олег, не очень охотник. Как будто быть охотником — высшее достижение человечества.

— Я, конечно, понимаю, — улыбнулся вдруг Томас. Он опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды, — но это вопрос приоритета. В небольшом обществе, скажем, подобном нашему, способности, к примеру математические, отступают на шаг по шкале ценностей по сравнению с умением убить медведя, что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, тонкие длинные губы гнулись в углах, словно не помещались на лице, лицо было очень темным, все в глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки желтые. У Томаса бо-

дела печень. И от этой болезни он стал совсем лысый. И еще у него были слабые легкие, и он часто кашлял. Но все равно Томас был выносливым и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил стрелу. Олег кинул взгляд туда, куда взвизгнула, метнулась стрела. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов, словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он рухнул на луг и, дернувшись, затих.

— Выстрел мастера, — сказал Олег.

— Спасибо. Надо бы его поскорей оттащить, пока воронье не налетело.

— Я притащу, — сказал Олег.

— Нет, — сказал Томас, — он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Если ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю идти. Сколько шакалов в стае?

— Я шесть штук ночью насчитал, — сказал Олег.

Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торчала вокруг, как иглы.

Олег повернулся было, чтобы бежать за арбалетом. И тут же его остановил свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка слышно: все на помощь!

Бежать обратно? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.

— Что там? — Мать стояла в дверях. Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал крюк. Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?

— Стрелы за плитой, — сказала мать. — Что случилось? Что-нибудь с Марьяной?

Старый выбежал с копьем. Он не умел стрелять из арбалета, да и как будешь с одной рукой? Олег обогнал Старого, тащил стрелу из колчана, хоть не стоило делать этого на ходу. Вся малышня деревни неслась к изгороди.

— Назад! — крикнул им Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины стояли неподвижно, напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегал сзади, замереть.

И тогда из серой ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик. Крик был далекий, короткий, он прервался, и наступила бесконечная тишина, потому что ни одна душа в поселке не смела даже дышать. Даже младенцы в колыбели замолкли. И Олег представил, нет, даже увидел, как там, за стеной дождя и белесых стволов, в живом, дышащем, движущемся лесу, прижимаясь спиной к теплой и жгучей коре сосны, стоит Марьяна, а Дик, упав на колено — кровь хлещет из разорванной зубами шакала руки — старается перехватить копьё...

— Старый! — крикнул Томас. — Борис! Останешься у изгороди. Олег, беги за нами.

У леса их догнала тетя Луиза с ее знаменитым тесаком, которым она в прошлом году отогнала медведя. В другой руке она несла головешку. Тетя Луиза была большой, толстой и страшной женщиной — короткие седые космы во все стороны, балахон надулся колоколом. Даже деревья пугливо втягивали ветки и скручивали листья, потому что тетя Луиза была как злой дух, который зимой рычит в Ущелье. И когда тетя Луиза споткнулась о лиану-хищницу, та, вместо того чтобы схватить жертву щупальцами, метнулась к стволу и спряталась за него как трусливая змея.

Томас так неожиданно остановился, что Сергеев чуть не налетел на него, и, сунув два пальца в рот, свистнул. Никто в поселке не умел так оглушительно свистеть.

Когда свист прервался, Олег понял, насколько затаился, испугался лес человеческого топота, человеческой

тревоги и человеческого гнева. Только слышно было, как тяжело дышит грузная тетя Луиза.

— Сюда! — крикнула Марьяна. Голос ее прозвучал совсем близко. Она даже не крикнула, она позвала, как зовут с другого конца поселка. И потом, когда они побежали снова, Олег услышал голос Дика, вернее рев, как звериный, и бешеное уханье шакала.

Олег метнулся в сторону, чтобы обогнать тетю Луизу, но перед ним возникла спина Сергеева, который не успел даже одеться, бежал в одной рубашке и кожаных штанах, без куртки.

Марьяна, как в видении Олега, стояла, прижавшись к мягкому белому стволу старой толстой сосны, который подался внутрь, будто старался оградить девушку. Но Дик не упал. Дик отбивался ножом от большого седого шакала, который увертывался от ударов, шипя и извиваясь. Еще один шакал корчился сбоку на земле, стрела в боку. И штук пять, не меньше, сидели в ряд в сторонке, будто зрители. У шакалов есть такая странная манера. Они не нападают скопом, а ждут. Если первый не справится с добычей, за дело принимается второй. И так, пока не победят. Им друг друга не жалко. Они этого не понимают. Сергеев, когда вскрывал одного шакала, даже мозга у него не нашел.

Шакалы-зрители как по команде повернули морды к людям, которые ворвались на поляну. И Олегу показалось вдруг, что красные точки шакальих глаз смотрят на него с осуждением. Разве можно нападать всем вместе? Это же не по правилам.

Шакал, который все норовил выхватить, захватить зубами нож, вдруг повалился набок, из основания длинной шеи торчала стрела. Оказывается, Томас успел выстрелить, пока Олег разглядывал сцену на поляне. За ту секунду, пока Олег разглядывал и соображал, что к чему. А Дик, словно ждал этого, тут же повернулся к остальным шакалам и бросился на них с копьем. А ря-

дом с ним уже были Сергеев и тетя Луиза с тесаком и головешкой. И прежде чем шакалы поняли, что им надо бежать, двое из них валялись мертвыми, а остальные свернулись кольцами, чешуйчатые плоские хвосты концами на голые затылки и покатались в чашу. И никто за ними не побежал. А Олег шагнул к Марьяне.

— С тобой ничего?

Марьяна плакала. Прижимала к груди шевелящийся мешок с грибами и горько плакала.

— Ну скажи, скажи!

— Меня перекаати-поле изжалило, — плакала Марьяна. — Теперь я буду рябая.

— Жаль, что вы так быстро прибежали, — сказал Дик, вытирая кровь с щеки, — я только во вкус вошел.

— Не говори глупостей, — сказала тетя Луиза.

— Третий или четвертый тебя бы одолел, — сказал Сергеев.

* * *

По дороге к поселку Дика начало трясти, от шакальих зубов никому еще хорошо не бывало. Все сразу пошли в дом к Вайткусу, сам Вайткус болел, лежал, а его жена Эгли достала из аптечки — ящика в углу — примочки и настой против шакальего яда, потом промыла рану Дика и велела ему спать. Марьяна хотела проводить Дика, но он отказался. Он не выносил собственной слабости. Через час-два лихорадка уляжется, а когда ему было больно и плохо, он не хотел, чтобы другие видели.

Эгли поставила на стол миску с сахаром, который выпаривают из корней осоки на болоте. Только она с Марьяной знала, как отличить сладкую осоку от обыкновенной. И еще малыши, которые чутьем знают, какая трава сладкая, а какую нельзя трогать. Потом Эгли разлила по чашкам кипяток, и каждый сам черпал лож-

кой густой серый сахарный кисель. У Вайткусов просто. К Вайткусам все любят ходить.

— Ничего страшного? — спросил Томас у Эгли. Как будто не спрашивал уже три раза.

— На нем как на кошке, сразу заживает.

— Ты все-таки сомневаешься? — спросил Сергеев.

— Я не сомневаюсь, — сказал Томас, — другого выхода нет. Ты предлагаешь ждать еще три года? Мы выйдем от скудости.

— Мы не выйдем, — сказал с койки Вайткус. Борода и копна волос на голове скрывали все лицо. Был виден только красный нос, светлые пятна глаз. Неизвестно, откуда вылезал тонкий голос. — Мы окончательно одичаем.

— Одно и то же, — сказал Томас. — Попался бы мне Даниель Дефо. Жалкий враль.

Вайткус захохотал, словно закашлялся.

Олег уже слышал эти разговоры. Сейчас их вести — совсем уж пустое дело. Он хотел было пойти в сарай, где Старый с учениками снимал шкуры с убитых шакалов, поговорить со Старым. Просто поговорить. Но потом поглядел на миску с сахаром и решил съесть еще немного. Дома они с матерью доели свою долю еще на позапрошлой неделе. Он зачерпнул сахару так, чтобы ложка была неполной. Ведь он сюда не объедаться пришел.

— Пей, Марьяшка, — сказала Эгли, — ты устала.

— Спасибо, — сказала Марьяна, — я грибы отмачивать положу, а то заснут.

Олег разглядывал Марьяну, будто впервые увидел, даже ложку забыл поднести ко рту. У Марьяны губы как будто нарисованы, четко, чуть темнее к краям, удивительные губы, таких ни у кого больше нет во всем поселке. Хотя она немного похожа на Сергеева. Совсем немного. Наверное, тоже похожа на мать, только ее матери Олег не помнил. А может быть, на своего деда?

Удивительная вещь — генетика. Старый в теплице — яме за сараем, хозяйстве Марьяны, — ставил для учеников опыты Менделя с горохом. Ну, правда, не с горохом, а со здешней чечевицей. Все сходилось, только с коррективами. Иные наборы хромосом, разумеется, иные. У Марьяны треугольное лицо, скулы и лоб широкие, а подбородок острый, так что глазам на лице места много и они все свободное место заняли. И очень длинная шея, сбоку шрам розовый с детства. Марьяна к нему привыкла, а из-за перекасти-поля переживает. Не все ли равно, есть у человека точки на лице или нет? У всех есть. А вместо бус у Марьяны, как у других женщин или девочек в поселке, веревка с деревянной бутылочкой противоядия. Мужчины противоядие носят в кармане.

— Представь себе, что поход кончится трагически, — сказал Сергеев.

— Не хотел бы, раз я в нем участвую, — сказал Томас. Вайткус опять засмеялся, забулькало где-то в середине бороды.

— Парни, Дик с Олегом — надежда нашего поселка, его будущее. Ты один из четырех последних мужчин.

— Приплюсуйте меня, — сказала басом Луиза и начала громко дуть в чашку, чтобы остудить кипяток.

— Меня ты не убедишь, — сказал Томас. — Но если очень боишься, давай оставим Марьяну здесь.

— Я боюсь за дочь, да. Но сейчас разговор идет о более принципиальных вещах.

— Я пойду грибы намочу, — сказала Марьяна и легко поднялась.

— Кожа да кости, — сказала тетя Луиза, глядя на нее.

Проходя мимо отца, Марьяна дотронулась кончиками пальцев ему до плеча. Тот поднял трехпалую ладонь, чтобы накрыть ею кисть Марьяны, но она уже убрала руку и быстро прошла к двери. Дверь открылась,

впустив мерный шум дождя, и громко хлопнула. Олег чуть было не сорвался вслед за Марьяной, но удержался: неудобно как-то.

Из второй комнаты вышел, нетвердо ступая, один из сыновей Вайткуса. Ему было год-полтора. Первый родился той весной, а второй недавно, когда выпал снег, значит, полтора года. А всего у Вайткусов было шестеро детей, мировой рекорд.

— Сахару, — сказал сердито ребенок.

— Я тебе покажу — сахару! — возмутилась Эгли. — А зубы у кого болят? У меня? А босой кто ходит? Я?

Она подхватила мальчишку и унесла его из комнаты.

Олег увидел, что его рука сама по себе снова зачерпнула сахару из миски. Он рассердился на себя и вылил ложку обратно. Пустую поднес ко рту и облизал.

— Давай я тебе еще кипятку налью, — сказала тетя Луиза. — Жалко мне ребят наших, всегда какие-то недокормленные.

— Сейчас еще ничего, — сказала Эгли, возвращаясь в комнату. Вслед ей неся басовитый рев Вайткуса-младшего. — Сейчас грибы пошли. И витамины есть. Хуже с жирами...

— Мы сейчас пойдем, — сказала тетя Луиза. — Ты бледная совсем.

— Ты же знаешь почему, — сказала Эгли и постаралась улыбнуться. Но улыбка получилась гримасой, как будто ей больно.

Эгли месяц назад родила ребенка, девочку, мертвую. Старый сказал, что ей уже поздно рожать. И организм истощен. Но она человек долга. Род должен продолжаться. Понимаешь? Олег понимал, хотя разговоры об этом неприятны, потому что об этом вроде бы не надо говорить.

— Спасибо за угощение, — сказала тетя Луиза.

— А как ты умудрилась раздаться, непонятно, —

сказал Томас, глядя, как громоздкое тело тети Луизы плывет к двери.

— Это я не от хорошей жизни распухла, — сказала Луиза, не оборачиваясь. В дверях она остановилась и сказала Олегу: — Ты от всех треволнений к Крестине забыл зайти. Они тебя ждут. Нехорошо.

Конечно. Как плохо! Он же должен был еще час назад зайти.

Олег вскочил.

— Я сейчас.

— Ну ладно, я так, для дисциплины, — сказала тетя Луиза. — Я сама загляну. Своих сирот накормлю и зайду.

— Не надо.

Олег выскочил на улицу следом за тетей Луизой. И тут вспомнил, что забыл поблагодарить Эгли за кипяток с сахаром, но возвращаться было нелегко.

Они пошли рядом, идти недалеко. Весь поселок можно оббежать за две минуты по периметру изгороди.

Дома под косыми односкатными крышами теснились, прижимались один к другому двумя полосками по обе стороны прямой дорожки, что резала поселок пополам: от ворот в изгороди до общего сарая и склада. Крытые плоскими розовыми длинными листьями водяных тюльпанов крыши блестели под дождем, отражая всегда серое, всегда туманное небо. Четыре дома на одной стороне, шесть домов на другой. Правда, три дома пустых. Это после прошлогодней эпидемии.

Дом Кристины предпоследний, за ним только дом Дика. Тетя Луиза живет напротив.

— Не страшно уходить? — спросила тетя Луиза.

— Надо, — сказал Олег.

— Ответ, достойный мужа. — Тетя Луиза почему-то улыбнулась.

— А Сергеев Марьяну не пустит? — спросил Олег.

— Пойдет твоя Марьяна, пойдет.

— Ничего с нами не случится, — сказал Олег. — Четыре человека. Все вооруженные. Не первый раз в лесу.

— В лесу не первый раз, — согласилась Луиза, — но в горах совсем иначе.

Они остановились между домами Кристины и Луизы. Дверь к Луизе была приоткрыта, там блестели глаза — приемный ждал тетю.

— В горах страшно, — сказала Луиза. — Я на всю жизнь запомню, как мы по горам шли. Люди буквально на глазах замерзли. Утром поднимаемся, а кое-кого уже не добудисься.

— Сейчас лето, — сказал Олег, — снега нет.

— Легенды, легенды, принимаешь желаемое за действительное. В горах всегда снег.

— Но если пройти нельзя, мы вернемся, — сказал Олег.

— Возвращайтесь. Лучше возвращайтесь.

Луиза повернула к своей двери. Казик запищал от радости. Олег толкнул дверь к Кристине.

У Кристины душно, пахнет чем-то кислым, плесень уже закрыла стены как обои, и хоть плесень желтая, оранжевая, яркая, в комнате от этого не светлей. И светильник не горит.

— Привет, — сказал Олег, придерживая дверь, чтобы разглядеть, кто где в темной комнате. — Вы не спите?

— Ох, — сказала Кристина, — пришел все-таки, я думала, что не придешь, я так и полагала, что ты забудешь. Раз вы в горы собрались, то зачем обо мне помнить?

— Ты не слушай ее, Олег, — сказала тихо, очень тихо, почти шепотом Лиз, — она всегда ворчит. Она и на меня ворчит. С утра до вечера. Надоело.

Олег нашел стол, пошарил по нему руками, отыскал светильник, вынул из кошелька на поясе кремень и трут.

— Чего без света сидите? — спросил он.

— Там масло кончилось, — сказала Лиз.

— А где банка?

— Нет у нас масла, — сказала Кристина. — Кому мы нужны, две беспомощные женщины? Кто принесет нам масла?

— Масло на полке, справа от тебя, — сказала Лиз. — Вы когда уходите?

— После обеда, — сказал Олег. — Как себя чувствуешь? Грудь не болит?

— Хорошо. Только слабость.

— Эгли сказала, что дня через три ты уже встанешь. Хочешь, мы тебя к Луизе перенесем?

— Я не оставляю маму, — сказала Лиз.

Кристина не была ей матерью. Но они давно жили вместе. Когда они пришли в поселок, Лиз было меньше года, она была самая маленькая. Ее мать замерзла на перевале, а может, попала под снежную лавину, Олег точно не помнил. А отец погиб еще раньше. Кристина несла Лиз все те дни. Она тогда была сильная, смелая, у нее еще были глаза. Так и остались они вдвоем. Потом Кристина ослепла. Из-за тех же перекасти-поле: не знали еще, что делать. Вот и ослепла. Она редко выходит из дома. Только летом. И только если нет дождя. Все уже привыкли к дождю, не замечают его. А она не привыкла. Если дождь, ни за что не выйдет. А если сухо, иногда выглянет из двери, потом сядет на ступеньку и сидит, а если кто проходит мимо, она угадывает кто и жалуется ему. Старый говорит, что Кристина немного ненормальная. Что раньше она была крупным астрономом. Очень крупным астрономом. Лиз как-то сказала Олегу: «Представь себе трагедию человека, который всю жизнь смотрел на звезды, а потом попал в лес, где звезд не бывает, а к тому же вообще ослеп. Тебе этого не понять».

— Конечно, — сказала Кристина, — перенесите ее куда-нибудь. Зачем ей со мной подыхать?

Олег отыскал на полке банку с маслом, налил в свечильник и зажег его. Сразу стало светло. И видна была широкая кровать, на которой под шкурами лежали рядом Кристина и Лиз. Олег всегда удивлялся, насколько они похожи, не поверишь, что даже не родственники. Обе белые, с желтыми волосами, с широкими плоскими лицами и мягкими губами. У Лиз зеленые глаза. У Кристины глаза закрыты. Но, говорят, тоже были зелеными.

— Масла еще на неделю хватит, — сказал Олег, — потом Старый принесет. Вы не экономьте. Чего в темноте сидеть?

— Жаль, что я заболела, — сказала Лиз. — Я хотела бы пойти с тобой.

— В следующий раз, — сказал Олег.

— Через три года?

— Через год.

— Через этот год, значит, через три наших года. У меня слабые легкие.

— До зимы еще долго, выздоровеешь.

Олег понимал, что говорит не то, чего ждала от него эта девушка с белым широким лицом. Когда она говорила о перевале, о походе, она имела в виду совсем другое: чтобы Олег всегда был вместе с ней, потому что ей страшно, потому что она совсем одна, и Олег старался быть вежливым, но не всегда удавалось, потому что Лиз раздражала; ее глаза всегда чего-то просили.

Кристина поднялась с постели, подобрала палку, пошла к плите. Она все умела делать сама, но предпочитала, чтобы приходили помогать соседи.

— С ума сойти, — бормотала она. — Я, видный ученый, женщина, некогда известная своей красотой, вынуждена жить в этом хлеву, брошенная всеми, оскорбленная судьбой...

— Олег, — сказала Лиз, поднимаясь на локте. Открылась большая белая грудь, и Олег отвернулся. — Олег, не уходи с ними. Ты не вернешься. Я знаю, ты не вернешься. У меня предчувствие...

— Может, воды принести? — спросил Олег.

— Есть вода, — сказала Лиз. — Ты не хочешь меня послушаться. Ну хотя бы раз в жизни!

— Я пошел.

— Иди, — сказала Лиз.

В дверях его догнали слова:

— Олечка, ты посмотри, может, там есть лекарство от кашля. Для Кристины. Ты не забудешь?

— Не забуду.

— Забудет, — сказала Кристина. — И в этом нет ничего удивительного.

— Олег!

— Ну что?

— Ты не сказал мне до свидания.

— До свидания.

* * *

Старый мылся на кухне над тазом.

— Крупных зверей вы убили, — сказал он. — Шерсть только плохая, летняя.

— Это Дик с Сергеевым.

— Ты сердит? Ты был у Кристины?

— Там все в порядке. Потом принесите им масла. И еще у них картошка кончается.

— Не беспокойся. Заходи ко мне, поговорим напоследок.

— Может, к нам?

— У меня тихо, близнецы на улице играют.

— Только недолго! — крикнула мать из-за перегородки.

Старый ухмыльнулся. Олег снял полотенце, протянул

ему, чтобы удобнее было вытереть руку. Правую старик потерял лет пятнадцать назад, когда они первый раз пытались пройти к перевалу.

Олег прошел в комнату Старого, сел за стол, отполированный локтями учеников, отодвинул самодельные счеты с сушеными орехами вместо костяшек. Сколько раз он сидел за этим столом? Несколько тысяч раз. И все, что знает, почти все услышал за этим столом.

— Мне страшнее всего отпускать тебя, — сказал старик, сядя напротив, на учительское место. — Я думал, что через несколько лет ты сменишь меня и будешь вместо меня учить детей.

— Я вернусь, — сказал Олег. Он подумал: а что сейчас делает Марьяна? Грибы она уже замочила, потом переложила свой гербарий, она обязательно перекладывает гербарий. Собирается? Говорит с отцом? Спит?

— Ты меня слушаешь?

— Да, конечно, учитель.

— И в то же время я сам настаивал на том, чтобы тебя взяли за перевал. Пожалуй, тебе это нужнее, чем Дику или Марьяне. Ты будешь моими глазами, моими руками.

Старый поднял свою руку и посмотрел на нее с интересом, словно никогда не видел. И задумался. Олег молчал, оглядывая комнату. Старый иногда замолкал так, внезапно, на минуту, на две. У каждого свои слабости. Огонек светильника отражался на отполированном, как всегда, чистом микроскопе. В нем не было главного стекла. Сергеев тысячу раз говорил Старому, что пустая трубка слишком большая роскошь, чтобы держать ее на полке, как украшение, дай мне ее в мастерскую. «Боря, — говорил он, — я из нее сделаю два чудесных ножа». А Старый не отдавал.

— Прости, — сказал старик. Он моргнул два раза добрыми серыми глазами, погладил аккуратно подрезан-

ную белую бороду, за которую тетка Луиза почему-то звала его купцом. — Я размышлял. И знаешь о чем? О том же, что и раньше, о том, что в истории Земли уже бывали случаи, когда по той или иной несчастливой случайности небольшая группа людей оказывалась отрезанной от общего потока цивилизации. И тут мы вступаем в область качественного анализа...

Старик опять замолк и пожевал губами. Ушел в свои мысли. Олег к этому привык. Ему нравилось сидеть рядом со стариком, просто молчать, просто сидеть, и ему казалось, что знаний в старике так много, что сам воздух комнаты полон ими.

— Да, конечно, надо учитывать временной диапазон. Диапазон — это расстояние. Разброс, когда мы говорим не о предметах, а о явлениях. Запомнил?

Старый всегда объяснял слова, которые ученикам еще не встречались.

— Одному человеку для деградации достаточно нескольких лет. При условии, что он белый лист бумаги. Известно, что дети, которые почему-то попадали в младенчестве к волкам или тиграм, а такие случаи отмечены в Индии и Африке, через несколько лет безнадежно отставали от своих сверстников. Они становились дебилами. Дебил — это...

— Я помню.

— Прости. Их не удавалось вернуть человечеству. Они даже ходили только на четвереньках.

— А если взрослый?

— Взрослого волки не возьмут.

— А на необитаемый остров?

— Варианты различны, но человек неизбежно деградирует... степень деградации...

Старик взглянул на Олега, тот кивнул. Он знал это слово.

— Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от его характера.

Но мы не можем ставить исторический эксперимент на одной сложившейся особи. Мы говорим о социуме, о группе. Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в какой-то находилась в момент отчуждения?

— Может, — сказал Олег. — Это мы.

— Не может, — сказал старик. — Но для младенца достаточно пяти лет, для группы, даже если она не вымрет, потребуется два-три поколения. Для племени — несколько поколений... Для народа, может быть, века. Но процесс необратим. Он проверен историей. Возьмем австралийских аборигенов...

Вошла мать Олега, она была причесана, надела выстиранную юбку.

— Я посижу с вами, — сказала она.

— Посиди, Ирочка, — сказал старик. — Мы беседуем о социальном прогрессе. Вернее, регрессе.

— Я уж слыхала, — сказала мать. — Ты рассуждаешь, через сколько времени мы начнем ходить на четвереньках? Так я тебе отвечу — раньше мы все передохнем. И слава богу. Надоело.

— А ему не надоело, — сказал старик. — И моим близнецам не надоело.

— Из-за него и живу, — сказала мать, — а вы его посылаете на верную смерть.

— Если встать на твою точку зрения, Ира, — сказал Старый, — то здесь смертью грозят каждый день. Здесь лес — смерть, зима — смерть. Наводнение — смерть, ураган — смерть, укус шмеля — смерть. И откуда смерть выползет, какое она примет обличье, мы не знаем.

— Она выползает когда хочет и забирает кого пожелает, — сказала мать. — Одного за другим.

— Нас больше, чем пять лет назад. Главная проблема не физическое выживание, а моральное.

— Нас меньше! Нас с тобой меньше! Ты понима-

ешь, нас совсем не осталось! Что эти щенки могут без нас?

— Можем, — сказал Олег. — Ты в лес одна пошла бы?

— Лучше повеситься. Я порой на улицу боюсь выходить.

— А я хоть сейчас пойду. И вернусь. С добычей.

— То-то сегодня Дика с Марьяшкой еле спасли.

— Это случайность. Ты же знаешь, что шакалы стаями не ходят.

— Ничего не знаю! Пошли все-таки стаей или нет? Пошли?

— Пошли.

— Значит, ходят...

Олег не стал больше возражать. Мать тоже замолчала. Старый вздохнул, дождался паузы и продолжал свой монолог:

— Я почему-то сегодня вспомнил одну историю. Тысячу лет не вспоминал, а сегодня вспомнил. Может, просто к месту пришлось? Случилось это в 1530 году, вскоре после открытия Америки. Немецкое китобойное судно, которое промышляло к югу от Исландии, попало в шторм, и его отнесло на северо-запад, в неизвестные воды. Несколько дней корабль несло по волнам среди айсбергов. Айсберг — это...

— Это ледяная гора, я знаю, — сказал Олег.

— Правильно. Несколько дней его несло по волнам, и наконец показались заснеженные гористые берега неизвестной земли. Теперь она называется Гренландией. Корабль бросил якорь, и моряки спустились на берег. И представляете их удивление, когда вскоре они увидели полуразрушенную церковь, потом остатки каменных хижин. В одной из хижин они нашли труп рыжеволосого мужчины в одежде, кое-как сшитой из тюленьих шкур, рядом сточенный, ржавый железный нож. И запустение, холод, снег...

— Не пугай, Боря, — сказала мать. Пальцы ее нервно стучали по столу. — Псевдоисторические сказки...

— Погоди. Это не сказка. Это строго документировано. Тот человек был последним викингом. Ты помнишь, Олег, кто такие викинги?

— Вы рассказывали о викингах.

— Викинги бороздили моря, завоевывали целые страны, они заселили Исландию, высаживались в Америке, которую называли Винланд, даже основали свое царство в Сицилии. И у них была крупная колония в Гренландии. Там было несколько поселков, стояли каменные дома, церкви и так далее. Но вот корабли викингов перестали выходить в море. Колонии их или перешли к другим народам, или были заброшены. Прервалась связь и с колонией в Гренландии. А тем временем климат там становился все более суровым, скот вымирал, посевы замерзали, и гренландские поселения приходили в упадок. В первую очередь потому, что потеряли связь с остальным миром. Гренландцы, некогда смелые моряки, разучились строить морские корабли, их становилось все меньше. Известно, что в середине XV века в последней церкви в Гренландии была сыграна последняя свадьба. Потомки викингов дичали, их было слишком мало, чтобы противостоять стихии, и слишком мало, чтобы добиться прогресса, слишком мало, чтобы хоть сохранить старое. Нет, ты представляешь себе трагедию — последняя свадьба в целой стране? — Старый обращался к матери.

— Твои аналогии меня не убеждают, — сказала мать. — Много ли было викингов, мало ли — ничего их бы не спасло.

— А ведь они были приспособлены к климату. За пятьсот лет приспособились. А вот вымерли. А ведь альтернатива была. Приди тот немецкий корабль тридцатью годами раньше, и все сложилось бы иначе. Викинги могли уплыть на континент и вернуться в чело-

веческую семью. Или иначе — наладились бы связи с другими странами, появились бы торговцы, новые поселенцы, хотя бы новые орудия труда, знания, достигнутые в мире, но недоступные островитянам. И все было бы иначе...

— К нам никто не приплывет, — сказала мать.

— Наше спасение не вживание в природу, — сказал старик уверенно. На этот раз он обернулся к Олегу. — Нам нужна помощь. Помощь остального человечества. И потому я настаиваю, чтобы твой сын шел за перевал. Мы еще помним. И наш долг — не обрывать нить.

— Пустой разговор, — устало сказала мать. — Водички согреть?

— Согрей, — сказал Старый. — Побалуемся кипятком. Нам грозит забывание. Уже сейчас носителей хотя бы крох человеческой мудрости, цивилизации, знаний остается все меньше. Одни гибнут, умирают, другие слишком поглощены борьбой за выживание... И вот появляется новое поколение. Вы с Марьяной еще не так резко выражены, вы переходный этап. Вы как бы звено, соединяющее нас с нашим будущим. Каким оно будет, ты представляешь себе?

— Мы не боимся леса, — сказал Олег. — Мы знаем грибы и деревья, мы можем охотиться в степи...

— Я боюсь будущего, в котором господствует новый тип человека — Дик-охотник. Он для меня символ отступления, символ поражения человека в борьбе с природой.

— Ричард — хороший мальчик, — сказала мать из кухни. — Ему нелегко приходится одному.

— Я не о характере, — сказал дед. — Я о социальном явлении. Когда ты, Ирина, научишься абстрагироваться от повседневных мелочей?

— Буду я абстрагироваться или нет, но если бы той зимой Дик не убил медведя, мы, наверно, перемерли бы все с голоду, — сказала мать.

— Дик уже ощущает себя аборигеном этих мест, хозяином леса. Он бросил ходить ко мне пять лет назад. Я не уверен, помнит ли он азбуку?

— Зачем? — спросила мать. — Книг все равно нету. И письма писать некуда. И некому.

— Дик много песен знает, — сказал Олег. — И сам сочиняет.

Олегу стало немного стыдно, что ему приятно ощущать недоброжелательство старика к Дику, и потому он стал Дика защищать.

— Не в песнях дело. Песня — заря цивилизации. А для малышей Дик — кумир. Дик-охотник! А для вас, бабы, он пример. «Посмотри на Дика». Вот хороший мальчик! А для девчонок он рыцарь. Ты не обращала внимания, какими глазами на него глядит Марьяшка?

— Пускай глядит. Замуж выйдет. Для поселка хорошо.

— Мама! — не выдержал Олег.

— А что?

Мать, как всегда, ничего не замечала вокруг, жила в каком-то своем мире, переживала древности.

— И тебя радует мир Диков, дичат, дикарей? — Старик был зол. Он даже грохнул кулаком по столу. — Мир благополучных быстроногих дикарей?

— А что ты предлагаешь взамен?

— Вот его. — Старик положил тяжелую ладонь на затылок Олегу. — Мир Олега — это мой мир, это твой мир, от которого ты пытаешься отмахнуться, хотя тебе-то никакого другого не дано.

— Боюсь, ты не прав, Боря, — сказала мать. Она пошла на кухню, сняла с огня миску с кипятком и принесла в комнату. — У нас сахар кончился.

— У меня тоже, — сказал старик. — Сейчас корни худые, несладкие. Эгли говорит, что придется месяц потерпеть. Поедим с хлебом. Ты же интеллигентная женщина, ты должна понимать, что мы как общество обре-

чены на вырождение, если будем делать ставку на Дика, если на смену нам придут дикари-охотники.

— Не согласна с тобой, Боря, — сказала мать. — Нам бы выжить. Я сейчас не о себе конкретно говорю, а о поселке. О детишках. Когда я гляжу на Дика или на Марьянку, у меня появляется надежда. Ты их называешь дикими, а я думаю, что они смогли приспособиться. И если они сейчас погибнут, мы все погибнем. Слишком велик риск.

— А я, значит, не приспособился? — спросил Олег.

— Ты меньше других приспособился.

— Ты просто боишься за меня, — сказал Олег. — И не хочешь, чтобы я шел в горы. А я из арбалета стреляю лучше Дика.

— Я боюсь за тебя, конечно, боюсь. Ты у меня один. Ты все, что у меня осталось. А ты с каждым днем все больше от меня отрываешься, уходишь куда-то, чужим становишься.

Старик мерно шагал по комнате, так бывало, если он недоволен учениками, если они ленятся. Нагнулся, поднял с табуретки глобус. Он его сделал из гриба-гиганта, который вырос той зимой у сарая. Они тогда вместе с Олегом терли краски, цветную глину, которую Марьяна с Лиз отыскивали у ручья, ту самую, из которой теперь делают мыло. Ее высушили, получилось два цвета — белый и серый. А сам гриб был сиреневым. И Старый по памяти нарисовал все материки и океаны. Глобус получился бледным, а за два года еще больше побледнел и стерся, стал как круглое облако.

Старик держал глобус на ладони.

— Атлант, — сказала мать.

Олег увидел на столе маленькое пятнышко розовой плесени. Это не желтая, это ядовитая плесень. Он осторожно стер пятнышко рукавом. Глупо, когда родная мать предпочитает тебе другого. В общем, это предательство. Самое настоящее предательство.

— Мы с тобой умрем, — сказал старик.

— И отлично. Пожили достаточно, — сказала мать.

— Тем не менее не спешим умирать, цепляемся за эту жизнь.

— Мы трусливы, — сказала мать.

— У тебя всегда был Олег.

— Я жила ради него.

— Мы с тобой умрем, — продолжал старик, — но поселок должен жить. Иначе пропадает смысл нашего с тобой существования.

— Больше шансов выжить у поселка охотников, — сказала мать.

— Больше шансов выжить у поселка таких, как Олег, — сказал старик. — Если править нашим племенем будут Дик и ему подобные, то через сто лет никто не вспомнит, кто мы такие, откуда пришли, зачем живем. Восторжествует право сильного, законы первобытного племени.

— И будут они плодиться и размножаться, — сказала мать. — И станет их много. И изобретут они колесо, а еще через тысячу лет паровую машину. — Мать засмеялась, как будто заплакала. Шмыгнула носом.

— Ты шутишь? — сказал Олег.

— Ирина совершенно серьезна, — сказал старик. — Борьба за существование в элементарной форме приведет к безнадежному регрессу. Выжить такой ценой, ценой вживания в природу, ценой принятия ее законов, значит, сдаться.

— Но все-таки выжить, — сказала мать.

— Она так не думает, — сказал Олег.

— Конечно, она так не думает, — согласился Старый. — Я знаком с Ириной уже двадцать лет. И знаю, что она так не думает.

— Я вообще предпочитаю не думать, — сказала мать.

— Врешь, — сказал старик. — Мы все думаем о бу-

душем, боимся и надеемся. Иначе перестанем быть людьми. Именно груз знаний, которыми не отягощает себя Дик, заменяя их простыми законами леса, может нас спасти. И пока есть альтернатива, мы можем надеяться.

— Ради этой альтернативы ты гонишь Олежку в горы?

— Ради сохранения знаний, ради нас с тобой. Ради борьбы с бессмыслицей, неужели не ясно?

— Ты всегда был эгоистом, — сказала мать.

— Твой материнский слепой эгоизм не в счет?

— Зачем тебе Олег? Он не перенесет путешествия. Он же слабый.

Этого говорить матери не следовало. Она сразу поняла сама и взглянула на Олега, умоляя его глазами, чтобы не обижался, чтобы понял.

— Я не обижаюсь, мам, — сказал Олег. — Все понятно. Только я хочу идти. Может, хочу больше, чем все остальные. Дик бы даже с удовольствием остался. Я знаю. Сейчас олени кочевать начнут. Самая охота в степи. Он бы остался.

— Он нужен в походе, — сказал старик. — Как бы я ни возмущался перспективами его власти, сегодня его умение, его сила могут нас спасти.

— Спаси! — Мать оторвала взгляд от Олега. — Ты талдычишь о спасении. А сам в него веришь? Три раза люди ходили в горы, сколько вернулось? С чем?

— Тогда мы были еще неопытны. Мы не знали здешних законов. Мы шли, когда на перевале был снег. Теперь мы знаем, что он тает только в конце лета. За любое знание приходится платить.

— Если бы те не погибли, мы бы жили лучше. Было бы больше кормильцев.

— Конечно. Но все равно оказались бы во власти закона деградации. Или мы часть человечества и бережем

его знания, стремимся к ним, или мы дикари без перспектив.

— Ты идеалист, Боря. Кусок хлеба сегодня нужнее абстрактных ананасов.

— Но ведь ты помнишь вкус ананаса? — Старый повернулся к Олегу и добавил: — Ананас — это тропический плод со специфическим вкусом.

— Я понял, — сказал Олег. — Смешное слово. Мать, согрей суп. Скоро нам идти.

* * *

— Бумага, — повторил Старый. — Хоть десяток листов.

— Будет тебе бумага, — сказал Томас.

Те, кому уходить, собрались у ворот в изгороди. Остальные пришли их проводить. Все делали вид, что поход самый обыкновенный, как за корнями к болоту, а прощались как будто навсегда. Такое было у Олега ощущение.

Те, кто уходил, были одеты тепло — собрали по всему поселку. Тетя Луиза сама отбирала, ушивала, подгоняла. Наверное, Олег никогда не был так тепло одет. Только Дик ничего лишнего не взял. Он сам себе все шьет. Дождь почти перестал, в лужах вокруг столбов плескались, пищали плавунцы. К хорошей погоде.

Томас посмотрел на плавунцов и сказал:

— Дождь перестанет. Надо бы столбы укрепить.

— Не думай об этом, — сказала тетя Луиза, — без тебя справимся.

— А ты мне что принесешь, пап? — спросила рыжая Рут, дочка Томаса.

— Не надо, — сказала его жена. — Не надо даже думать об этом. Главное, чтобы папа вернулся. Закутай горло, ты опять кашляешь.

— С перевала держи правее, — сказал Вайткус Томасу. — Помнишь?

— Помню, — улыбнулся Томас. — Как сейчас помню. Ты шел бы лег. Тебе рано вставать.

Мать держала Олега за руку, и он не смел вырвать руку, хотя ему казалось, что Дик посмеивается одними глазами, глядя на него.

Мать хотела пойти с ними до кладбища, но Сергеев ее не пустил. Он никого не пустил, кроме Луизы со Старым.

Олег несколько раз оборачивался. Мать стояла неподвижно, приподняв руку, словно хотела помахать вслед и забыла. Она старалась не плакать.

Над изгородью были видны головы взрослых. Мать, Эгли, Сергеев, Вайткус... а сквозь колючки, пониже, темнели фигуры ребятишек. Маленькая шеренга людей, а дальше покатые, блестящие под дождем розовые крыши маленькой кучки домиков.

С холма Олег обернулся в последний раз. Все так и стояли у изгороди, только кто-то из малышей отбежал в сторону и возился у лужи. Отсюда, сверху, была видна улица — дорожка между хижинами. И дверь дома Кристины. Какая-то женщина стояла в дверях. Но с холма не разберешь, Кристина или Лиз. А потом вершина холма скрыла поселок из виду.

Кладбище тоже было окружено изгородью. Дик, прежде чем отодвинуть дверь, заглянул внутрь, не устроился ли там на отдых какой-нибудь зверь. Вполне могло быть. Олег подумал, что сам, наверное, забыл бы это сделать.

Странно, подумал он, что могил, придавленных плитами мягкого сланца, отломанного от близких скал, куда больше, чем людей в поселке. Хотя поселку всего шестнадцать лет. Отца здесь нет, он остался за перевалом. Дик остановился перед двумя одинаковыми плитами, обтесанными куда аккуратнее прочих. Это его

отец и мать. Поднялся ветер, холодный и занудный. Старик медленно шел от могилы к могиле. Он всех их знал. Сколько их было шестнадцать лет назад? Кажется, тридцать шесть человек взрослых и четверо детей. А осталось? Девять взрослых и трое из тех детей, что пришли. Трое. Дик, Лиз и Олег. Марьяна родилась уже здесь. И еще двенадцать детей из тех, кто родился в поселке, живы. Значит, семнадцать лет назад здесь было сорок человек, сейчас двадцать с хвостиком. Простая арифметика. Нет, не простая. Могил куда больше, это все малыши, которые умерли или погибли. Здешие.

Над ухом, словно подслушав его мысли, тетя Луиза сказала:

— Большинство умерло в первые пять лет.

— Конечно, — согласился Старый, — мы платили за опыт.

— Чудо, что все в первый год не умерли, — сказал Томас. — Ты помнишь?

— Помню, — сказал Старый.

Они остановились перед плитами в центре кладбища. Плиты были неотесанные, грубые, кривые, они почти ушли в землю, и цепкие рыжие лапки мха заплели их, превратив в округлые холмики.

Олегу захотелось вернуться, чтобы еще раз увидеть поселок, он знал, что мать стоит у изгороди и надеется, что он это сделает. Олег даже пошел к двери в изгороди, но тут Томас сказал:

— Пора идти. Через пять часов начнет темнеть, а надо дойти до скал.

— Ой! — сказала Марьяна. Она быстро перебирала пальцами по мешку, висевшему через плечо.

— Забыла чего? — спросил Дик.

— Нет. Хотя забыла... Я на отца погляжу...

— Пошли, Марьяшка, — сказал Томас. — Чем скорей мы пойдем, тем скорее вернемся.

Олег увидел, что глаза Марьяны полны слез. Еще чуть-чуть, и выльются на щеки.

Марьяна отстала от остальных, Олег подошел к ней и сказал:

— Я тоже хотел вернуться. Ну хотя бы с холма поглядеть.

— Да?

Они шли рядом и молчали.

Шагах в тридцати за изгородью, где начинался сте-лющийся коварный липкий кустарник, остановились.

Луиза всех поцеловала. Старый попрощался за ру-гу. Последним с Олегом.

— Я очень на тебя надеюсь, — сказал он. — Боль-ше, чем на Томаса. Томас заботится о благе поселка, о сегодняшнем дне. Ты должен думать о будущем. Ты ме-ня понимаешь?

— Хорошо, — сказал Олег, — а вы за мамой посмот-рите, чтобы не скучала. Я принесу микроскоп.

— Спасибо. Возвращайтесь скорей.

Дик первым вошел в кустарник, легко и быстро от-брасывая концом копы липкие щупальца.

— Держитесь ближе за мной, — сказал он. — Пока они не опомнились.

Олег не оборачивался. Некогда было оборачивать-ся. Обернешься, ветка прилипнет к чоботу, потом не ото-рвешь, а оторвешь, три недели вонять будет. Отврати-тельный кустарник.

* * *

К сумеркам добрались до скал. Как Томас и рассчи-тывал.

Лес не доходил до скал, их алые зубы торчали из голый, покрытой пятнами лишайника долины, клочья низких облаков пролетали так низко, что острия скал вспарывали им животы и исчезали в сером мареве. То-

мас сказал, что пещера, в которой он ночевал в прошлый раз, сухая и добраться до нее легко. Все, кроме Дика, устали. А Дик, если и устал, об этом никому не говорил. Только скалил зубы.

— Тогда было холодней, — сказал Томас. — Мы тогда решили, что в холод легче перейти болота. А перевал был закрыт. Я помню, мы шли тут и под ногами звенело — заморозки.

Между путниками и скалами лежало белесое круглое пятно метров двадцать в диаметре.

— Тут и звенело? — спросил Дик, который шел первым. Он резко остановился на краю пятна. Поверхность его чуть поблескивала, как кора сосны.

— Да. — Томас остановился рядом с Диком. Олег отстал. Он час назад взял у Марьяны мешок, чтобы не надорвалась. Марьяна не хотела отдавать, а Томас сказал:

— Правильно. Завтра я тебе помогу. Потом Дик.

— Зачем помогать? — сказал Дик. — Вынем ночью лишнее, разберем по мешкам, и всем незаметно, и Марьяшке легче. Надо было раньше подумать. Два месяца собирались, а не подумали.

Интересно, а кому надо было думать? Ты такой же мыслитель, как и все, заметил про себя Олег. А тащить пришлось немало. Хоть Дик и говорил, что можно не беспокоиться о еде, он прокормит, он охотник. Все-таки взяли и вяленого мяса, и корней, и сушеных грибов, а главная тяжесть — сухие дрова, без них ни воды вскипятить, ни зверей отогнать.

— Знаешь, на что это похоже? — сказала Марьяна, догнав мужчин. — На верхушку гриба. Громаднейшего гриба.

— Может быть, — сказал Дик, — лучше мы обойдем его.

— Зачем? — спросил Олег. — По осыпи придется карабкаться.

— Я попробую, ладно? — сказала Марьяна, опустилась на колени, вытащила ножик.

— Ты что хочешь делать? — спросил Томас.

— Кусочек отрежу. И понюхаю. Если это съедобный гриб, представляешь, как здорово? Весь поселок кормить можно.

— Не стоит резать, — сказал Дик. — Не нравится мне твой гриб. И не гриб это вовсе.

Но Марьяна уже вогнала нож в край пятна. Но отрезать не успела — еле успела подхватить нож. Белое пятно вдруг вспучилось, задергалось, ринувшись валом в сторону Марьяны. Дик резко рванул девушку на себя, и они покатались по камням. Томас отпрыгнул следом и поднял арбалет. Дик, сидя на камнях, расхохотался.

— Чтобы его убить, надо стрелу с дом или больше!

— Я же говорила, что гриб, — сказала Марьяна. — Ты зря испугался, Дик. Он пахнет как гриб.

Судороги волнами прокатывались по белому пятну, зарождаясь в центре и разбегаясь к краям, будто круги по воде от камня. А центр гриба все поднимался и поднимался, словно кто-то хотел вырваться наружу, тыкался головой. Потом от центра побежали в стороны темные трещинки, они расширялись, и получились огромные лепестки остриями к центру. Лепестки стали подниматься вверх и заворачиваться назад, пока не получился цветок.

— Это красиво, — сказала Марьяна, — это просто красиво, правда?

— А ты хотел по нему гулять, — сказал Дик Олегу голосом старшего, хотя они ровесники. Обоим было по два года, когда их несли через перевал.

Томас закинул арбалет на спину, подобрал с камней Марьянин ножик.

— Естествоиспытателям тоже полезно иногда думать, а потом испытывать.

— Он ничего не может с нами сделать, — сказала Марьяна. — Он показывает, какой он красивый!

— Если только в нем нет паразитов, — сказал Дик. — Ну пошли? А то стемнеет, пещеры не найдем. Все планы насмарку. Специально же вышли так, чтобы переночевать в знакомом месте.

Они обошли пятно по каменной осыпи. Сверху Олег попытался заглянуть в сердцевину цветка, но там было темно. И пусто. Лепестки постепенно сближались вновь, гриб-гигант успокаивался.

— Как мы его назовем? — спросила Марьяна.

— Мухомор, — сказал Томас.

— А мухомор — это гриб?

— Мухомор паверняка гриб, — сказал Томас. — Ядовитый и большой. С красной шляпкой, а по красной шляпке белые пятна.

— Не очень похоже, — сказал Дик.

— Но красиво звучит, — сказала Марьяна.

Давно уж так пошло, что названия неизвестным вещам давал Томас. Давал знакомые, не всегда совпадавшие. Зачем придумывать новые? Был бы схожий признак. Грибы растут в земле, и их можно сушить. Значит, круглые оранжевые или синие шары, что закапываются в землю, но которые можно сушить и есть, варить и жарить, если как следует вымочишь, назовем грибами. Шакалы ходят стаями, питаются падалью, трусливы и жадны. И неважно, что шакалы — пресмыкающиеся. У медведя шерсть длинная, мохнатая, а сам большой... Хоть шерсть его — побеги перекати-поле, схожие с зеленоватыми волосами.

Олег запыхался, пока они пробирались по осыпи. Камни катились из-под ног, Марьянин мешок оттягивал руку, свой давил на плечи. Олег считал шаги. Где же эта чертова пещера? Воздух начал синеть, и без того день был пасмурным, а теперь уже в десятке шагов предметы расплывались, от земли поднимался серый туман, по-

ра прятаться, ночью даже Дик не рискнет пойти в лес или в степь. В темноте появляются ночные твари. Те, кто выходит ночью за изгородь, не возвращаются. А здесь, вдали от деревни... Олег обернулся. Ему показалось, что за ним кто-то идет. Нет, только туман. Он не заметил, что прибавил шагу, — тут же обернулся Томас, негромко прикрикнул:

— На меня не налетай, сшибешь. Держи дистанцию.

И все-таки Олег никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то идет сзади.

Спина Томаса исчезла — Томас обогнал Марьяну. Теперь впереди идет Марьяшка. У нее узкая спина, даже в теплой куртке узкая. Марьяна спотыкается. Она в сумерках плохо видит. Эгли сказала — куриная слепота, но нестандартная, а эндемичная. «Эндемичная... то есть свойственная данной местности», — прозвучал в ушах голос Старого, как будто тот был рядом.

— Хочешь, тебя за руку возьму? — спросил Олег.

Они вдвоем шли через бесконечный туман, утопая в нем по колени.

— Нет, — сказала Марьяна, — спасибо.

— Стойте, — голос Дика донесся глухо, издалека. — Скалы.

* * *

Хорошо, что пещеру никто не занял. В ней мог бы прятаться медведь или кто похуже из тех сумеречных и ночных тварей, которые призраками ходят вокруг изгороди и даже иногда шатают ее, тянутся к человеческому жилью и боятся его. Как-то Марьяна притащила из леса козленка, маленького еще, по пояс. У козла был занудный голос, хуже, чем у близнецов, зеленая трава волосами свисала до земли, он топотал покрытыми панцирем ногами и вопил.

— Блеет, — сказал тогда с удовлетворением Вайткус. — Обожаю голоса домашних животных.

— Значит, будет козлом, — сказал Томас, который давал имена неизвестным вещам и тварям.

Козел дожил в поселке до зимы, когда ночь тянется почти без перерыва. Он привык к людям, почти не кулся, торчал все время у мастерской Сергеева, там было тепло. В мастерской Сергеев делал мебель и вырезал посуду. Олег любил ему помогать, он любил делать руками вещи. А потом ночью пришли ночные твари. И увели козла с собой. Марьяна нашла несколько клочков зеленой шерсти за кладбищем, но это уже было весной. Она могла ошибиться.

Вайткус тогда сказал:

— Развитие животноводства отложим на будущее.

— Тем более, — сказала тогда Эгли, — что от него как от козла молока.

У пещеры был один недостаток — широкий вход. Поперек входа натянули палатку из рыбьих шкур, зажгли костер — ночные твари не любят огня. В пещере было почти тепло, и Олег с наслаждением растянулся на гладком каменном полу. Марьяна рядом.

— Как я устала, — сказала она. — И страшно было.

— Мне тоже, — сказал Олег тихо. — Мне казалось, что кто-то идет сзади.

— Хорошо, что я не знала, — сказала Марьяна.

Дик раскалывал чурбачки. Они взяли с собой самые хорошие дрова. Они медленно горят. Томас раскрыл мешок с сушеными грибами, достал котелок на треноге и распорки, чтобы держать его над огнем.

— Олег, — сказал он, — подай воду.

Вода была у Олега в мешке, в сосуде из тыквы. Томасу всего-то надо было сделать два шага и взять воду самому. Олег понял, что Томас говорит в воспитательных целях. Не хочет приказывать Олегу, чтобы тот встал и занялся каким-нибудь делом, не хочет укорять.

Хотя что за работа — палатку вместе повесили, костер горит. В следующий раз меньше устану, займусь хозяйством, ведь я Марьянин мешок волочил...

Но Олег ничего, конечно, не сказал вслух. И не успел подняться, как Дик протянул длинную руку, подхватил мешок Олега и подвинул его Томасу.

— Пускай отдыхает, — сказал он без всякого чувства, равнодушно. — Он уморился. Два мешка тащил.

— Пускай полежит, — согласился Томас.

Олег сел.

— А что надо делать? — спросил он. — Когда нужно, я всегда делаю.

— Погоди, Томас, — сказала Марьяна, — я сама кипяток заправлю. Ты не знаешь, сколько грибов класть.

— У меня было чувство, — сказал Дик, — что за нами кто-то шел.

— И у тебя? — спросил Олег.

И тут они услышали чьи-то тяжелые шаги у двери. Дик метнулся к арбалету. Томас наклонился к костру, готовый схватить полено. Шаги смолкли. Было очень тихо. Слышно было, как редкие капли дождя срываются с козырька над входом в пещеру.

— Мы вовремя успели, — сказала Марьяна.

— Тише.

Но за блестящим пологом из рыбьих шкур, на котором металась отсветы пламени, было тихо.

Дик, держа копьё наготове, подошел к пологу, осторожно отогнул угол, выглянул.

Олег смотрел на его широкую напряженную спину и ждал. Надо бы тоже взять копьё... Но ведь здесь костер... Это дело Дика. И несправедливость этой мысли была очевидна Олегу, но думать иначе он не мог, потому что его дело было в другом. Он должен был увидеть то, что неинтересно видеть остальным. Старик надеется на него. Хуже, когда не знаешь, оправдаешь ли

ты надежды, тем более что они с годами становятся для старика все абстрактнее и достижение их все иллюзорней.

Марьяна возилась у костра, разбирая грибы и сушеные соленые ягоды, она их всегда варила отдельно, а потом смешивала. Она стояла на коленях, рукава куртки закатаны, тонкие руки все в ссадинах и шрамах. Олег подумал, что руки Марьяны красивые, а шрамы — это пустяки, у всех шрамы.

Томас тоже смотрел на быстрые руки Марьяны, смотрел, как девушка углубилась в священнодействие, которое для него, пришельца в этих краях, не имело смысла, видел шрамы на ее руках, цену, которую лес взял за учение, и думал о пропасти, которую поселок роет между ним и этими подростками, дикарями, которые сейчас отлично заснут на каменном полу, не накрывшись и не чувствуя влажного, промозглого холода, а запах этих растительных каракатиц, которые они называют грибами, им не противен, они с этим запахом свыклись... Впрочем, здесь дети пахнут иначе, чем дома. Даже свои дети. И Рут в свои восемь лет, попади в лес, может, и не пропадет, по крайней мере не умрет с голоду. Лес хоть и опасное, коварное место, но свое. И если он, Томас Хинд, в этом лесу человек, то они олени, зайцы или даже волчата — не самые сильные, но хитрее многих, не пропадут. Марьяна надкусила сомнительный гриб, пискнула, отбросила его в угол. Гриб как гриб, все они отравы. Снова кто-то тяжело прошел, чуть не коснувшись полупрозрачной занавески. Чертовы призраки тьмы. Ходят слоны, не удивлюсь, если ядовитые... Ребята устали, хотя черт их знает, устали ли. У Дика такой вид, будто сейчас готов гоняться за шакалом по чаще. Олег, конечно, послабее. Парень неплохой, неглупый, только зря Борис внушает ему свои идеалистические теории. Поселку предстоит выжить. Сегодня, завтра. Я не знаю, когда мы начнем строить города и за-

пускать спутники. Через тысячу лет? Но даже для этого нужно выжить сегодня.

Занавес колыхнулся, ночной гость, видно, решил сорвать его. Томас поднял головешку и опередил Дика, выглянул в сумерки, в туман. Темная тень отплыла вдаль, растворилась в сером тумане, словно шутник утонул к себе воздушный шар.

— Не знаю, — сказал Томас, — я такого раньше не видел.

— Придется дежурить у костра, — сказал Дик.

— Я совсем не хочу спать, — сказал Олег.

— Сейчас бы хороший пистолет, — сказал Томас. — Хороший, постоянного действия.

— Через пять минут будет суп, — сказала Марьяна. — Вкусный суп. Тетя Луиза нам все белые грибы отобрала, как только догадалась.

Далеко-далеко что-то чавкнуло, ухнуло. Потом раздался легкий топот многочисленных ног и блеяние. В несколько голосов. Отчаянное блеяние.

Марьяна вскочила на ноги.

— Козлы!

— Твоего уже съели, — сказал Дик. — Кто же их гонит?

— Ядовитый слон, — неожиданно для самого себя сказал Томас.

— Кто? — удивилась Марьяна.

Дик засмеялся.

— Так и будем звать, — сказал он.

Блеяние перешло в высокий крик, так кричит ребенок. Потом все стихло. И снова топот.

— Я думаю, их выпускает белый гриб, — сказал Олег.

— Кого? — спросил Дик.

— Ядовитых слонов.

— Это злые дүхи, Кристина рассказывала, — сказала Марьяна.

— Злых духов нет, — сказал Олег.

— А ты в лес подальше заберись, — сказал Дик.

— Помолчите, — сказал Томас.

Совсем близко промчались козлы. Следом, мягко и редко ступая, двигался преследователь. Люди отступили за костер, оставив его между собой и занавеской. Приготовили оружие. Незнакомые звери страшны, потому что не знаешь их повадок.

Занавеска рванулась в сторону, распоролась наискосок, и в пещеру ворвалось зеленое волосатое существо, ростом с человека, но округлое, на четырех ногах, с костистым гребнем вдоль спины, торчащим из шерсти, как цепь крутых холмов из леса.

Зверь быстро и мелко дрожал. Его маленькие красные глаза смотрели бессмысленно и обреченно.

Дик прицелился из арбалета, стараясь бить наверняка.

— Стой! — закричала Марьяна. — Это же козел!

— Правильно, — прошептал Дик, не двигаясь с места и даже не шевеля губами, — это мясо.

Но Марьяна уже шла к козлу, обходя костер.

— погоди, — постарался ее остановить Томас. Марьяна стряхнула его руку.

— Это мой козел, — сказала она.

— Твой давно уже помер, — сказал Дик, но его рука с арбалетом опустилась. Мясо у них еще было. А убивать просто так Дик не любил. Охотники убивают столько, сколько можно унести.

Козел начал медленно пятиться. И замер. Видно, то, что подстерегало снаружи, было страшнее Марьяны. Марьяна наклонилась, быстро подхватила из мешка вкусный сушеный гриб и протянула козлу. Тот вздохнул, понюхал, распахнул бегемотью пасть и послушно схрупал подарок.

Первым дежурил Олег. Козел не уходил. Он отступил к стене, будто старался влиться в нее, смотрел одним глазом на Олега и иногда шумно вздыхал. Потом начинал чесаться о стену.

— Блох напустишь, — сказал Олег. Стой смирно, а то выгоню.

Внимательный, немигающий взгляд козла создавал впечатление, что тот слушает и понимает, но в самом деле козел прислушивался к тому, что происходило снаружи.

Глядя на догорающий костер, Олег незаметно задремал. Ему казалось, что он не спит, а видит, как взлетают над головешками синие искры и танцуют парами, сплетаются в хоровод. Козел ахнул и заблеял, застучал копытами. Олег вскинулся, не сразу сообразил, где он, и только через секунду-две понял, что козла на старом месте нет, он отпрыгнул в глубь пещеры, а в дыру в занавесе лезет какая-то серая пупырчатая масса, лезет медленно, тестом вваливаясь в пещеру, а может, она не серая, а розовая — последний отсвет костра достигал ее, и в массе было какое-то тупое любопытство, неспешность, упорство, а козел отчаянно блеял, умолял его спасти, видно, решил, что тесто пришло специально за ним. Олег почему-то успел подумать, что для ночного призрака эта масса слишком некрасива, он шарил рукой по камням и никак не мог найти арбалет, а отвести взгляд от надвигающейся близкой массы, которая испускала удушающий кислотный запах, он не мог. И потому увидел, как в боку твари вдруг возникла оперенная стрела арбалета и ушла до половины в тесто, провалилась в него, и тут же легко и быстро тесто подобралось, съежилось и исчезло, края разрыва сошлись, и занавеска лениво заколыхалась.

Олег наконец-то смог опустить взгляд. Арбалет ле-

жал в двух сантиметрах от растопыренных пальцев, Дик сидел на полу, подтянутый, крепкий, свежий, будто и не ложился спать. Он опустил арбалет и сказал:

— Может, и не стоило мне стрелять. Подождал бы.

— Чего же стрелял? — спросила Марьяна, которая, не вставая, протянула руку, гладила тонкие панцирные ноги козла, который всхлипывал по-детски, жалуясь Марьяне на свой страх.

— Олег окаменел, а эта штука уже к нему подбиралась, — сказал Дик без желания упрекнуть или обидеть Олега, сказал как думал. Он всегда говорил как думал. — Не было времени головешку выбирать.

— Задремал? — спросил Томас Олега.

Томас лежал, положив под голову мешок с сушеным мясом и закутавшись в одеяло. Ему было холодно, холоднее прочих, он никак не мог привыкнуть к холоду. Ему будет труднее всех, когда станет холодно в самом деле, подумал Олег. И сказал:

— Задремал. Сам не заметил. Меня козел разбудил.

— Молодец, козлик, — сказала Марьяна.

— Хорошо, что разбудил, — сказал Дик, укладываясь на бок. Его ладонь лежала на рукояти арбалета, выточенной точно и красиво, сам делал. — Сожрал бы он нас...

И он заснул, не кончив фразы.

Томасу не хотелось спать. Он встал, сменил Олега, тот чуть поспорил, но согласился, у него глаза слипались. И сразу растянулся на полу. Томас накинул на плечи одеяло, хорошо бы подкинуть дров, но дрова надо беречь, их не так много, а будет холодно. Он вспомнил, как было холодно, когда они в прошлый раз шли к перевалу. Как смертельно и безнадежно холодно. Это было четыре года назад. И это было восемь лет назад. И еще это было через год после того, как они основали поселок. Дальше всего они прошли во второй раз. Прав-

да, и вернулось из того похода только двое. Он и Вайткус.

Томас поглядел на ребят. Почему они не чувствуют, что на камнях спать жестко и холодно? Какие внутренние органические изменения произошли в их метаболизме за эти годы? Это естественные дикари, глядящие на него, старика, с вежливым снисхождением аборигенов. Дикари, которые, сколько бы ни твердил, как бы ни пугал их Борис, все равно с каждым годом, с каждым шагом все лучше вживаются в этот мир одиночества и серых облаков. А Борис и прав и не прав. Он прав, что переход в дикарство неизбежен. Томас видит это и в собственной дочери, и в других малышах. Но, очевидно, это и есть единственный выход, единственная возможность спастись. А перевал — это тот символ, в который уже никто не верит, но от которого трудно отказаться.

Козел переступил, постучал копытом о камень. Дик открыл глаза, не двигаясь, без следа сна прислушался, снова заснул. Марьяна во сне подкатилась к Олегу под бок и положила голову ему на плечо. Так уютнее. Далеко в лесу что-то ухнуло, и прокатился медленный затихающий рокот. Томас выбрал одно полешко потоньше и положил в костер.

* * *

Когда рассвело и в разрыв в занавеске полился голубой туман, когда вдали, в лесу, затрещали, приветствуя новый день, попрыгунчики, Дик, который дежурил у погасшего костра и стругал древки для арбалетных стрел, сложил аккуратно древки в мешок и спокойно заснул. Поэтому никто не видел, как козел ушел из пещеры. Марьяна, проснувшись, расстроилась, выскочила наружу, обежала скалы вокруг; нигде никаких следов козла.

— Я его ненавижу, — сказала она, вернувшись.

— За то, что он не сказал тебе спасибо? — спросил Олег.

— Ему лучше с нами, безопаснее.

— Зря я его на рассвете не пристрелил, — сказал Дик. — Я думал это сделать, но потом решил, что лучше это сделать днем.

— Это нечестно, — сказала Марьяна. — Он же нас ночью спас.

— Одно к другому не имеет отношения, — сказал Дик. — Разве непонятно? К тому же козел думал только о собственной шкуре.

Олег взял кожаное ведро, пошел поискать воды.

— Копье не забудь, — сказала Марьяна.

— И не отходи далеко, — сказал Томас.

— Не маленький, — отмахнулся Олег, но копье взял.

Туман еще не растаял, прятался в низинах, облака опустились к самой земле, и кое-где между ними и подушками тумана возникали перемиčky, будто облака, пролетая, тянули руки к туману, зовя с собой. Но туман хотел спать и не любил летать по небу. Олег подумал, что согласился бы полететь с облаками вместо тумана на юг, к большим лесам, к морю, куда ходили в прошлом году Сергеев с Вайткусом и Диком. С ними еще ходил Познанский, но не вернулся. Они не смогли пройти далеко, и моря так и не увидели, потому что леса там велики, полны хищных лиан, зверья и ядовитых гадюк, и чем теплее, тем больше там существ, опасных для человека. Но если лететь с облаками, то можно промчаться над вершинами деревьев и над морем, как облачные птицы, которые иногда теньями возникают в облаках в хорошую погоду, но никогда не садятся на землю. Люди умеют летать, разумеется, умеют куда быстрее, чем облака. Но в поселке все приходится начинать сначала. И это нелегко, потому что нет инструментов и времени. Олег хотел сделать воздушный шар, но для воздушного ша-

ра нужно очень много рыбьих шкур, и нитей и иголок, а никто, кроме малышей и старика, не хотел ему помогать.

— Это неплохая абстрактная идея, — сказал тогда Сергеев. — Лет через сто мы с тобой обязательно этим займемся.

А Старый ответил:

— Лет через сто мы все об этой идее благополучно забудем. Придумаем себе богов, которые живут на облаках и не велят нам, смертным, к ним приближаться.

Но с воздушным шаром ничего не вышло.

Олег пошел вниз, под уклон, ему показалось, что там журчит вода. В таких местах могут быть источники, ключи. Потом он вышел к каменной осыпи, за которой из земли торчала верхушка громадного гриба, который вчера вечером раскрывал свой зев. Шапка тумана сползла с белого круга, и Олег увидел, как медленно лепестками раскрывается центр гриба, а из тумана по ту сторону долинки выкатываются один за другим торжественно, держа правильные интервалы, серые, чуть темнее гриба, ноздреватые, мягкие на вид шары. Один, два, три, четыре... Так вот кто был ночным гостем, ядовитым слонком, куском теста...

— Охотники возвращаются домой, — сказал Олег тихо и вдруг понял, что шары катятся в его сторону и катятся куда быстрее, чем кажется от равномерности их движения. Олег начал отступать назад, а шары один за другим вкатились на упругую поверхность гриба и направились к центру, к разверстым лепесткам. Вот первый шар, мягко раздвинув их, ухнул внутрь, за ним второй, третий, четвертый задержался на секунду наверху, словно проверял, все ли в порядке в дневном мире. И исчез. И лепестки медленно, удовлетворенно сошлись в центре, поверхность гриба разгладилась, и он оказался просто пятном снега, замерзшим озерцом.

Олег постоял еще немного, размышляя, как бы пой-

мать одного из слонов. Ведь из его шкуры можно сделать самый настоящий воздушный шар. Нет, его не изловишь.

Олег поежился. С запада, куда лежал их путь, вдруг примчался ледяной, пронизывающий ветер, обжег лицо и руки. Напомнил о том, что их ждет. Но не этого вдруг испугался Олег, а того, что они не смогут преодолеть перевал, как не удалось это сделать в прошлых походах. Дик только порадуется — он сможет вернуться в свою любимую степь. Марьяна утешится, найдя новые травы и грибы. Томас привык к несчастьям и не верит в удачу. Плохо, очень плохо будет только Олегу. И Старому.

* * *

Весь день они шли по открытой местности, лишь иногда встречая заросли невысокого кустарника. В этих местах было пустынно, но идти легко, и они даже не очень устали. Томас говорил, что время угадали верно. Лето в этом году теплое, в прошлый раз уже здесь лежал снег. Дику было скучно, он как попрыгунчик убегал в сторону, появлялся через полчаса без добычи, разочарованный.

Козлу повезло, что он вернулся как раз в одну из отлучек Дика. Иначе, решил Олег, Дик бы его обязательно подстрелил. Это был тот же самый козел. Он выскочил из зарослей с таким шумом, будто это была целая семья медведей, — люди встретили его, ошетинившись арбалетами. Но узнали его еще издали. Волосатая громадина, выше Олега в гребне, шумно обрадовалась, что встретила приятелей. Козел пробежал мимо, подкидывая тяжелый зад, гремя пластинами на спине и оглушительно бляя.

Больше козел от них не отходил. Он и Дику обрадовался, почуяв его приближение за километр, а потом влез в середину отряда, не желая идти сбоку или по-

следним, и путался под ногами. Олегу все казалось, что он сейчас наступит ему на ногу острым копытом, но зверь оказался деликатнее, чем при первом знакомстве, в последний момент он умудрялся подбирать копыта.

Чутье и слух у него были замечательные. Он чувствовал присутствие любых живых существ за много метров, и к вечеру Марьяна уже уверяла, что понимает смысл его звуков: когда козел утверждает, что впереди поляна с вкусными грибами, а когда надо смотреть под ноги — там ползают хищные лианы.

Остановились на ночлег задолго до темноты на краю плато. Дальше начинался подъем, и Томас сказал, что надо будет с утра отыскать устье ручья и подниматься по его долине, которая потом сузится, станет ущельем, и вот по этому ущелью придется идти не меньше двух дней.

Никакой пещеры или другого укрытия здесь не было, спали в палатке, что козлу не нравилось, и хоть опасности той ночью не было, козел все равно требовал, чтобы его пустили в тепло, и в конце концов навалился на палатку, придавил больно ноги, его все ругали, но терпели, потому что можно было не выставлять охраны — ясно уже было, что если придет какой-нибудь нежелательный гость, козел подымет такой шум, что всех разбудит.

* * *

К утру Олег страшно замерз. Проснуться не было сил, во сне казалось, что его окунают в ледяное болото и выбраться он не может. Его начало колотить. Потом вдруг стало теплее. И Олег заснул спокойней. Проснулся оттого, что козел решил забраться повыше на палатку, и больно придавил ногу. Олег подтянул ногу, открыл глаза и увидел, что Томас ночью поменялся с ним местами, лег к краю. Томас был бел от холода, он

лежал, стиснув зубы, закрыв глаза, и делал вид, что спит. Олегу стало стыдно. Еще в деревне договорились, что, когда станет совсем холодно, Томаса надо беречь. У него слабые легкие, и он плохо переносит мороз, ребятам проще, они здоровые и привыкшие.

— Томас, — тихо позвал Олег, — я согрелся. Давайте снова меняться.

— Нет, не надо, — прошептал Томас, но губы плохо слушались его.

Олег больше не стал спорить, перелез через старшего. Рыбья кожа палатки пропускала мороз, в эту ночь под одеялами спали все, даже Дик, который утверждает, что может спать и на снегу.

— Спасибо, — сказал Томас. Его била дрожь.

Проснулась Марьяна. Она сразу все поняла.

— Я согрею воды, — сказала она.

Она начала шуршать, развязывая мешки.

Козел понял, что люди проснулись, вскочил, затоптал вокруг, призывно заблеял, видно, соскучился за ночь. Дик бросил свое одеяло Томасу и быстро вылез наружу.

— Главное, — крикнул он снаружи, — двигаться! Поглядите, как здорово!

Олег заставил себя вылезти вслед за Диком.

Долина, до края которой они дошли вечером, была покрыта снегом. Снег выпал за ночь. Он был бел и чист, куда светлее облаков, которые по контрасту казались совсем фиолетовыми. Козел стаял неподалеку и выгрызал из шерсти льдинки. Белое полотно долины упиралось в крутой откос плоскогорья. Кусты, росшие на склоне, медленно шевелили ветвями, поднимая вокруг себя облачка снега.

Дик был недоволен тем, что дрова тратятся быстрее, чем рассчитывали, но сказал об этом только Олегу и тихо, когда они отошли подальше от грязного холмика палатки.

— Не надо было Томаса брать, — сказал он. — Будет болеть.

— Без него нам трудно пройти перевал, — сказал Олег.

— С ним еще труднее, — сказал Дик, пуская стрелу арбалета в темную нишу в скале, в которой Олег ничего не увидел. Но в нише за клубился снег, оттуда вылетел кролик и большими прыжками, закинув хоботок на спину, помчался прочь. В следах его темнели капли крови.

— Я пойду подберу его, — сказал Дик. Он остался при своем мнении.

С Диком трудно спорить, потому что, когда он уверен, он спора не продолжает, а просто уходит. А самые нужные слова появляются потом, и получается, что Дик в каждом споре берет верх, даже если не прав.

Как же мы дойдем без Томаса, мысленно продолжал разговор с Диком Олег. Ведь главное даже не дорога, главное, как найти и как себя вести дальше. Ведь мы там будем щенятами, не знающими, что значит та или иная вещь, мы же дикари, которые никогда не видели велосипеда, и поэтому мы не знаем, велосипед это или паровоз. Дику кажется, что он знает все, что может понадобиться человеку в поселке или в лесу. Может, он немного боится оказаться в ином мире, где он не сильнее всех, не ловчее всех, не быстрее всех?

Марьяна разожгла костер. Козел уже привык к огню и решил, что огонь ему ничем не угрожает, поэтому тут же полез в костер, и Марьяна крикнула Олегу, чтобы он оттащил это проклятое животное. Оттащить взрослого козла — дело почти невыполнимое, но Олег старался. Он исколотил козла древком копья, хотя тот, видно, решил, что его гладят, и восторженно взвизгивал.

Томас быстро ходил по снегу, чтобы согреться, он кутался в одеяло и горбился, и Олегу он показался очень старым человеком, хотя он знал, что Томасу сорок

лет. Эгли как-то говорила, что процессы старения в поселке почему-то проходят активнее, а тетя Луиза сказала тогда, что на такой диете давно пора всем загнуться. У всех бесконечные колиты, гастриты, аллергия, у старшего поколения почки никуда не годятся. Правда, дети были сравнительно здоровы. И поселку повезло, что большинство местных микробов к человеческому метаболизму не приспособилось. Еще не приспособилось, сказала тогда тетя Луиза.

— Жалко, здесь нет болота, — сказала Марьяшка. — Я бы вам нарвала травы, я знаю какой.

— А почему не нарвала заранее? — спросил Олег. Марьяна лучше всех в деревне разбиралась в травах, она их буквально кожей чувствовала.

— Станный ты, — удивилась Марьяна. — Эту траву надо сразу есть, пока свежая, как ее сохранишь?

Ей всегда казалось странным, что другие не видят того, что видит она.

Олег оглянулся. Если здесь и были болота, то за ночь замерзли. Да и вряд ли — местность была выше, чем у поселка, суше и каменистей.

— Олечка, — позвал его Томас, — пойдй ко мне.

Томас опустился на палатку и поморщился.

— Опять спина болит, — сказал он, — прострел.

— Я вам потом потру, — сказала Марьяна.

— Спасибо, не помогает, — улыбнулся Томас. Он был похож на птицу ворону, как рисовал на уроках биологии Старый. Темная птица с крупным заостренным носом. — Слушай, ты помнишь, где я карту прячу? Мало ли что может со мной случиться.

— Ничего не случится, — сказал Олег. — Мы же вместе идем.

— И все-таки рисковать мы не будем. Ты сможешь разобраться в карте?

Карта была нарисована на кусочке бумаги, на самой большой ценности в поселке. Олег всегда испытывал к

бумаге странное, особенное чувство. Бумага, даже чистый листок, была колдовским образом связана со знанием. Для того чтобы выразить знание, она и была создана. Она была как бы проявлением божества.

Томас, заходясь временами в кашле, заставил Олега показывать по карте путь к перевалу. Маршрут был знаком, они уже мысленно проходили его все вместе с Вайткусом и Старым, только, правда, когда об этом говорили в поселке, ощутить действительную суть пути, расстояние, холод было невозможно — в доме было тепло, уютно горели светильники, за стеной шелестел дождик...

Дик принес зайца. Козел почему-то испугался безжизненной тушки, подпрыгивая, умчался к откосу и остановился там, сокрушенно тряс головой.

— Чует, что его ждет, — сказал Дик. Он бросил зайца на камни. — Давайте сейчас его съедим, веселее идти будет. И Томасу полезно. Правда, еще полезней горячей крови напиться, я всегда на охоте так делаю. Но ты ведь, Томас, не будешь?

Томас отрицательно покачал головой.

— Что делаете? Карту смотрите? — спросил Дик.

— Томас заставляет меня повторять на случай, если с ним что-то случится.

— Чепуха, — сказал Дик, садясь на корточки и начиная ловко разделять тушку зайца, — ты еще можешь идти. А плохо будет, вернемся.

Олег понимал, что Дик не хочет обидеть Томаса. Дик с самого начала говорил, что Томас может не дойти, и считал, что скрывать свои мысли глупо.

— Ничего, — сказал Томас, который ничем не показал, что ему неприятен равнодушный тон Дика, — лучше подстраховаться.

Когда они пили чай — кипяток с корешками, козел решил, подошел ближе, но не с той стороны, где Дик кинул шкурку зайца, а с другой, как бы отгородившись

от шкурки костром и палаткой. Он тяжело вздыхал, и Марьяна кинула ему несколько сушеных грибов.

— Вот это лишнее, — сказал Дик. — Грибы нужны нам самим. Может так случиться, что мы больше ничего не найдем. А как обратно идти?

— Там, за перевалом, есть пища, — сказал Томас.

— Мы не знаем, есть или уже нет, — сказал Дик. — Глупо погибать от голода. А в морозы лучше много есть.

— В крайнем случае съедим козла, — сказал Олег.

— Почему в крайнем? — спросил Дик. — Мы его обязательно съедим. И скоро. А то еще сбежит.

— И не думай, — сказала Марьяна, — не надо.

— Почему? — удивился Дик.

— Потому что козел хороший. Он вернется с нами в поселок. И будет жить. Нам пора иметь своих животных.

— Я тебе таких козлов тысячу притащу, — сказал Дик.

— Неправда, ты только хвастаешься. Не приведешь. Их не так много в лесу. И если он не захочет, ты его никак не притащишь.

— Дотащить трудно. Но мы пойдем с тобой, ты умеешь со зверями разговаривать, — сказал Дик и стал резать зайца на равные доли, чтоб всем поровну.

— Я не дам убивать, — сказала Марьяна. — У нее будут маленькие.

— У кого? — спросил Олег.

— У козла, — сказала Марьяна, — у козлихи.

— Так это коза? — спросил Томас.

— Да, козлиха, коза. Я знаю.

— Марьяна права, пускай коза живет, — сказал Томас. — Эксперимент может получиться перспективным. Всегда надо думать о том, что будет завтра.

— И еще надо думать, чтобы не умереть сегодня, — сказал Дик.

— Козу будем подкармливать, — сказала Марьяна.

— И не вздумай, — сказал Дик.

— Я свое буду отдавать. — Марьяна упрямо глядела на Дика, острый подбородок вперед. Дик склонил голову, разглядывая девушку как незнакомую зверюшку.

Томас поднялся первым и пошел складывать палатку. Его трясло.

— Может, вернешься? — спросил его Дик.

— Поздно, — сказал Томас, — я пойду.

— Подумай, — сказала Марьяна, рассерженная на Дика, — как ты можешь говорить! Одному до поселка не дойти.

— Олег с ним может вернуться.

Это Дик сказал так, чтобы оставить за собой последнее слово. Но в действительности последнее слово все-таки осталось за Марьяной.

— Пора идти, — сказал Томас. — Если сегодня будем идти хорошо, может, выйдем на плоскогорье. В прошлый раз мы увязли в этом ущелье. Снег был по пояс. И метель.

Томас пошел впереди по широкому ложу ручья, который при больших дождях, наверное, превращался в поток, а сейчас лишь чуть-чуть журчал по обтесанным камням, отламывая наросты за ночь у берегов льдинки.

Коза сначала бросилась вперед, словно показывала дорогу, а потом раздумала, остановилась, Дик погрозил ей пальцем, но тут коза вздохнула и побрела за людьми, хотя порой останавливалась и занудно вопила, угаривая вернуться.

Чуть потеплело, снег под ногами начал таять, было скользко, за день пришлось раз десять перейти ручей, который вился по долинке, кидаясь от откоса к откосу, и ноги у всех заоченели.

Долинка, по которой стекал ручей, постепенно сужалась, каменные темные стены становились круче и сходились все ближе, пряча ручей в вечную тень. Шум его стал мрачным, он отражался от стен, как в бочке. Было неуютно и страшно — никто из них, кроме Томаса, не был раньше в горах, даже Дик потерял всегдашнюю уверенность в себе, не убегал вперед, все время поглядывал вверх, словно боялся, что на голову упадет камень, и часто спрашивал Томаса:

— Ну скоро? Скоро выйдем?

— К вечеру выйдем, — отвечал Томас.

Томас, как и все, согрелся, даже вспотел, почти не кашлял и шел быстрее, чем вчера. Только иногда хватался за бок.

— Вы узнаете места? — спросила Марьяна. Она шла сзади, подгоняя козу, которой все это путешествие окончательно надоело и которая часто останавливалась, оглядывалась, будто умоляя Марьяну отпустить ее обратно в лес, на простор.

— Как тебе сказать, — ответил Томас. — В прошлый раз мы сюда уже не добрались. А когда шли с перевала пятнадцать лет назад, здесь был снег, дни были короткие, и мы почти не смотрели по сторонам. Мы тогда обрели надежду, впервые обрели надежду, но очень устали. Путь отсюда до поселка занял больше недели.

Дик, шедший впереди, вдруг замер. Поднял руку.

Все остановились. Даже коза остановилась, будто поняла приказ.

Дик с арбалетом наготове медленно пошел вперед. Нагнулся.

— Глядите! — крикнул он. — Они в самом деле здесь шли.

За большим камнем, поблескивая тускло и отражаясь в бочажке ручья, лежала чудесная вещь.

Вещь была сделана из белого металла и была похожа на сплюснутый шар с белым наростом сверху. К этой вещи был прикреплен ремень, так что ее можно было носить через плечо.

Дик поднял вещь и сказал:

— На нее, наверно, упал камень.

— Нет, не камень. Так надо, — сказал Томас, подходя к Дику и забирая у него вещь. — Здесь был привал. И кто-то... Да, конечно, Вайткус! Это фляга Вайткуса. Вот он обрадуется, когда мы ему ее принесем!

— Это называется «фляга»? — спросила Марьяна, разглядывая блестящую вещь.

— Чтобы носить с собой воду.

Томас поболтал вещью в воздухе, и все услышали, что внутри плещется вода.

— Удобная вещь, — сказал Дик.

— Ее специально делали плоской, — сказал Томас, осторожно отвинчивая крышку, — чтобы удобнее носить на боку.

— Красивая, — сказала Марьяна.

— Я буду ходить с ней на охоту, — сказал Дик. — Вайткусу она не нужна. Он все равно болеет.

Томас поднес флягу к носу и понюхал.

— Черт возьми! — сказал он. — С ума можно сойти!

— Что случилось? — спросил Олег. Ему очень хотелось поддержать флягу.

— Ребята, да это же коньяк! Вы понимаете, это коньяк!

Коза отошла в сторону и удивленно заблеяла, подзывая к себе.

Олег подошел к ней. В углублении за каменной россыпью лежали грудой металлические банки и маленькие кастрюльки — такого сокровища видеть ему не приходилось.

— Томас! — позвал он. — Посмотри, что вы еще забыли!

— Не забыли, — сказал Томас. — Понимаешь, мы тогда поверили, что выйдем к лесу, и в последний раз поели. Это консервные банки, понимаешь? Это ненужные консервные банки.

— Ненужные?

— Тогда они казались нам ненужными. — Томас снова поднес к носу флягу и принялся. — Я сойду с ума. Это мне снится.

— Значит, правда, — сказал Дик, — что вы здесь шли. Я иногда думал, что вы не шли, что поселок был всегда.

— Знаешь, я сам так иногда думаю, — улыбнулся Томас.

Он отпил немного из фляги, один глоток и зажмурился.

— Буду жить, — сказал он. Закашлялся, но не перестал улыбаться.

Марьяна собирала консервные банки и складывала их в мешок. Коза часто вздыхала, охала, ей банки не нравились. Они были чужими.

— Да не надо их тащить, — засмеялся Томас. — Не надо! Это же пустые банки. Если нужно, ты возмешь себе тысячу. Понимаешь?

— Не знаю, — трезво сказала Марьяна. — А если не найдем ничего, они нам тоже пригодятся. Не с пустыми руками вернемся. Из этих банок отец много всего сделает.

— Тогда заберешь на обратном пути, — сказал Олег. Ему хотелось попробовать коньяк, который так обрадовал Томаса.

— А если их возьмут? — спросила Марьяна.

— Кто возьмет? — спросил Томас. — За шестнадцать лет никто не взял. Козлам банки не нужны.

Но Марьяна собрала все банки, даже дырявые.

Дик сказал:

— Дай попробовать, Томас. Из фляги.

— Тебе не понравится, — сказал Томас. — Детям и дикарям коньяк противопоказан.

Но он протянул флягу Дик. Всегда надо просить, подумал Олег. Я всегда только думаю о чем-нибудь, а Дик это уже берет.

— Только осторожно, — сказал Томас, — один маленький глоток.

— Не бойся, — сказал Дик. — Если тебе можно, мне тем более. Я сильнее тебя.

Томас ничего не ответил. Олегу показалось, что он улыбается.

Дик запрокинул флягу и сделал большой глоток. Видно, этот коньяк был очень горьким, потому что он выронил флягу и жутко закашлялся, схватившись за горло. Томас еле успел подхватить флягу.

— Я же говорил, — сказал он укоризненно, но без всякого сочувствия.

Марьяна бросилась к покрасневшему, несчастному Дик.

— Все горит! — смог наконец выговорить Дик.

— Вы зачем, зачем? — сердилась Марьяна на Томаса. Она бросилась к своему мешку, стала копаться в нем. Олег знал — искала снадобье от ожога.

— Сейчас пройдет, — сказал Томас. — Ты же дикарь, Дик. Ты должен был незнакомую жидкость принимать как яд, сначала языком...

Дик отмахнулся.

— Я поверил, — сказал он. — Понимаешь, поверил! Ты же пил!

Дик был унижен. Унижений он не выносил.

— Вот, — сказала Марьяна, — пожуй травку. Это помогает.

— Не надо, — сказал Дик.

— У него уже все прошло, — сказал Томас. — Ему теперь уже приятно.

— Нет, — сказал Дик, но солгал.

— Есть еще желание обжечься? — спросил Томас. — Как, мои смелые единоплеменники? Кстати, американские индейцы называли эту штуку огненной водой.

— А потом спивались и отдавали за бесценок землю белым колонистам, — вспомнил Олег урок истории. — Значит, это тот самый коньяк?

— Вот именно. Только те напитки были пониже качеством.

Томас повесил флягу через плечо. Дик поглядел на нее с тоской. Он бы с удовольствием вылил оттуда проклятый коньяк и налил воды.

Они расселись по камням передохнуть. Марьяна раздала всем по горсти сушеных грибов и по ломтику вяленого мяса. Козе тоже дала грибов. Дик поглядел неодобрительно, но ничего не сказал. Коза деликатно хрупала грибами, поглядывала на Марьяну, дадут ли еще. Козе в этих местах было трудно добывать пищу, коза была голодна.

— И вся ваша еда была в этих банках? — спросил Олег.

— Не только, — сказал Томас. — Еда была в ящиках, коробках, контейнерах, бутылках, тубиках, пузырьках, мешках и много в чем еще. Еды было, скажу вам, друзья, много. И еще там были сигареты, которые мне часто снятся.

И вдруг Олег понял, что находка фляги, консервных банок, следов подействовала не только на него или Дика. Больше всех изменился Томас. Словно до этого момента он и сам не очень верил в то, что когда-то был за перевалом, когда-то имел отношение к иному миру, где едят из блестящих банок и во флягах бывает коньяк. И этот чужой, но желанный для Олега, чужой и, в общем, ненужный для Дика мир отдалил Томаса. Ведь в самом деле Томас был одним из тех умерших или доживающих свой век людей, для которых лес и

снежные горы символизировали тупик и безвыходность, а для Олега и тем более Дика были единственным привычным местом во вселенной.

— Пошли, — сказал Томас, поднимаясь. — Теперь я почти поверил, что мы дойдем, хоть самая трудная часть пути впереди.

Они пошли дальше. Марьяна держалась ближе к Дику, она беспокоилась, не плохо ли ему. У Марьяны есть это качество — всех жалеть. Иногда Олега оно трогало, а сейчас злило. Ведь видно же, что Дик в полном порядке, только глаза блестят и говорит он громче, чем обычно.

— Это дверь, — сказал Томас, который шел рядом с Олегом. — Дверь, за которой начинаются мои воспоминания. Ты понимаешь?

— Понимаю, — сказал Олег.

— До этого я мог только представлять, — продолжал Томас. — И я совсем забыл об этом привале. Твоя мать несла тебя на руках. Она совсем выбилась из сил, но никому тебя не отдавала. И ты молчал. Дик орал, понимаешь, как положено голодному и несчастному младенцу. А ты молчал. Эгли все крутилась возле твоей матери, они же были практически девочками, лет по двадцать пять, не больше, и раньше дружили. Эгли все хотела проверить, живой ли ты, а мать не давала. У нее ничего не оставалось в жизни, только ты. И она держалась за тебя.

Томас вдруг закашлялся, его согнуло пополам. Он уперся ладонью в каменную стену, и Олег заметил, какие желтые и тонкие у Томаса пальцы. Дик с Марьяной ушли вперед и скрылись за поворотом.

— Давайте я понесу мешок, — сказал Олег.

— Нет, сейчас пройдет. Сейчас пройдет... — Томас виновато улыбнулся. — Казалось бы, я должен руководить вами, подавать пример подросткам. А тащусь еле-

еле... Знаешь, мне показалось, что, если я глотну коньяку, все пройдет. Это наивно...

— А вы выпейте еще, — сказал Олег.

— Не надо. Я отвык. К тому же у меня температура. Добраться бы до перевала. Мне бы в больницу — покой и процедуры, а не восхождение и подвиги.

Часа через два ущелье кончилось. Ручей маленьким водопадом слетал с невысокого, метра в два, обрыва. Но взобраться на него оказалось непростым делом. Томас так ослаб, что его пришлось буквально втаскивать наверх. Козу поднимали на веревке, и перепуганное животное чудом никого не покалечило, отбиваясь тонкими твердыми бронированными ногами.

Это было странное ощущение: несколько часов они поднимались узким полутемным ущельем, слыша только журчание воды, и вдруг они оказались во власти простора, какого Олегу никогда не приходилось видеть.

Покрытое снегом, с редкими каменными проплешинами плоскогорье простиралось на несколько километров, упираясь в стену гор. С другой стороны, скатываясь бесконечным крутым откосом, оно вливалось в широкую долину, сначала голую, каменистую, затем на ней возникали точки кустов и деревьев, а далеко-далеко к горизонту эти точки сливались, густея, в бесконечный лес. Там, в трех днях пути, был и поселок. Правда, его отсюда не разглядишь.

— Вот тут, — сказал, все еще стараясь отдышаться, Томас, — тут мы поняли, что спасены. Мы шли от гор, какой там шли — ползли, волоча больных, замерзая, ни во что уже не веря, и внезапно вышли к краю этого плоскогорья. Оно, как видите, чуть поднимается в нашу сторону, и потому, пока мы не добрались вот сюда, мы не знали, что у нас возникнет надежда. Шел снег, метель... кто же был первым? Кажется, Борис. Ну да, Борис. Он ушел вперед и вдруг остановился. Я помню, как он вдруг замер, но я тогда так устал, что

не понял, почему он стоит. И когда я подошел к нему, он ничего не сказал. Он плакал, и все лицо его обледенело. Видимость в тот день была плохая, но иногда снежная пелена рассеивалась на минуту, и мы поняли, что там, внизу, долина, а в долине есть деревья. Значит, есть жизнь...

Дул ветер, к счастью, несильный, коза начала скакать, резвиться, радуясь простору, подбрасывая мохнатый зад, оставляя глубокие треугольные следы на снежной простыне. Остановилась возле бурой проплешины, стала разрывать смерзшуюся землю роговой нащепкой на носу, вздыхая, ахая и блея — видно, в земле что-то невероятно вкусное.

— Здесь нет дичи, — сказал Дик с осуждением. Он обращался к Томасу, будто тот был в этом виноват.

— Дня через три, если все будет нормально, дойдем, — сказал Томас. — Или через четыре.

— А говорят, что вы шли две недели.

— Мы шли тринадцать дней. Была зима, было много больных и раненых, а сейчас мы налегке. Удивительно, как будто вчера было — мы стоим с Борисом и смотрим вниз. И понимаем, что есть надежда.

До темноты удалось перейти плоскогорье и достичь предгорий.

* * *

Ночью похолодало, был мороз. Дик с Олегом положили Марьяну и Томаса посередине. Томас так вымотался за день, что даже не спорил. Он был горячим, но никак не мог согреться, и, когда он начинал заходиться в сухом кашле, Олег обнимал его, стараясь согреть, а Марьяна давала ему напиток микстуры от кашля, которую она сама приготовила. Марьяна не спала, и, чтобы скоротать ночь, они шептались с Олегом, а Дик, которому хотелось спать, демонстративно фыркал. Потом сказал:

— Завтра дневки не будет, ясно?

— Ну и что? — спросил Олег.

— Заставлю идти, как бы вам ни хотелось дрыхнуть.

— Не бойся, — сказал Олег, — из-за нас задержки не будет.

— Из-за кого бы то ни было.

Олег не стал спорить. Он понимал, что Дик имеет в виду Томаса. Он думал, что Томас спит, не слышит. Но Томас услышал и сказал:

— По-моему, у меня пневмония, простите, что так неудачно получилось, друзья.

Они разбили палатку в большой нише, тут было теплее, чем на открытом месте, и коза топталась рядом, вздыхая, потом начала шуршать, ковырять в земле.

— Чего она ищет? — прошептала Марьяна.

— Улиток, — сказал Олег. — Я видел, как она нашла улитку.

— Я думала, им тут холодно.

— Мы же живем, значит, и другие могут.

— Ничего здесь нет, — сказал Дик. — Спите.

Закашлялся Томас. Марьяна опять дала ему напиток. Слышно было, как его зубы стучат о край кружки.

— Надо было тебе вернуться, — сказал Дик.

— Поздно, — сказал Томас, — до поселка мне не дойти.

— Дурак ты, Дик, — сказала Марьяна, — законы забыл.

— Я ничего не забыл, — громко заговорил Дик. — Я знаю, что мы должны заботиться о больных. Я знаю, что такое долг, не хуже тебя знаю. Но мне все твердили одно и то же: если мы сейчас не дойдем до перевала, если мы не принесем железо и инструменты, поселок может погибнуть. Это не я придумал. Я не верю, что поселок погибнет. Мы отлично живем и без железа и

всяких штук. Я из своего арбалета могу свалить медведя за сто шагов.

— Еще бы, — сказал Олег, — у тебя же железные наконечники на стрелах. Если бы Сергеев их не ковал, как бы ты свалил медведя?

— Я могу сделать наконечник из камня. Тут дело не в материале, а в умении. Теперь нас погналы сюда, в горы...

— Тебя никто не гнал, ты сам пошел, — сказал Олег.

— Сам. Я ничего не боюсь. Но вы все знаете — через несколько дней зарядит снег. И если мы будем тянуться еле-еле, мы не перейдем перевал. И можем не вернуться обратно. И это глупо.

— А что ты предлагаешь? — спросил Олег. Ни Томас, ни Марьяна в их спор не вмешивались, но внимательно слушали его. Олегу казалось, что даже коза затихла слушая.

— Я предлагаю оставить здесь Марьяшку с Томасом. Дать им одеяла и пищу. Все оставить, а сами с тобой налегке добежим до перевала.

Олег не ответил. Он понимал, что Томаса оставить нельзя. Нельзя лишать Томаса цели. Это его убьет. Но вдруг Дик подумает, что он боится идти дальше вдвоем?

— Ты испугался? — спросил Дик.

— Я не о себе, — сказал, наконец, Олег. — Если Томас будет болен, он не сможет защитить Марьяну. А Марьяна его. А если звери? Если здесь хищники? Как она справится?

— Марьяшка, справишься? — Дик не спросил, а будто приказал, будто имел право приказывать.

— Я дойду, — сказал Томас. — Я дойду, не бойтесь, друзья. Мне надо дойти... я иду туда уже шестнадцать лет, ну поймите, я же иду...

И голос Томаса был горяч, быстр, словно полон слез.

— Тогда спи, — сказал Дик, переждав долгую паузу, в которой никто ничего не сказал, никто не согласился с ним, но и никто не убедил Дика.

А утром спор прекратился сам собой. По очень простой причине. Когда Олег, встав первым — голова болела, ноги как деревянные, спина промерзла до позвоночника, — выбрался из ниши, он увидел на белой долине плоскогорья цепочку углублений, в которых даже не сразу угадал следы, будто кто-то вдавливал в снег большие бочки.

Олег разбудил Дика, и вместе они осторожно прошли дальше по следам в ту сторону, куда указывали углубления когтей. Следы кончались у крутого откоса — этот зверь мог подниматься и по скалам.

— Какой он? — спросил Олег шепотом.

— Ляжет на дом, раздавит, — сказал Дик. — Вот бы такого подстрелить.

— Надежды мало, — сказал Олег, — даже с твоим арбалетом. Ты ему шкуру не пробьешь.

— Постараюсь, — сказал Дик, — пошли назад?

— Не хотел бы я оставить Марьяшку с Томасом здесь, — сказал Олег.

— Я не настаиваю, — сказал Дик, — хотя, может, это травоядное.

— Даже если бродячее растение, как подорожник, — сказал Олег, — нельзя рисковать.

— Вы где были? — спросила Марьяна, которая разжигала костер. — У Томаса температура упала. Хорошо, правда?

— Хорошо, — сказал Олег.

Они рассказали про следы, потому что Марьяна их все равно бы увидела. Но она не испугалась. Мало ли какие звери водятся вокруг! Если их понять, оказывается, что далеко не все злые и опасные. Звери заняты своими делами.

— Садитесь, — сказала Марьяна, — позавтракаем.

Томас вылез из-под палатки. Он был бледен и слаб. В руке держал флягу. Садясь рядом с Олегом, отвинтил ее и отхлебнул.

— Надо согреться, — сказал он хрипло. — Когда-то врачи прописывали слабым и больным кагор.

Марьяна достала свой мешок.

Из него выкатился гриб.

Мешок был разорван, изжеван. И пуст.

— А где грибы? — спросила Марьяна у Томаса. Как будто он должен был знать, где грибы.

— Чего? — Дик вскочил. — Ты не спрятала на ночь мешок под палатку?

— Я так устала, — сказала Марьяна. — Я думала, что положила, а он остался снаружи.

— Где эта скотина? — сказал Дик тихо. — Она нам за это заплатит.

— Ты с ума сошел! — закричала Марьяна. — Может, это вовсе не коза?

— А кто? Ты? Томас? Я? Мы что теперь жрать будем? Как мы дойдем?

— У нас еще есть мясо, — сказала Марьяна.

— Покажи. Может, и его нет?

— Зачем коза будет есть мясо? — сказала Марьяна.

Дик был прав. Мясо исчезло тоже. Осталось десятка два ломтиков. И все.

— Я не шучу. — Дик подобрал со снега арбалет. Коза, будто сообразила, что ей грозит, вдруг резко отскочила за скалу.

— Ты не уйдешь, — сказал Дик.

— погоди, — сказал Олег. — погоди, если нужно, успеешь. Всегда успеешь. Ведь Марьяна хочет разводить их, понимаешь, как это важно для поселка. Значит, у нас всегда будет мясо.

— Для поселка важно, чтобы мы не подошли, — сказал Дик. — Мы надежда поселка. Без нас коза в поселок не придет. Ей тоже жрать нечего. Вот она и убежит.

— Нет, Дик, пожалуйста, — сказала Марьяна. — Ведь у козы будут маленькие, понимаешь?

— Тогда пошли назад, — сказал Дик. — Кончился наш поход. Нет в нем смысла.

— Подожди, — сказал Томас. — Пока еще решаю я. Если ты хочешь, я разрешаю тебе вернуться назад. Ты доберешься, я не сомневаюсь. Я пойду дальше. И те, кто захочет.

— Я пойду дальше, — сказал Олег. — Мы не можем ждать еще три года до следующего лета.

— Я тоже пойду дальше, — сказала Марьяна. — И Дик пойдет. Он не злой, вы не думайте. Он хочет, чтобы всем лучше.

— Не надо объяснять, — сказал Дик. — Я все равно убью эту скотину.

— На сегодня пища есть, — сказала Марьяна.

— Конечно, было бы неплохо вернуться вместе с козой. Мы можем даже ее навьючить. Мы все равно идем вдвое быстрее, чем тогда, — сказал Томас.

Томас еще отхлебнул коньяка и поболтал флягой. По звуку было ясно, что огненной воды осталось совсем мало.

— Еще один день, — сказал Дик, — и возвращаться уже будет поздно. А тебя, Томас, это касается больше, чем остальных. Ты понимаешь?

Марьяна засуетилась возле костра, спеша вскипятить воду. У нее еще остались сладкие корешки, горсти две.

* * *

Уже часа через два ходьбы Олег подумал, что прав все-таки был Дик. Они шли без тропинки, по снежной целине, путь беспрерывно шел вверх, к тому же приходилось обходить скалы, пробираться по расщелинам, пересекать ледники, воздух был резким, острым, и дыхание сбивалось. Олег привык недоедать, привык к тому,

что никогда не наешься досыта, но все-таки голодать не приходилось — в деревне всегда были кое-какие запасы. А тут голод, бродивший по соседству, сразу обрушился на Олега, как только стало ясно, что впереди дни без еды, совсем без еды. Олег поймал себя на том, что смотрит на козу с вожделением, надеется, что она упадет в расщелину, неожиданно умрет и тогда не надо будет отказываться от своих слов — ну, найдем другую, твердил он беззвучно, найдем другую.

И, как бы подслушав его мысли, Томас сказал:

— Наше счастье, что мясо идет само. Нам бы сейчас его не дотащить.

— Стойте.

Это был голос Дика. Дик подошел к козе, неся в руке крепкую, плетенную из водорослей веревку, накинул ее козе на шею. Коза покорно и тупо ждала, пока ее привяжут. Потом Дик протянул свободный конец веревки Марьяне и сказал:

— Веди. Я не хочу рисковать.

Олегу было тяжело. Он вытащил из мешка Томаса его дрова, и собственный мешок оттягивал плечи и сбивал дыхание.

Днем они сделали привал. Долгий, потому что все выбились из сил, а Томас шел и покачивался, так что его хотелось поддержать. Лицо его побагровело, глаза были полузакрыты, но он упрямо шел и шел вперед, к своему перевалу; к перевалу, который значил для него больше, чем для остальных.

Часа через два после привала Томас забеспокоился.

— Погодите, — сказал он. — Как бы не сбиться. Здесь должен быть лагерь. Я помню эту скалу.

Томас сел на камень, развернул трясущимися руками карту и стал водить по ней пальцем. Дику это ничего не говорило, он пошел вперед, надеясь подстрелить добычу. Олег присел на корточки рядом с Томасом.

Карта была нарисована чернилами еще в то время, когда были чернила — густая паста, которой заполнялись ручки. Ручки Олег видел. Только они не писали.

Карту сделали еще тогда, когда построили первые дома поселка и решили, что при первой возможности они вернутся к перевалу. Все вместе рисовали эту карту.

— Мы здесь, — сказал Томас. — Уже больше половины дороги. Я и не рассчитывал, что можно так быстро идти.

— Погода хорошая, — сказал Олег.

— Судя по всему, мы здесь ночевали, — сказал Томас. — Должны быть следы, а их нету.

— Сколько лет прошло, — сказал Олег.

— Вот так... — бормотал Томас, — группа скал... три скалы, нет, четыре. Ах да, чуть не забыл... — Он обернулся к Олегу: — Возьми это. Обязательно возьми. Без этого в корабль ни ногой. Помнишь?

— Это... счетчик радиации, да?

— Счетчик радиации, ты же знаешь, почему мы не могли оставаться, там была такая радиация. А мороз — это впридачу.

— Может, поспите немного? — спросил Олег. — Вам трудно. А потом пойдем...

— Нет, останавливаться нельзя. Это смерть. Я за вас отвечаю... Где же лагерь, надо глубже выкопать... Мы их похоронили, но сил не было глубоко копать, понимаешь, обязательно надо глубже...

Олег подхватил Томаса, который начал валиться с камня.

Вернулся Дик, осуждающе поглядел на то, как Олег кутает Томаса в одеяла, а Марьяшка хлопочет, быстро раздувая костер, чтобы согреть микстуру. Дик молчал, но Олегу казалось, что он повторяет: «Я же предупреждал».

Олег сам отвинтил крышку фляги, понюхал коньяк — запах был острым, скорее приятным, но пить не хо-

телось, это было не для питья. Поднес осторожно к спекшимся губам Томаса, который шептал что-то неразборчиво, тот глотнул и сказал почему-то «скооль».

Дальше пойти смогли только к сумеркам. Томас пришел в себя, его закутали в одеяла, мешок нес Олег, арбалет взял Дик. Из-за этой остановки шли, вернее, карабкались по откосу, усыпанному громадными неустойчивыми камнями, часа два, не больше, потом стало плохо видно, и пришлось искать ночлег.

Похолодало, небо здесь было совсем другого цвета — не только серым, как в лесу, а приобрело к вечеру краски тревожные — красноватые, фиолетовые, и это пугало, потому что в небе не было надежности.

Очень хотелось есть. Олег готов был жевать камни. И еще наглая коза, как только сняли и сложили на снег мешки, подбежала к ним, попыталась разбросать их клювом, будто люди только тем и занимались, что прятали от нее еду.

— Иди отсюда! — прикрикнул на нее Олег. Кинул в нее камнем. Коза отскочила с блеянием.

— Не надо, — сказала Марьяшка. На ней лица не было, так устала. Даже почернела за день, даже стала меньше, тоньше. — Она же не понимает. Она же думает, что ей дадут есть. Ей больше надо, чем людям.

В тот вечер Дик ударил Марьяну.

Они жевали последние кусочки мяса, сухие ломтики. Запивали их кипятком, это был обман, а не еда, потому что человеку надо съесть хотя бы горсть ломтиков, чтобы почувствовать сытость. А Марьяна потихоньку отдала свой ломтик этой несчастной козе, думала, что никто не заметит, но заметили все, кроме Томаса, который был в полузабытьи. Олег промолчал, он решил потом сказать Марьяне, что это глупо. Он понимал Марьяну, но и понимал, что это глупо — кормить козу, когда сами скоро помрут от голода.

Но Дик молчать не стал. Он протянул руку над ко-

стрем, длинную руку с большими крепкими пальцами, и коротко наотмашь ударил Марьяну по щеке. Марьяшка вскрикнула:

— За что?

Олег кинулся на Дика, Дик легко отшвырнул его.

— Идиоты, — сказал он зло, — скопище идиотов. Вы сами себя решили голодом уморить? Вы никогда не дойдете до перевала!

— Это мой кусок мяса, — сказала Марьяшка, глаза ее были сухими и злыми, — я не хочу есть.

— Ты хочешь, — сказал Дик, — а мяса осталось только по два ломтика на завтра. Только по два ломтика. А идти в гору. Зачем только я пошел с вами!

Вдруг он схватил нож и, не оборачиваясь, сильно метнул его в козу. Вырвав клочок зеленоватой шерсти, нож ударился о скалу, звякнул. Дик вскочил, коза рванулась, натянула веревку. Дик подобрал нож. Наконецник был обломан.

— Идиоты! — закричал Дик. — Почему все вокруг ничего не понимают! Почему не понимают, что мы уже никогда не вернемся!

Он не глядел на заплакавшую Марьяшку, на Олега, который ничего лучше не придумал, как начать совать Марьяне свой последний ломтик, будто она была маленькой девочкой. Та отталкивала его руку, а Дик, быстро развернув свое одеяло, во весь рост растянулся на нем и закрыл глаза. Заснул или сделал вид, что спит.

Томас кашлял вяло, словно у него не осталось сил кашлять.

Олег поднялся и закутал его в палатку. Потом они с Марьяшкой легли с двух сторон Томаса, чтобы согреть его. Пошел снег. Снег был не холодный, он покрыл их толстым слоем, коза пришла уже в темноте и тоже легла рядом с ними: понимала, что всем вместе теплее.

Олег и эту ночь почти не спал, или ему казалось, что не спит. Кто-то громадный прошел неподалеку, застилая

голубой свет утра, потом сразу стало холоднее — поднялась коза и пошла искать себе пропитание, а потом Олега укусила блоха. Откуда она взялась, непонятно. Может, пряталась в одежде или в козлиной шерсти.

У снежной блохи особенный укус — ни с чем не спутаешь. И никто не спутает — пока еще не придумали, как от блох укрываться и как этот укус лечить. Этот укус безнадежен, как смерть. Можно плакать, кричать, звать на помощь, и никто не поможет. Все происходит по часам. Сначала укус — укол, холодный, словно под кожу загнали льдинку и это ледяное жжение, острое, такое, что человек сразу просыпается и замирает в ужасе и бессилии. И потом ничего — целый час ничего. А потом человек теряет разум — это происходит одинаково со всеми: с умным, глупым, маленьким, стариком. На полчаса, на час, человек оказывается во власти кошмаров. Старый говорил, что, будь у него микроскоп, он бы легко с этой болезнью расправился — понял бы, какой участок мозга поражен и как возбудитель действует на нервную систему... Человек начинает буйствовать, он становится диким, он никого не узнает, он может убить самого близкого и потом ничего не будет помнить. Когда в поселке был первый случай этой болезни, никто не знал, что произошло. И еще было несколько страшных случаев, пока не поняли, что с блошиной лихорадкой, с этим припадком не надо бороться — надо связать больного, спрятать его подальше и просто ждать, пока буйство пройдет и он придет в сознание. Вот и все. Когда-нибудь, когда научатся лихорадку лечить, это будет иначе. А сейчас выход один... И если в деревне случается, что кто-то укусит снежная блоха, махонькое, ничтожное создание, он сам спешит к людям и просит — свяжите меня! И в этом есть что-то ужасное. Человек еще здоров, он рассуждает и понимает, как обреченный на смерть, что пройдет еще несколько минут и он исчезнет, а вместо него возникнет злое, бессмысленное существо. И каждый

видел, как это случается с другими. И каждому стыдно думать, что это случится с ним. И каждому страшно пережить те кошмары и сны, которые мучают человека во время припадка. И потому, когда Олег почувствовал холодный укус блохи, он проснулся и сразу поднял остальных.

— Дик, — сказал он виновато, — прости, у тебя веревка далеко?

— Что? — Дик вскочил, начал шарить руками в темноте. Рассвет только начинался. Томас прохрипел во сне, но не проснулся.

— Ой, горе какое! — запричитала Марьяна. — Тебя блоха укусила?

— Только что.

Дик зевнул.

— Мог не спешить. У тебя час времени, как минимум час.

— Бывает и раньше, — сказал Олег. — Так неудачно получилось.

— Да, еще этого не хватало, — согласился Дик. — Вылезай на мороз.

— Я тебя потом накрою одеялом, — сказала Марьяна. — И посижу с тобой.

— Эх, — сказал Дик, разыскивая веревку, — опять вовремя не выйдем.

— Ну это же пройдет, — сказал Олег.

— После припадка часа два лежать, не меньше, по себе знаю, — сказал Дик. Он не сердился на Олега, он был зол на судьбу, на сплошные неудачи этого похода.

Ощущение холода в бедре, там, куда укусила эта блоха, не пропадало, Олег все время ощущал укус и представлял, как отравленная крошечной капелькой яда кровь течет, пульсируя, к мозгу, чтобы напасть на него и лишить Олега разума.

Дик не спеша проверил веревку. Марьяна стала разжигать костер.

Рассвет был синим, совсем другим, чем в долине, где день всегда был сер.

— Ну что ж, — сказал Дик, — подставляйся.

— Только чтобы он себе что-нибудь не сломал, — сказала Марьяна. — Бедный Олежка!

— Не в первый раз мотаю, — сказал Дик. — Жуткое дело эти блохи. Ты расслабься, Олег, так легче. И думай о другом.

Сначала он связал руки Олега, за спиной, потом обмотал грудь и ноги. Веревки туго впивались в тело, но Олег терпел, он знал, что в припадке у человека, как у сумасшедшего, появляются дополнительные силы, он становится сильным как медведь. Так что, если пожалеешь сейчас, потом всем будет хуже.

Застонал Томас. Его взлохмаченная пегая голова высунулась из-под палатки, он жмурился, не в силах сообразить, где он. Глаза Томаса налились кровью, лицо было красным, распаренным. Наконец он разглядел Дика, который связывал Олега. Олег смущенно улыбался — неприятно доставлять людям такие беспокойства, неприятно понимать, что скоро твое «я» исчезнет. Старый как-то рассказывал, что в средние века эпилептичек и других ненормальных женщин называли ведьмами и даже сжигали на кострах, если ими вот так же овладевали бесы.

— Блоха, — сказал Томас, — всюду блохи... всюду твари...

— Вы еще поспите, — сказал Олег. — Я не скоро в себя приду, вы же знаете. Отдыхайте!

— Холодно, — сказал Томас, — нельзя спать, мне скоро выходить на вахту, и опять барахлит компьютер, наверное, в него залезла блоха.

— И зачем мы только пошли, — сказал Дик. — Нельзя было такую компанию в горы пускать.

— Других не было, — сказала Марьяна. — Больше некому идти, ты же понимаешь.

Холод постепенно распространялся по всему телу, но это был не обычный холод, а свербящий, тянущий жилы, как будто множество маленьких льдинок суетилось, толкалось в груди, в ногах... Голова Томаса начала увеличиваться...

— Ну вот, — сказал Дик, — вроде замотал я тебя сносно. Не тянет?

— Тянет. — Олег постарался улыбнуться, но скулы уже свело судорогой.

— Слушай... — Дик обернулся, — а где коза?

— Коза? Ночью я ее слышала.

— Где коза, я спрашиваю! — Голос Дика поднялся, стал мальчишеским, высоким от злости. — Ты ее привязала?

— Я ее привязывала, — сказала Марьяна, — но она, наверное, развязалась.

— Где коза, я спрашиваю! — Видно, раздражение, копившееся в Дике, должно было найти выход — вот и подвернулась коза как символ всех неудач.

— Не сердись, Дикишка, — сказала Марьяна. Она старалась укутать Олега одеялами. — Коза, наверно, ищет чего поесть, ей же надо есть...

— Здесь ей нечего искать. Почему ты ее не привязала?

Дик вытащил из-под полога свой арбалет, сунул за пояс нож.

— Ты куда? — спросила Марьяна, хотя отлично знала куда.

Дик внимательно осматривал снег вокруг, стараясь увидеть следы животного.

— Она вернется, — сказала Марьяна.

— Она вернется, — повторил Дик, — только в виде мертвой туши. Хватит. Я не хочу помирать с голоду от твоих глупостей.

Дик рос и рос, скоро он достанет головой до неба, но он может расшибиться об облака, ведь облака стеклян-

ные, твердые... Олег сильно зажмурился и снова открыл глаза, чтобы изгнать видение. Томас сидел на одеяле и раскачивался, словно беззвучно пел песню.

— Марьяшка, согрей кипятку. — Олегу показалось, что голос его звучит твердо и громко, на самом деле он шептал почти беззвучно, — для Томаса. Ему плохо.

Марьяна поняла.

— Сейчас, Олежка, конечно.

Но она не отрывала глаз от Дика.

— Я так и думал, — сказал Дик. — Она пошла обратно. Вниз. За ночь она могла пройти километров двадцать.

— Дик, останься здесь, — сказал вдруг Томас внятно и громко. — Марьяшка сама найдет козу. Ты же ее убьешь.

— Можешь не сомневаться, — сказал Дик. — Можешь не сомневаться. Хватит глупостей.

— Я пойду, я найду ее, — Марьяна забыла о кипятке. — Тебе, Дик, нельзя сейчас уходить. Томас болен, а за Олегом надо следить.

— Ничего с ними не случится. — Дик запустил пальцы в густую темную гриву волос, рванул их, мотнул головой. — Справишься, Марьяна.

И он, не оборачиваясь, быстро и легко пошел по следам козы вниз, откуда они пришли вчера.

— Я хотел, чтобы ты пошла, — сказал Томас, — ты бы привела ее. А он ее убьет.

Олег, хоть мир вокруг него все время менял форму и пропорции, становился все более зыбким и ненадежным, все еще сохранял способность думать. Олег сказал:

— Дика можно понять... нам в самом деле не везет.

— Осталось идти совсем немного, — сказал Томас. — Я знаю. Мы идем быстро. Мы будем там завтра. До завтра мы дотянем и без мяса. Ведь дотянем? А за перевалом пища. Я вам обещаю, друзья. Дик, я обещаю!

Дик поднял руку, чтобы показать, что слышит, —

звuki далеко разносились над снежным склоном, но шага не замедлил.

— Козу поймать пужно, — обернулся Томас к Марьяне. — Она нам нужна. Но не надо убивать. В этом нет смысла... Что-то меня жжет. Как жарко... Почему так болит печень? Это нечестно. Мы уже рядом.

— Он убьет ее... — сказала Марьяна. — Он ее обязательно убьет... Дн-и-нк!

Марьяна обернулась к Олегу и Томасу.

— Ну что делать, ну скажите, вы же умные, вы же все знаете! Ну как его остановить?

— Мне его не догнать, — сказал Томас. — К сожалению, я для него уже не авторитет.

— Сейчас... — сказал Олег. — Ты только распутай меня. Может, я успею до припадка, может, я успею?

Марьяна только отмахнулась. Она сделала два шага за Диком, вернулась, посмотрела на Томаса, на Олега.

— И вас нельзя оставить.

— Да беги тогда! — вдруг закричал Томас. — Беги скорей!

— Можно?

— Беги, — сказал Олег.

— Но как же я вас оставляю... А вдруг какой-нибудь зверь.

— Беги же! — повторил Олег. — И возвращайся.

И Марьяна легко, словно не касалась снега, понеслась вниз по склону туда, где уже исчез Дик.

— Жалко девочку, — сказал Томас, — она привязалась к этому зверю.

— Жалко, — сказал Олег. — Как странно, что у вас нет формы. Вы бываете толстый и потом совсем тонкий, как спичка.

— Да, — согласился Томас. — Ты лежи поудобнее, почему-то сначала этот яд действует на зрение. Я помню, меня раза три она кусала. Но не бойся, побочных эффектов практически не бывает. Не бойся.

— Я понимаю, но все равно страшно потерять себя, понимаете? Вот сейчас это я, а скоро меня не будет.

Олега тянуло вниз, в синюю воду, и очень трудно было удержаться на поверхности воды, потому что ноги были спутаны водорослями и надо их освободить, надо вырвать их, а то утонешь.

* * *

Одеяло, которым Марьяшка накрыла Олега, слетело. Олег не удержался у стены и упал на снег. Глаза его были закрыты, губы шевелились, лицо потемнело от напряжения, от желания разорвать путы. Томас постарался подняться, чтобы помочь Олегу, накрыть его или хотя бы положить голову себе на колени. Это полезно делать в таких случаях — держать голову. Томас постарался подняться, но ноги отказывались его держать. Олег выгнул спину и буквально взлетел в воздух, оттолкнулся кулаками от земли и покатился вниз по откосу. Он перевернулся несколько раз, ударился о торчащую из снега глыбу и замер. Его куртка разорвалась, снег не таял на голой груди.

Так нельзя, думал Томас. Надо обязательно до него добраться. Чертова коза, чертов Дик с его комплексом сильной личности. А ведь Дик уверен, что прав, и уверен, что им владеет лишь забота обо всех. Ис его дикарской точки зрения он прав, с его дикарским неумением посмотреть в будущее... Не слишком ли скоро человек коллективный, хомо цивилизованный становится дикарем? Может, мы были не правы, позволяя нашим детям вырасти в волчат, чтобы им легче было выжить в лесу? Но у нас не было выбора. За пятнадцать лет мы, взрослые, так и не смогли дойти до перевала. И надежда на это не возникла бы, если бы не выросли Дик и Олег. Сколько у меня сейчас, наверное, за сорок? Очень больно дышать — двусторонняя пневмония, для такого диагноза

не надо быть врачом. Если я не доберусь до корабля, моя песенка спета. Никакое мясо козы мне не поможет. И идти надо самому — ребятам не дотащить меня до перевала... Что же Олечка? Блоха — это крайняя степень невезения, словно рок, притаившийся в скалах или в лесу, не хочет отпускать нас к человечеству, словно лес хочет превратить нас в своих детей, в шакалов на двух ногах — он согласен терпеть наш поселок, но только как свое собственное продолжение, а не как отрицание. Там, за глыбой, темнеет обрыв, вроде бы невысокий обрыв, но если Олег сейчас упадет вниз, он разобьется. Где веревка, где вторая веревка, надо примотать его к тому камню...

Томас полз вниз, хорошо, что вниз, вниз ползти легче и только жжет снег — почему-то снег умудряется проникать всюду и очень жжет грудь. Когда кашляешь, то тихонько, чтобы не разорвать легкие, а кашель накапливается и рвется из груди, и его ничем не удержишь.

Томас полз вниз, волоча за собой веревку, которая казалась ему невероятно тяжелой, свинцовой, веревка разматывалась и волочилась как змея. Олег забился поптичь, стараясь разорвать путы, затылок его колотился о камень, и Томасу физически передавалась боль, владевшая Олегом, владевшая им в кошмаре, но тем не менее реальная, трансформировавшаяся в видение, — Олегу в этот момент казалось, что на него упала крыша дома. До Олега оставалось метров десять, не больше. Томас понимал, что тот его не слышит, не может услышать, но твердил:

— Потерпи, я иду, — а сам старался поднять голову, чтобы увидеть, не возвращаются ли Марьяна с Диком, но они, как назло, не возвращались.

Главное было успеть, успеть, прежде чем Олег скатится к обрыву, тогда будет поздно — и поздно будет идти к перевалу, поздно завершать поход, который растянулся на пятнадцать лет. Эти малыши-глупыши не

знают, что там, за перевалом, я первым делом отыщу пачку сигарет, пускай они дивятся, бегают, охают, а я усядусь в кресло, в мягкое кресло и затянусь впервые за эти годы. Марьяшка испугается, почему из меня идет дым, а у меня закружится от первой затяжки голова... Почему у меня сейчас кружится голова? Я же не курю!

Когда Томас дотянулся до Олега, он на несколько секунд потерял сознание, все силы ушли на то, чтобы поползти. Тело, движимое только этим отчаянным желанием, отказалось более подчиняться, как бы выполнив все, на что было способно.

Томаса привел в себя порыв ледяного ветра, принесший заряд снега, а может, невнятный шепот Олега и его хриплое дыхание. Томасу больше всего на свете хотелось закрыть глаза, потому что вот так лежать, ничего не делать, ни о чем не думать — это и было теплой, уютной сказкой, исполнением желаний.

Олег сдвинулся еще на метр, он бился, стараясь освободиться от веревок, отталкивался связанными ногами от глыбы. Томас подтянул к себе веревку, стараясь сообразить, как ему примотать Олега надежнее к скале, и никак не мог понять, как это делается, а потом оказалось, что его рука пуста — веревку он выпустил, ее конец, свернутый кольцом, остался в нескольких метрах сзади и вернуться к нему не было сил. Томас подтянулся, чтобы уцепиться за ноги Олега, но тот сильно дернулся и отбросил Томаса, тело которого не почувствовало боли.

Томас понял, что так ему Олега не удержать, и что Олег будет вырываться и дальше, и что Олег, даже связанный, куда сильнее Томаса, и потому Томас возобновил свое медленное путешествие к обрыву, чтобы оказаться между ним и Олегом, превратиться в барьер, в препятствие, в неподвижную колоду. Томасу казалось, что он ползет несколько часов, и он умолял, уговаривал Олега потерпеть, полежать спокойно, и все же, когда ему удалось наконец поползти до узкой полки, отделявшей

Олега от обрыва, Олег сполз уже так низко, что Томасу пришлось протискиваться между телом Олега и острыми камнями на краю.

И наверное, Томасу удалось бы откатить, оттащить Олега обратно, наверх хотя бы на несколько метров, к безопасности, если бы сам он мог удержаться за зыбкий край сознания и не решил бы передохнуть несколько секунд, прежде чем приниматься за сизифов труд...

* * *

Марьяна прибежала к лагерю запыхавшись, ей казалось, что она отсутствовала несколько минут, в самом деле ее не было больше часа. Она бежала прямо к палатке и потому не сразу поняла, что произошло. Она увидела только, что лагерь пуст, и сначала даже откинула край палатки, решив, что Томас с Олегом прячутся там от снега, хотя палатка лежала плоско на земле и спрятаться под ней никто бы не мог.

Марьяна в растерянности оглянулась и увидела след в снегу, который уходил вниз к скале, след такой, будто кто-то тащил по снегу тяжелый груз, и ей сразу почудилась страшная картина: животное, которому принадлежали круглые, как от бочки, следы тащит обоих мужчин, и виновата в этом только она, потому что побежала спасать козу и забыла о людях, о больных людях в снежной пустыне, чего делать нельзя, нельзя, нельзя. И все получилось ужасно и глупо, потому что она не догнала Дика и не нашла козу, а оставшись одна среди скал, испугалась, что не найдет пути к лагерю, испугалась за Томаса с Олегом, которые беспомощны, побежала обратно и вот опоздала.

Марьяна семенила вниз по склону, всхлипывая и повторяя:

— Мапочка, мамочка...

Почему-то на снегу лежала веревка. Олегу удалось распутаться?

Она обогнула серую глыбу и увидела, что на краю обрыва лежит связанный Олег, а Томаса нигде нет.

— Олег! Олечка! — закричала она. — Ты живой?

Олег не ответил. Он спал. Люди всегда засыпают, когда пройдет припадок. Он был один, но след от его тела продолжался вниз, к обрыву, и, когда Марьяна заглянула вниз, она увидела что там, недалеко, метрах в пяти, лежит Томас, очень спокойно и как-то даже удобно, и поэтому Марьяшка не сразу догадалась, что Томас уже мертв. Тогда она спустилась вниз, спеша и обламывая ногти о ледяные камни, долго трясла его, старалась разбудить и вдруг поняла, что Томас умер, разбился. А Олег, который пришел в себя, услышал шум и плач Марьяны и спросил слабым голосом:

— Ты что, Марьяшка, что случилось? — Он совершенно не помнил, как столкнул Томаса вниз, хотя потом по следам и по отрывочным кошмарным видениям Олега они смогли понять, как и почему все произошло, и догадались, как умер Томас.

* * *

Дик вернулся в лагерь еще через два часа. Он не догнал козу и потерял ее следы на большой каменной осыпи. На обратном пути он встретил следы неизвестного животного и пошел по ним, думая подстрелить дичь, решив, что если придет в лагерь с добычей, то можно будет сказать, что он нарочно оставил козу в покое, пожалел Марьяну. И он искренне верил уже, что пожалел Марьяну, потому что не выносил неудач.

Когда он узнал, что случилось в лагере без него, он оказался трезвее и спокойнее остальных и сказал Олегу:

— Не говори глупостей. Никого ты не убивал и ни в чем не виноват. Ты же не знал, что столкнул Томаса. Ты

должен быть благодарен ему, что он тебя старался удержать. Может, он ничего и не успел сделать, вернее всего, он ничего не успел сделать, но все равно он хотел тебя спасти. Может, даже так лучше, потому что Томас был совсем болен, он мог умереть в любую минуту, но хотел идти к перевалу, и потому нам пришлось бы тащить его, и все погибли бы, и никто бы не дошел до перевала, и не вернулся обратно.

— Ты хочешь успокоить Олега, — отвечала Марьяна, раскачиваясь от боли — она отморозила руки и ободрала их в кровь, когда старалась оживить Томаса и когда они вместе с шатавшимся от слабости Олегом тащили тело Томаса к палатке. — Ты хочешь успокоить Олега, а виноваты мы с тобой. Мы их бросили. Если бы мы не побежали за козой, Томас был бы жив.

— Правильно, — сказал Дик, — тебе не надо было бежать за мной. Это глупость, женская глупость.

— Неужели ты не винишь себя? — спросила Марьяна.

Томас лежал между ними, закрытый с головой одеялом, и как будто присутствовал при этом разговоре.

— Я не знаю, — сказал Дик. — Я пошел за козой, потому что нам нужно мясо. Нужно, чтобы дойти. Нужно всем. Мне меньше других, потому что я сильнее всех.

— Я не хочу с ним больше говорить, — сказала Марьяна. — Он холодный, как этот снег.

— Я хочу быть справедливым, — сказал Дик. — От того, что мы будем метаться и стонать, никому не лучше. Мы теряем время. День уже перевалил за середину.

— Олег еще слабый, чтобы идти, — сказала Марьяна.

— Нет, ничего, — сказал Олег, — я пойду. Только надо взять у Томаса карту и счетчик радиации. Он говорил мне, что, если что-нибудь случится, надо взять эти вещи.

— Не надо, — сказал Дик.

— Почему?

— Потому что мы идем обратно, — сказал Дик спокойно.

— Ты так решил? — спросил Олег.

— Это единственный путь, чтобы спастись, — сказал Дик. — Послезавтра мы будем в лесу. Там я найду добычу. Я вас приведу в поселок, я обещаю.

— Нет, — сказал Олег, — мы пойдем дальше.

— Глупо, — сказал Дик. — Теперь у нас нет шансов перейти перевал.

— У нас карта.

— А почему ты веришь ей? Карта старая. Все могло измениться. И никто не знает, сколько еще идти без еды, по голому снегу.

— Томас сказал, что мы шли быстро, что остался один день.

— Томас ошибался. Он сам хотел туда, и он нас обманывал.

— Томас нас не обманывал. Он сказал, что там есть пища и мы будем спасены.

— Ему хотелось в это верить, он был болен, он плохо соображал. А я соображаю хорошо. Я понимаю, что мы останемся живы, только если вернемся обратно.

— Я пойду к перевалу, — сказал Олег. Он сказал это, глядя на тело, покрытое одеялом, он обращался к Томасу, он обещал ему идти дальше.

— Я тоже пойду, — сказала Марьяна, — как ты не понимаешь?

— Марьяшка, — сказал Дик, постукивая большим кулаком по камню, отбивая такт словам, — я еще могу понять Олега. Ему заморочил голову Старый. Он всегда твердил ему, что он умнее, лучше нас с тобой, что он особенный. Он не мог быть лучше нас в поселке или в лесу, он всегда уступал мне. И даже тебе в лесу он уступает, понимаешь, это ему нужна эта сказка о перевале и

речи о дикарях, которыми мы не имеем права стать. А я не дикарь. Я не глупее его. Пускай тогда Олег идет, если он уверен. А тебя я не пушу — тебя я уведу вниз.

— Глупости, глупости, глупости! — закричала Марьяна. — Нас послал поселок. Нас все ждут и все надеются.

— Мы принесем больше пользы живыми, — сказал Дик.

— Пошли, — сказал Олег и протянул руку к одеялу, чтобы взять у Томаса карту и счетчик. И он медленно сказал: — Прости, Томас, что ты не дошел и я беру у тебя такие ценные вещи.

Он откинул край одеяла. Томас лежал, закрыв глаза, лицо его побелело, и губы стали тонкими. И Олег не смог заставить себя дотронуться до холодного тела Томаса.

— погоди, я сама, — сказала Марьяшка. — погоди.

Дик поднялся, подошел к скале, поднял со снега флягу, поболтал ею — там плеснул коньяк. Дик отвинтил крышку и вылил коньяк на снег. Острый незнакомый запах повис в воздухе. Дик завинтил крышку и повесил флягу через плечо. Никто ничего не сказал. Марьяна передала Олегу сложенную карту, счетчик радиации и нож Томаса.

— Нам его не закопать, — сказал Дик. — Надо отнести его под обрыв и засыпать камнями.

— Нет! — сказал Олег.

Дик удивленно поднял брови.

— А что ты предлагаешь?

И глупо было отвечать, что нельзя на Томаса класть камни. Ведь Томас мертв и ему все равно.

Все сделал Дик. Олег и Марьяна только помогали ему. Больше они ни о чем не говорили. Олег и Марьяна молча собрались, взяли совсем легкие мешки — даже дров осталось на один-два костра, разделили на три части последние ломтики вяленого мяса, и Марьяна отнесла

Дику его порцию. Тот положил ломтики в карман и ничего не сказал. Потом Олег и Марьяна поднялись и пошли, не оглядываясь, наверх, к перевалу.

Дик догнал их метров через сто. Догнал, потом обогнал и пошел впереди. Олег шел с трудом, еще не прошли последствия припадка. Марьяна хромала — ушибла ногу, когда лазила с обрыва. Они прошли всего километров десять, и пришлось остановиться на ночлег.

Олег свалился на снег и сразу заснул. Он не проснулся, чтобы напиться кипятку со сладкими корешками. И он не увидел того, что увидели Дик и Марьяшка, когда совсем стемнело. Облака вдруг разошлись, и на небе появились звезды, которых никто из них никогда не видел. Потом небо затянуло вновь. Марьяна тоже заснула, а Дик еще долго сидел у погасшего теплого костра, положив в него ноги, смотрел на небо и ждал — может, облака разойдутся вновь? Он слышал о звездах, старшие всегда говорили о звездах, но никогда раньше он не догадывался, какое величие и простор открываются человеку, который видит звезды. Он понимал, что им никогда не вернуться в поселок.

* * *

Они поднялись рано, они выпили много кипятку, растопив снег, и доели сладкие корешки, от которых голод лишь усилился. Они тащились в тот день медленнее, чем обычно, еле тащились, даже Дик выбился из сил.

Беда была в том, что они не знали, правильно ли идут. На карте были нарисованы ориентиры, и они не совпадали. Понятно почему: люди шли здесь в прошлый раз зимой, когда много снега, когда сильные морозы и мгла, и потому сейчас все вокруг выглядело иначе.

Наступило отчаяние, потому что перевал был абстракцией, в которую невозможно поверить, как невозможно представить себе звездное небо, если его не ви-

дел и знаешь лишь по рассказам. Олег жалел, что занулся и пропустил небо, но, может быть, оно повторится следующей ночью. Ведь облака на небе стали тоньше, сквозь них иногда проглядывала голубизна, и вокруг было куда светлее, чем внизу, в лесу.

Днем, когда все выбились из сил, Дик приказал остановиться и начал растирать снегом отмороженные щеки Марьяшке. Тогда Олег увидел в стороне на снегу синее пятно. Он сказал о нем остальным не сразу, потому что до него надо идти еще сто шагов. А сделать их не было сил.

Когда наконец Дик сказал, что пора идти, Олег показал на синее пятно. Они пошли к нему. С каждым шагом быстрее — самое трудное встать и сделать первые шаги, особенно если знаешь, что нечего есть и даже кончились дрова.

Это была синяя короткая куртка из прочного и тонкого материала. Она наполовину вымерзла из снега, и один рукав ее, набитый снегом, торчал вверх. Дик окопал снег вокруг, чтобы вытащить куртку из снега, а Олегом вдруг овладело болезненное нетерпение.

— Не надо, — сказал он хрипло, — зачем? Мы скоро придем, ты понимаешь, мы правильно идем!

— Она крепкая, — сказал Дик, — она нам нужна. Марьяшка совсем замерзла.

— Мне не нужно, — сказала Марьяна, — лучше пойдем дальше.

— Идите, я вас догоню, — сказал Дик упрямо. — Идите.

Они пошли дальше, а Дик догнал их через пятнадцать минут, неся куртку в руке, но Марьяна надевать ее не стала, сказала, что куртка мокрая и холодная. Но главное было то, что куртка чужая и ее кто-то носил. И если снял и бросил, то, может быть, человек этот погиб, потому что тогда погибло много людей. Всем известно, что с перевала вышло семьдесят шесть человек,

а до леса дошло чуть больше тридцати. И тех, кто не дошел, Марьяна боялась увидеть.

Они не добрались в тот день до перевала, хотя Олегу все казалось, что перевал будет вот-вот, — сейчас обойдем этот язык ледника, и будет перевал, сейчас минуем осыпь, и будет перевал... И подъем становится все круче, а воздуха все меньше.

Они ночевали, вернее, пережидали, пока кончится темнота, сжавшись в клубок, закутавшись всеми одеялами и накрывшись палаткой. Все равно спать было почти невозможно от холода, они только проваливались в забытие и снова просыпались, чтобы поменяться местами. От Марьяны, которая лежала в середине, почти не было тепла — она стала какой-то бестелесной и острой — птичьей кости. Они поднялись с рассветом, над ними было синее звездное небо, но они не смотрели на небо.

Потом постепенно рассвело, облака были прозрачные как туман, и сквозь них светило солнце, холодное, яркое, которого они тоже никогда не видели, но они не смотрели и на солнце. Они брели, обходя трещины во льду, осыпи и карнизы. Дик упрямо шагал впереди, выбирая дорогу, падая и срываясь чаще других, но ни разу не уступив первенства. И он первым вышел на перевал, не сообразив, что вышел на перевал, потому что склон, по которому они карабкались, незаметно для глаз выровнялся и превратился в плоскогорье, и потом они увидели впереди зубцы хребтов. Хребет за хребтом цепи снежных гор, сверкающие под солнцем, а еще через час внизу открылась долина, посреди которой, громадный даже отсюда, с километровой высоты, лежал круглый диск темного металлического цвета. Диск лежал, накренившись и вдавившись в снег, точно посреди этой котловины. До этой котловины капитан смог дотянуть корабль, когда после взрыва в двигательном отсеке отказали приборы. Он посадил корабль в этой котловине в метель, ночь и туман злой здешней зимы.

Они стояли в ряд. Три оборванных, изможденных ди-
каря, арбалеты на плечах, мешки из звериных шкур за
спинами, оборванные, обожженные морозом и снегом,
черные от голода и усталости, три микроскопические фи-
гурки в громадном и пустом безмолвном чужом мире, и
смотрели на мертвый корабль, который шестнадцать лет
назад рухнул на эту планету. И никогда уже не подни-
нется вновь.

Потом они начали спускаться вниз по крутому скло-
ну, цепляясь за камни, стараясь не бежать по неверным
осыпям, все скорее, хотя ноги отказывались слушаться.

И через час они уже были на дне котловины.

* * *

Шестнадцать лет назад Олегу был год с небольшим,
Дику чуть меньше двух, Марьяны еще не было на свете.
И они не помнили, как опустился здесь, в горах, исследо-
вательский корабль «Полюс». Их первые воспоминания
были связаны с поселком, с лесом; повадки шустрых ры-
жих грибов и хищных лиан они узнали раньше, чем
услышали от старших о том, что есть звезды и другой
мир. И лес был куда понятнее, чем рассказы о ракетах
или домах, в которых может жить по тысяче человек.
Законы леса, законы поселка, возникшие от необходи-
мости сохранить кучку людей, не приспособленных к
этой жизни, простые законы выживания все время стара-
лись вытолкнуть из памяти Землю и вместо памяти воз-
родить лишь абстрактную надежду на то, что когда-то
их найдут и когда-то все это кончится. Но сколько надо
терпеть и ждать, что это окончится? Десять лет? Десять
лет уже прошло. Сто лет? Сто лет значит, что спасут,
найдут не тебя, а твоего правнука, если у тебя будет
правнук и если он, да и весь поселок смогут просуще-
ствовать столько лет. Надежда, жившая в старших, для
второго поколения не существовала — она бы только

мешала жить в лесу, но не передать им надежду было невозможно, потому что даже смерть человеку не так страшна, если он знает о продолжении своего рода. Смерть становится окончательной в тот момент, когда с ней пропадаешь не только ты, но и все, что привязывало тебя к жизни.

Потому и старшие и учитель — все, каждый как мог, старались воспитать в детях ощущение принадлежности к Земле, мысль о том, что рано или поздно отторженность прервется. А на более реальной ступени связи с миром оставался корабль за перевалом. Он существовал, его можно было достичь если не в этот тысячедневный бесконечный холодный год, то в следующий, когда подрастут дети и смогут дойти до перевала. Смогут, если захотят, потому что внутренне они оторвались от Земли, потому что корабль для них чужд, а лес свой. Это дарило им возможность выжить, которой были лишены старшие, но это и угрожало в конечном счете смертью поселку — людской колонии.

Дик, Олег и Марьяна спускались в котловину, к кораблю, и он оставался, хоть и рос, и был веществен и громаден, легендой, чашей Грааля, и никто из них не удивился бы, если при прикосновении к кораблю он рассыпался бы в прах. Они возвращались к дому своих отцов, который пугал тем, что перешел в эту холодную котловину из снов и легенд, рассказанных при тусклом светильнике в хижине, когда за щелью окна, затянутого рыбьей кожей, рычит снежная метель.

Существование корабля возродило сны и легенды, придав им новый смысл и привязав абстрактные картинки, рожденные воображением и потому неточные, к реальности этого тела. Этого противоречия старшие никогда не понимали — ведь для них за повестью о том, как грянула катастрофа, как пришел холод и тьма, за рассказом о пустых коридорах, в которых постепенно гаснет свет и куда прорываются снаружи сухие снежин-

ки, — за всем этим скрывались зримые образы коридоров и ламп, молчание вспомогательных двигателей и шелканье счетчиков радиации. Для слушателей — Олега и его сверстников — в рассказе понятны были лишь снежинки, а коридоры ассоциировались с чащей леса или темной пещерой — ведь воображение питается лишь тем, что видно и слышано.

Теперь стало понятно, как уходили отсюда люди — тащили детей и раненых, хватали в спешке те вещи, которые должны понадобится на первое время, в тот момент никто еще не думал, что им придется жить всегда и умереть в этом холодном мире, — гигантские масштабы и невероятная мощь космической цивилизации даже здесь вселяли ложную уверенность, что все случившееся, как бы трагично ни было, лишь временный срыв, случайность, которая будет исправлена, как исправляются случайности всегда. Или почти всегда.

Вот тот люк.

Уходя, как рассказывал Старый, они закрыли его, а аварийную лестницу, по которой спускались на снег, отнесли в сторону, под нависшую скалу. Это место было отмечено на карте, но искать лестницу не пришлось — снег подтаял, и она лежала неподалеку, голубая краска кое-где облезла, а когда Дик поднял лестницу, то отпечаток ее остался голубым рисунком на снегу.

Дик пощелкал ногтем по стоякам.

— Легкая, — сказал он, — надо будет взять.

Никто не ответил ему. Марьяна с Олегом стояли поодаль и, запрокинув головы, разглядывали округлое брюхо корабля. Корабль казался совершенно целым, хоть сейчас лети дальше. И Олег даже представил себе, как он отрывается от котловины, поднимается все быстрее к синему небу и становится черным кружочком, точкой в синеве...

Усталости не было. Тело было легким и послушным, и нетерпение как можно скорее заглянуть внутрь чудо-

вища смешивалось со страхом навсегда исчезнуть — в замкнутой сфере корабля.

Олег перевел взгляд на аварийный люк. Сколько раз Старый повторял Олегу: «Аварийный люк не заперт, понимаешь, мы его только прикрыли. Ты поднимаешься к нему по лесенке и первым делом замеряешь уровень радиации. Ее быть не должно, шестнадцать лет прошло, но обязательно замерь. Тогда радиация была одной из причин, почему нам пришлось так спешно уходить, мороз и радиация. Сорок градусов мороза, системы отопления не функционируют, и радиационный фон — оставаться было нельзя. Хотя и идти тоже было нельзя — мы не знали, что сможем дойти до долины, где лес и где теплее».

Дик бродил вокруг корабля, переворачивая наконец-ником копыа пустые ящики и банки — там было много вещей, которые вытащили из корабля, но пришлось оставить.

— Ну что, — спросил Олег, — пойдем туда?

— Пойдем, — сказал Дик, поднял лестницу, приставил к люку.

Потом сам поднялся по ней, сунул в щель нож Томаса, нажал, нож сломался.

— Может, он защелкнулся? — спросила Марьяна снизу.

— Совсем ножей не осталось, — сказал Дик.

— Старый сказал, что люк открыт, — заметил Олег.

— Старый все забыл, — сказал Дик. — Разве можно верить старикам?

— Томас бы знал, что делать, — сказала Марьяна.

— Глупо, — сказал Дик. — Глупо замерзнуть здесь, под самым боком у этой махины.

Дик толкнул люк, ничего не получилось, ударил по нему кулаком, и Олегу показалось, что должен раздаться глубокий и долгой звон, но никакого звука не было. Олег, шевеля губами, хотя хорошо читал, отлично умел

читать, прочел врезанные в корпус золотые буквы «ПОЛЮС».

— Правильно, — сказал он, — «Полюс».

— Ты думал, что мы другой нашли? — сказал Дик и спрыгнул с лестницы вниз, в снег. — Надо подумать. Так ее не вскрыть.

Марьяна дрожала.

— Странно, — сказала она. — Не было холодно, а теперь стало холодно.

— Есть охота, — сказал Дик. — Там, наверно, еды до черта. В железных банках. Она не портится, Томас говорил.

Олег полез по лестнице наверх, к люку, достал, опершись одной рукой о ледяной металл корабля, счетчик радиации и приставил его к узкой щели. Стрелка чуть дрогнула, но до красной отметки не дошла, далеко не дошла. В котловине было очень тихо, он слышал не только разговор внизу, даже дыхание Марьяны.

— Жалко, что Томас не дошел, — сказала Марьяна. — Так жалко, ты не представляешь.

— Конечно, жалко, — сказал Дик. — Только он бы все равно не дошел. И мы бы из-за него не дошли.

— Не надо так говорить, — сказала Марьяна.

— Он мертвый, — сказал Дик. — Мертвые не слышат.

— Я не знаю, — сказала Марьяна. — Может, и слышат.

Олег нажал на дверь люка, и дверь не поддавалась. Как ее потянуть на себя?

— Не получается? — спросила Марьяна. Облака затянули солнце, и сразу стало темнее, привычнее.

— Погоди, — сказал Олег. — Почему мы тянем крышку на себя, почему толкаем как дома? А если дверь в корабле открывалась иначе?

— Спускайся, чего уж там, — сказал Дик. — Я камень принесу.

— Камнем не одолеешь, — сказал Олег. — Как может открываться дверь? Внутрь?

Дверца была немного утоплена в стене корабля, она уходила под обшивку. А что, если попробовать толкнуть ее вбок? Так не бывает, но если корабль летит, лучше, чтобы дверь сама случайно не открылась. Олег сказал Дику:

— Дай нож.

Тот кинул Олегу сломанный нож, сунул руки под мышки и принялся притоптывать: замерз. Даже он замерз. Пошел сухой снег. Они были одни во всем мире, они умирали от голода и холода, а корабль не хотел пускать их внутрь.

Олег вставил обломок ножа в щель и постарался толкнуть крышку в сторону. Та вдруг громко шелкнула и легко, словно ожидала этого, отошла вбок и исчезла в стене. Все правильно. Олег даже не стал оборачиваться и не стал кричать, чтобы все видели, какой он умный. Он решил задачу. Он любил решать задачи. Пускай задача была несложная, но ее другие решить не смогли. Олег заткнул нож за пояс и снова вынул счетчик радиации.

— Ой! — услышал он голот Марьяны. — Олег открыл!

— Это хорошо. Иди тогда, — сказал Дик. — Иди, чего стоишь?

Счетчик показал, что опасности нет. Все правильно.

— Там темно, — сказал Олег, — дайте факел.

Даже когда было очень холодно в последнюю ночь, они не стали сжигать факелы. К тому же факелы давали мало тепла, зато долго горели.

— Там тепло? — спросила Марьяна.

— Нет, — сказал Олег. Он принялся. В корабле сохранился чужой опасный запах. Ступить внутрь было страшно. Но Олег вдруг понял, что теперь он главнее Дика, что Дик страшнее. Дик шелкал кремнем, разжи-

гая факел. Факел занялся маленьким, почти невидимым в свете дня огнем. Дик поднялся до половины лестницы и передал факел Олегу. Но дальше не пошел. Олег принял факел и протянул руку внутрь. Впереди была темнота, под ногами начинался ровный шероховатый пол. Олег сказал громко, чтобы заглушить страх:

— Ну я пошел. Берите факелы. И за мной! Я буду ждать внутри.

Пол под ногами чуть пружинил, как будто кора живых деревьев. Но Олег знал, что пол неживой и что таких деревьев на Земле не бывает. Ему почудилось, что впереди кто-то подстерегает его, и он замер. Но потом понял, что так возвращается к нему отраженное чем-то эхо собственного дыхания. Олег сделал еще один шаг вперед, и свет факела, ставший ярче, осветил стену, круглящуюся кверху. Блестящую и светлую стену. Он дотронулся до стены. Стена была холодной.

Вот я и дома, подумал Олег. У меня есть дом — поселок. А есть еще один дом, который называется космический исследовательский корабль «Полюс», который мне тысячу раз снился и снился совсем не таким, каким оказался в самом деле. А я тут был. Я даже тут родился. Где-то у темной глубины корабля есть комната, в которой я родился.

— Ты где? — спросил Дик. Олег обернулся. Силуэт Дика почти заполнил собой проем люка.

— Иди сюда, не бойся, — сказал Олег. — Здесь никого нет.

— Был бы, давно бы замерз, — сказал Дик громко, голос его улетел по коридору. Олег протянул ему свой факел, чтобы Дик мог зажечь свой, потом подождал, пока Дик, уступив место Марьяне, зажжет ее факел.

С тремя факелами сразу стало светлее, только очень холодно. Куда холоднее, чем снаружи, потому что там был живой воздух, а здесь воздух мертвый. Коридор вскоре закончился дверью, но Олег уже знал, как ее

открыть, и Дик с Марьяной увидели, как он это делает, и поняли, что в действиях Олега появилась уверенность, еще не настоящая уверенность, но большее единство с кораблем, чем у них, которым корабль казался страшной пещерой, и если бы не голод, не страх перед ледяной пустыней, они бы остались снаружи. Дойди с ними до корабля Томас, все было бы иначе. Олег не мог взять на себя роль проводника и толкователя тайн, но лучше Олег, чем никого.

За дверью был круглый зал, такого они никогда не видели. В нем мог разместиться весь поселок. Несмотря на свет трех факелов, его потолок пропадал в темноте.

— Ангар, — сказал Олег, повторяя заученные слова Старого. — Здесь посадочные катера и другие средства. Но узел питания был выведен из строя при посадке. Это сыграло роковую роль.

— И вынудило команду и пассажиров идти по горам пешком, — закончила Марьяна.

Старый на уроках заставлял их заучивать наизусть историю поселка, начало этой истории, чтобы не забывалась. «Если у людей нет бумаги, они учат историю наизусть, — говорил он. — Без истории люди перестают быть людьми».

— «С огромными жертвами...» — продолжил Дик, но не договорил, замолчал. Здесь нельзя было говорить громко.

Перед ними, преградив путь, лежал цилиндр длиной метров десять.

— А, — сказал Олег, — это тот катер, который они вытянули из ангара на руках, но не успели, надо было уходить.

— Как холодно, — сказала Марьяна.

— Он в себе держит холод с зимы, — сказал Дик. — Куда дальше?

Дик признал главенство Олега.

— Здесь должна быть открытая дверь, — сказал Олег, — которая ведет в двигательный отсек. Только нам туда нельзя. Мы должны найти лестницу наверх.

— Как ты хорошо все выучил, — сказала Марьяна. Они снова пошли вдоль стены.

— Здесь должно быть много вещей, — сказал Дик. — Но как мы их понесем обратно?

— А вдруг те, кто здесь умер, ходят? — спросила Марьяна.

— Да кончай ты! Сейчас стукну, — сказал Дик.

— Разумеется, — Олег остановился.

— Что? Что ты увидел?

— Я догадался. Если загнуть концы у лестницы, то тогда ее можно нагрузить вещами и тащить за собой. Ну как на санях, которые сделал Сергеев.

— А я думала, ты увидел мертвеца, — сказала Марьяна.

— Я об этом тоже подумал, — сказал Дик.

— Первая дверь, — сказал Олег. — Туда нам не надо.

— Я загляну, — сказал Дик.

— Там наверняка радиация, — сказал Олег. — Старый предупреждал.

— Ничего она со мной не сделает. Я сильный, — сказал Дик.

— Радиация невидима, ты же знаешь. Ты же учился. — Олег пошел дальше, неся факел близко к стене. Стена была неровной. В ней были ниши, открытые панели с кнопками и холодно блестящими экранами.

А вот Томас был инженером, Томас понимал, что значат эти кнопки и какую силу они в себе несут.

— Столько всего настроили, — сказал Дик, все еще не примирившийся с кораблем, — а разбились.

— Зато они прилетели через небо, — сказала Марьяна.

— Вот эта дверь, — сказал Олег. — Отсюда мы по-

падем в жилые помещения и в навигационный отсек.

Как это всегда звучало: «навигационный отсек», «пульт управления». Как заклинания.

И вот он сейчас увидит навигационный отсек.

— А ты помнишь номер своей комнаты? — спросила Марьяна.

— Каюты, — поправил ее Олег. — Конечно, помню. Сорок четыре.

— Меня отец просил зайти и посмотреть, как все там. У нас сто десятая. А ты ведь родился на корабле?

Олег не ответил. Да вопрос и не требовал ответа. Но странно было, что Марьяна думает так же, как и он, странно, когда люди, которых ты считаешь не очень умными, вдруг думают о том же, что и ты.

Олег отвел в сторону дверь. И отпрянул.

Он забыл, что этого можно было ждать. Старый предупреждал, что в корабле может функционировать аварийное освещение, автономное, по принципу флюоресценции, то есть самосвечения. Есть такие краски, которые светятся многие годы. Такими красками покрашены некоторые коридоры и навигационный отсек.

Свет шел отовсюду и ниоткуда. И было светло. Достаточно, чтобы факелы как будто потухли, их свет был ненужен и невиден.

— Ой, — прошептала Марьяна, — а может, тут кто-то живет?

— Хорошо, что есть свет, — сказал Олег. — Мы сможем сберечь факелы.

— Как будто даже теплее, — сказала Марьяна.

— Это только кажется, — сказал Олег. — Но мы, наверно, найдем теплые вещи. И будем спать в комнате.

— Нет, — сказал Дик, который немного отстал и еще не вошел в светлый коридор. — Я не буду спать здесь.

— Почему?

— Я буду спать там, на снегу. Там теплее.

Олег понимал, что Дику страшно спать в корабле, но ему, Олегу, хотелось остаться здесь. Он не боялся корабля. Испугался сначала, когда было темно, но не сейчас. Это его дом.

— Я тоже не буду здесь спать, — сказала Марьяна. — Здесь есть тени тех, кто жил. Я боюсь.

Справа стена коридора отошла вглубь и была забрана прозрачным, как тонкий слой воды, материалом, и Марьяна вспомнила, что он называется стеклом. А за ним были зеленые растения. С зелеными маленькими листьями, таких зеленых листьев в здешнем лесу не бывает.

— Они не схватят? — спросил Олег.

— Нет, — сказала Марьяна, — они замерзли. А к тому же на Земле растения не кусаются, разве ты забыл, как нам рассказывала тетя Луиза?

— Это не так важно, — сказал Дик. — Пошли. Не вечно же гулять просто так. А вдруг тут нет еды?

Странно, подумал Олег, мне совсем не хочется есть. Я так давно не ел, а есть не хочется. Это нервы.

Через десять шагов они увидели еще одну нишу, но в ней стекло было разбито. Марьяна протянула руку, чтобы дотронуться до растения.

— Нельзя, — сказал Дик.

— Я знаю лучше, я их чувствую. А эти мертвые.

Она дотронулась до ветки, и листья рассыпались в пыль.

— Жалко, — сказала Марьяна. — Жалко, что нет семян, мы бы посадили их у поселка.

— Самое главное направо, — сказал Олег. — Направо будут склады. Давайте посмотрим, что там есть.

Они повернули направо. Посреди коридора лежал разорванный полупрозрачный мешок, и из него выкатилось несколько мягких белых банок — видно, когда люди бежали с корабля, мешок разорвался.

Это было странное, чудесное пиршество. Они вскрывали банки, Дик — ножом, а Олег догадался, что это можно делать без ножа, если нажать на край банки; они пробовали то, что было в банках и тубиках. И почти всегда это было вкусно и незнакомо. И банок было не жалко, потому что там были целые комнаты, полные ящиками и контейнерами, там были миллионы банок и всяких других продуктов. Они пили сгущенное молоко, но не было рядом Томаса, который сказал бы, что это молоко, они глотали шпроты, но не знали, что это шпроты, они выдавливали из тубиков варенье, которое казалось им слишком сладким, они жевали муку, не зная, что это мука. Марьяна расстраивалась, что они так напакостили и на полу грязно, но, правда, расстраиваться она начала, когда уже наелась, и дальше они открывали только новые банки и не трогали одинаковых.

Потом их потянуло в сон — глаза слипались, словно вся усталость последних дней навалилась на плечи. Но все же Олегу не удалось уговорить спутников остаться в корабле и спать в нем. Они ушли вдвоем, и Олег, как только их шаги стихли в коридоре, вдруг испугался и еле сдержался, чтобы не побежать за ними. Может, побежал бы, если бы не хотел так смертельно спать. Он лег на пол, раздвинув пустые банки, и проспал много часов, но время здесь, в корабле, не двигалось, его ничем нельзя было поймать. Олег спал без снов, без мыслей, глубоко и спокойно, куда спокойнее, чем Марьяна с Диком, потому что Дик даже в такой усталости несколько раз за вечер и за ночь просыпался и прислушивался — нет ли опасности. И тогда чутко просыпалась Марьяна, прятая голову на его груди. Они накрывались всеми одеялами и палаткой, и им было не холодно, потому что вечером пошел густой снег и завалил палатку, превратил в сугроб, и сквозь сон Дик, слышав-

ший, как шелестят снежинки, как ветер стучит в стену нависшего над ними корабля, думал, как хорошо, что идет снег и те звери, которые могут здесь водиться, их не заметят.

Олег проснулся раньше тех, кто спал снаружи, потому что замерз. Он долго прыгал, чтобы согреться, потом поел — это было удивительное чувство: не думать, хватит ли пищи — он давно не испытывал его. Немного болел живот, должен бы болеть сильнее, подумал Олег. Было стыдно глядеть на остатки пиршества, и Олег отодвинул в угол комнаты пустые и полупустые банки. Надо идти дальше, подумал он. Пойти позвать ребят? Нет, наверное, они еще спят — Олегу казалось, что его сон длился лишь несколько минут.

Он немного оглядится и тогда выйдет наружу и разбудит остальных. В корабле никого нет, давно никого нет, бояться нечего. Ведь скоро придется уходить обратно — через два-три дня перевал завалит снегом. А мы тут спим. Разве можно тут спать?

Олег как настоящий житель леса отлично ориентировался. Даже в корабле. Он не боялся заблудиться и потому спокойно пошел по пандусу, ведущему наверх, в жилые помещения. Он хотел найти сорок четвертую каюту. Его каюту.

Каюту с круглой табличкой 44 он нашел через час. Не потому что трудно было найти, просто он отвлекался в пути, потому что сначала попал в кают-компанию, где увидел длинный стол и где ему очень понравились установленные посредине хрустальные солонки и перечницы, и он даже положил их в мешок по штуке, подумал, что мать будет рада, если он принесет ей такие вещи. Потом он долго рассматривал шахматы — видно, при ударе коробка упала на пол и разбилась и фигуры рассыпались по ковру — ему никто не рассказывал о шахматах, и он решил, что это скульптуры неизвестных ему земных животных. И конечно, удивите-

лен был ковер — у него не было швов, значит, его выделали из шкуры одного животного. Какое же животное на Земле так велико и притом у него такие странные узоры на шкуре? Наверное, это морское животное. Эгли рассказывала, что самые большие животные обитают в море и называются китами. Только почему-то раньше Олег думал, что у китов гладкая шкура. Олег видел еще много чудесных и непонятных вещей, и к исходу часа, который потребовался, чтобы добраться до каюты сорок четыре, он был переполнен впечатлениями, но впечатления, накапливаясь, вызвали отчаяние от собственной тупости, от собственной неспособности разобраться в вещах и от того, что Томас не дошел до корабля и не может сказать зачем, почему, и было даже несправедливое раздражение против Томаса.

Перед дверью в сорок четвертую каюту Олег долго стоял, не решаясь открыть ее, хотя знал, что ничего особенного он там не увидит. И он даже понимал почему. Хоть мать говорила много раз и все говорили, что его отец погиб при крушении корабля, что он был в двигателем отсеке, где раскололся реактор, все равно ему почему-то казалось, что отец может быть там, что он мог потом, когда все ушли, думая, что он погиб, прийти в себя и добраться до каюты, и там уже замерзнуть. Почему-то Олег никогда не верил в смерть отца, и отец оставался живым, на корабле, ожидающим, несчастным. Может, это происходило от внутренней убежденности матери, что отец жив. Это был ее кошмар, ее болезнь, которую она тщательно скрывала от всех, даже от сына, но сын об этой болезни отлично знал.

Наконец Олег заставил себя отодвинуть дверь. В каюте было темно. Стены ее были покрыты обычной краской. Пришлось задержаться, зажечь факел, и глаза не сразу привыкли к полутьме. Каюта состояла из двух комнат. В первой стоял стол, диван, здесь ночевал отец,

во второй, внутренней, комнате жила мать с ним, с Олегом, с маленьким младенцем.

Каюта была пуста. Отец не вернулся в нее. Мать ошиблась.

Но Олега ждал иной сюрприз, иное потрясение, выражение того конца времени, той паузы, в которой жил корабль с момента, как люди покинули его, и до того дня, когда к нему вернулся Олег.

В маленькой комнате стояла детская кроватка. Он сразу понял, что это сооружение с расстегнутыми и висящими по сторонам ремнями, мягкое, как бы висящее в воздухе, предназначено для маленького ребенка. И вот почему-то недавно, минуту назад, ребенка унесли отсюда в спешке, даже оставили один очень маленький розовый носок и погремушку, разноцветную погремушку. Олег, еще не осознав до конца, что встретился с самим собой в этом заповеднике остановившегося времени, поднял погремушку и взмахнул ею, и именно в этот момент, услышав звук погремушки и, как ни странно, узнав его, он осознал реальность корабля, реальность этого мира, более глубокую и настоящую, чем реальность поселка и леса. В обычной жизни нельзя встретиться с самим собою. Вещи исчезают, а если что-то и останется, то останется как память, как сувенир. А здесь, в петле, прикрепленной к бортику кровати, висела недопитая бутылочка с молоком, молоко замерзло, но молоко можно было растопить и допить.

И, увидев себя, встретившись с собой, осознав и пережив эту встречу, Олег принялся искать следы двух других людей, бывших здесь по ту сторону остановившегося времени, — отца и матери.

Мать найти было легче. Она бежала отсюда, унося его, Олега, поэтому на ее кровати в глубине каюты валялся скрученный, смятый, сорванный с себя второпях халат. Мягкая туфля высывалась из-под кровати, книга, заложенная листком бумаги, лежала на подушке.

Олег поднял книгу, осторожно, боясь, не рассыплется ли она, как то растение в коридоре. Но книга отлично перенесла мороз. Книга называлась «Анна Каренина» и была написана Толстым. Это была толстая книга, а на закладке были набросаны формулы — мать была химиком-теоретиком. Олег никогда не видел почерка матери, потому что в деревне не на чем было писать, он никогда не видел книги, потому что книг в тот момент никто не брал с корабля, Олег слышал имя писателя на уроках тети Луизы, но не думал, что писатель может написать такую толстую книгу. Олег взял книгу с собой. И он знал: как бы ни было тяжело идти назад, он книгу донесет. И этот листочек с формулами. И потом, подумав, он положил в мешок туфли матери. Они казались очень узкими для разбитых, старых ног матери, но пускай они у нее будут.

А следы отца, хоть и были вещественны и очевидны, почему-то не произвели на Олега такого впечатления, как встреча с самим собой. Это случилось потому, что отца в тот момент, когда корабль разбился, не было. Он ушел раньше. Он ушел на вахту, убрав за собой, отец был аккуратным человеком, не терпел беспорядка. Его книги стояли в ряд на полке за стеклом, его вещи висели в стенном шкафу... Олег вынул из шкафа мундир отца. Наверное, он не надевал его на корабле, мундир был совсем новым, синим, плотным, с двумя звездочками на груди, над карманом куртки, с тонким золотым лампасом на узких штанах. Олег вынул мундир из шкафа и приложил к себе — мундир был немного великоват. Тогда Олег надел куртку поверх своей, и она стала впору, только пришлось чуть подогнуть рукава. Штаны он завернул снизу. И это было удобно. И в этом не было неправильности. Ведь если бы отец жил в деревне и ходил в этом мундире, он разрешил бы Олегу иногда надевать его.

Теперь корабль окончательно принадлежал Олегу.

Даже вернувшись в лес, он всегда будет тосковать по кораблю и стремиться обратно сюда, как стремится Старый и как стремился Томас. И в этом тоже не было ничего плохого, в этом была победа Старого, который не хочет, чтобы те, кто растет в деревне, стал частью леса. Теперь Олег окончательно понял, как и почему думал Старый, и слова его приобрели смысл, осознать который можно было только здесь.

Олег догадался откинуть крышку стола, там с внутренней стороны оказалось зеркало. Олегу приходилось видеть себя в отражении в тихом пруду и в маленьком зеркальце, которое Кристина берегла как самую главную ценность. Но в большом зеркале он не видел себя никогда. И, глядя на себя, он осознавал раздвоение, но это раздвоение не было противоестественным — ведь там, за открытой дверью, только что был он, Олег годовалый, он даже не допил молоко. А теперь он стоит перед зеркалом в мундире отца. Хотя он сейчас совсем непохож на отца, потому что кожа его была обморожена, лицо обветрено, обтянуто темной кожей с ранними морщинами от недоедания и жестокого климата, но он все-таки вырос, вернулся, надел мундир и стал членом экипажа корабля «Полюс».

В письменном столе он нашел записную книжку отца, половина страниц в ней была пустой, не меньше ста пустых белых листков, целое сокровище для Старого. Можно будет учить ребят, рисуя на бумаге разные вещи, чтобы они видели и понимали, потому что им надо будет, как подрастут, обязательно вернуться к кораблю. И еще он нашел там несколько объемных цветных картинок, фотографий с видами земных городов, и тоже взял с собой. Некоторые другие вещи были непонятны, их Олег трогать пока не стал — он понимал, что возвращение к поселку будет трудным. Но одну вещь он взял, потому что сразу догадался, что это такое, и понял, как будет счастлив Сергеев и как будет счастлив Вайткус,

который рисовал ему эту вещь на влажной глине и много раз повторял: «Я никогда не прощу себе, что никто из нас не взял бластера. Ни один человек». — «Ты зря казнишься, — отвечал Старый, — для этого надо было возвращаться на мостик, а там была смертельная радиация». Оказывается, бластер лежал у отца в столе.

Рукоять надежно легла на ладонь.

И чтобы проверить, есть ли в бластере заряд, он напавил его на стену и нажал на спуск — из бластера вылетела молния и опалила стену. Олег зажмурился, и еще с минуту после этого в глазах прыгали искры. И Олег вышел в коридор с бластером в руке, и теперь он был не только хозяином корабля, но теперь он получил возможность говорить с лесом не как проситель. Нас не трогайте. Нас не трогайте...

В коридоре Олег остановился в раздумье. Хотелось пойти в навигационный отсек или в узел связи, но разумнее вернуться на склад, потому что, если Дик с Марьяной пришли туда, они будут волноваться.

Олег быстро прошел обратно, но склад был пуст. Никто туда не заходил. Ну что ж, пойдем разбудим. К тому же, хоть Олег в этом себе не признавался, хотелось показаться им в мундире космонавта, хотелось сказать: «Вы проспите все на свете. А нам пора улетать к звездам...»

Олег не тушил факела даже в освещенном коридоре, на этот раз он пересек ангар напрямик, путь назад оказался куда короче, чем вчера, он уже привык к кораблю. Впереди показался яркий свет — люк наружу был приоткрыт. Они его забыли закрыть. Хотя это здесь неважно, на такой высоте в снегу вряд ли водятся звери, что им тут делать?

Олег зажмурился и постоял так с минуту, пока глаза привыкли к солнечному свету. Солнце стояло высоко, ночь давно прошла. Олег раскрыл глаза и испугался.

Никаких следов Дика и Марьяны — снег за ночь сровнял и сгладил вчерашние следы — снег без единого темного пятна.

— Эй!! — сказал Олег. Негромко. Тишь стояла такая, что страшно было ее разбудить.

И тут же Олег заметил, как что-то белое зашевелилось метрах в двадцати от корабля.

Там был невысокий пологий снежный холм. И зверь, белый, почти сливающийся со снегом, какого раньше Олегу не приходилось видеть, похожий на ящерицу, только мохнатую, длиной метра в четыре, осторожно, словно боясь спугнуть добычу, разрывал этот холм. Олег как зачарованный глядел на зверя и ждал, что будет дальше, он не связал белый сугроб с ночевкой Дика и Марьяны. Даже когда лапы зверя разгребли снег и там показалось темное пятно покрывала палатки, он все равно стоял неподвижно.

Но в этот момент проснулся Дик, он сквозь сон услышал, как ворочается над ними зверь, и его нос уловил чужой опасный запах этого зверя. И Дик, выхватив нож, рванул из-под палатки, но запутался в одеялах. Олегу показалось, что снежный сугроб внезапно ожил, взметнулся вверх столбом снега, ожившей, рвущейся наружу кучей шкур, а зверь, ничуть не испуганный этим взрывом, а, наоборот, убедившийся в том, что не ошибся, раскапывая добычу, сцапал когтистыми лапами комок шкур и старался придавить к земле, придушить, рыча и радуясь добыче.

Олег, лесной житель, нащупывал рукой у пояса нож и примеривался для прыжка, глазами уже пытаясь угадать, где у этого белого зверя уязвимое место, куда надо вонзить нож, а Олег, житель корабля и сын механика, вместо ножа выхватил бластер, но стрелять отсюда, сверху, издали не стал, а спрыгнул в снег и бросился к зверю, сжимая в руке оружие. Зверь, увидев его, поднял морду и зарычал, отпугивая Олега, видно, при-

няв его за конкурента, и тогда уж без опаски попасть в Дика Олег остановился и всадил в оскаленную морду заряд бластера.

* * *

Пока Дик с Марьяной, пообедав и обойдя корабль, стаскивали к выходу то, что надо взять с собой, Олег забрался на самый верх, в навигационный отсек. Он звал Дика с собой, но тот не пошел — ему достаточно было добычи. Не пошла и Марьяна — Олег показал ей, где находится госпиталь, и она отбирала лекарства и инструменты, которые описала ей Эгли. А надо было спешить, потому что снова пошел снег и заметно похолодало. Еще день, и из гор не выбраться — снег будет идти много дней, и морозы упадут до пятидесяти градусов. Так что Олег оказался в навигационном отсеке.

Он постоял несколько минут в торжественном окружении приборов в центре корабля, создание которого было немыслимым подвигом миллионов умов и тысяч лет человеческой цивилизации. Но Олег не испытывал ни ужаса, ни безнадежности. Он знал, что теперь поселок по крайней мере для него, Олега, превратится из центра вселенной во временное убежище на те годы, пока корабль не станет истинным домом, пока они не поймут его настолько, чтобы с его помощью найти способ сообщить о себе Земле. И для этого надо, старшие тысячу раз обсуждали это, восстановить аварийную связь. Пускай не сегодня, пускай через много лет, потому что этому надо научиться. И Олег вошел в радиоотсек, потому что Старый сказал ему, где искать справочники и инструкции по связи, те, которые надо понять прежде, чем умрет Старый и умрет Сергеев, которые могут помочь ему, Олегу, и тем, кто придет вслед за Олегом.

В радиоотсеке было полутемно. Олег не сразу отыс-

кал ящик с инструкциями. Он вынул справочники, их оказалось много, и неизвестно, какой нужнее. Но Олег знал, что он скорее выкинет туфли матери, чем эти книги. Он рад бы взять с собой какие-нибудь детали, инструменты, которые пригодятся, но понимал, что это придется отложить до следующего раза, когда он будет понимать смысл этих экранов и панелей.

И тут внимание Олега привлекло слабое мерцание в углу на панели, полуприкрытой креслом оператора. Олег осторожно, словно к дикому зверю, подошел к тому месту.

На панели равномерно вспыхивал зеленый огонек. Вспыхивал и гас.

Олег попытался заглянуть за панель, чтобы понять, почему это происходит, но не удалось. Он уселся в кресло оператора и начал нажимать на кнопки перед панелью. Тоже ничего не произошло. Огонек все так же мерцал. Что это означает? Почему огонек? Кто оставил его? Кому он нужен? Рука Олега дотронулась до ручки, которая легко подалась и сдвинулась вправо. И тогда из-за тонкой решетки рядом с огоньком донесся тихий человеческий голос:

— Говорит Земля... Говорит Земля... — Затем раздался писк в такт мерцанию огонька, и в писке был какой-то непонятный смысл. Через минуту голос повторил: — Говорит Земля... Говорит Земля...

Олег потерял ощущение времени. Он ждал снова и снова, когда раздастся голос, которому он не мог ответить, но который связывал его с будущим, с тем моментом, когда он ответить сможет.

Его вернул к действительности звоночек наручных часов — часов, которые нашел в своей каюте Дик и отдал ему. Часы звенели через каждые пятнадцать минут. Может, так было нужно. А может, они были неисправны.

Олег поднялся, сказал голосу Земли:

— До свидания.

И пошел к выходу из корабля, волоча полмешка справочников, в которых не понимал ни единого слова.

Дик с Марьяной уже ждали его внизу.

— Я за тобой собирался, — сказал Дик. — Ты что, хочешь здесь насовсем остаться?

— Я бы остался, — сказал Олег. — Я слышал, как говорит Земля.

— Где? — воскликнула Марьяна.

— В радиоотсеке.

— Ты ей сказал, что мы здесь?

— Они не слышат. Это какой-то автомат. Ведь связь не работает. Разве ты забыла?

— А может, теперь заработала?

— Нет, — сказал Олег, — но обязательно заработает.

— Ты это сделаешь?

— Вот, — сказал Олег, — это все книги. И я их выучу.

Дик скептически хмыкнул.

— Дик, Дикушка, — взмолилась Марьяна, — я только сбегая туда и послушаю голос. Это быстро. Пойдем вместе, а?

— Кто все это будет тащить? — спросил ворчливо Дик, глядя на мешок с книгами. — Ты знаешь, сколько снега на перевале?

Он уже снова чувствовал себя главным. Из-за пояса у него торчала рукоять бластера. Но арбалет он, разумеется, не бросил.

— Дотащу, — сказал Олег и бросил мешок на снег. — Пошли, Марьяшка. Ты послушаешь голос. Тем более что я, конечно, забыл самое главное. В госпитале есть небольшой микроскоп?

— Да, — сказала Марьяна, — даже не один.

— Ладно, — сказал Дик, — тогда я схожу с вами.

Они втроем впряглись в сани и волокли их сначала вверх по крутому склону котловины, потом по плоскогорью, потом вниз. Шел снег, и идти было очень трудно. Но было не холодно. И было много еды. Пустые банки они не выкидывали.

На четвертый день, когда начали спускаться по ущелью, где тек ручей, они вдруг услышали знакомое блеяние.

Коза лежала под скальным навесом у самой воды.
— Она нас ждала! — закричала Марьяна.

Коза исхудала так, что, казалось, вот-вот помрет. Три пушистых козленка возились у ее живота, стараясь добраться до сосков.

Марьяна быстро откинула покрывало на нартах и стала искать в мешках, чем накормить козу.

— Смотри не отрави ее, — сказал Олег. Коза показала ему очень красивой. Он был рад ей. Почти как Марьяна. И даже Дик не сердился, он был справедливым человеком.

— Молодец, что от меня убежала, — сказал он. — Я бы тебя наверняка убил. А теперь мы тебя запрежем.

Правда, запрежь козу не удалось. Надувая хобот, она вопила так, что тряслись скалы, к тому же козлята тоже оказались крикливыми созданиями и переживали за мать.

Так и шли дальше: Дик с Олегом волокли нарты, Марьяна поддерживала их сзади, чтобы не опрокинулись, а последней шла коза с детенышами и канючила — ей вечно хотелось есть. Даже когда спустились к лесу и там были грибы и корешки, она все равно требовала сгущенного молока, хотя так же, как и путешественники, не знала еще, что эта белая сладкая масса называется сгущенным молоком.

СОДЕРЖАНИЕ

Царицын ключ	5
Белое платье Золушки	155
Перевал	235

ИБ № 3648

Кир Булычев

ПЕРЕВАЛ

Рецензент Н. Горбачев
Редакторы В. Фалеев, Т. Журавлева
Художник Н. Сошинская
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор В. Пилкова
Корректоры Г. Трибунская, Н. Самойлова, А. Долидзе

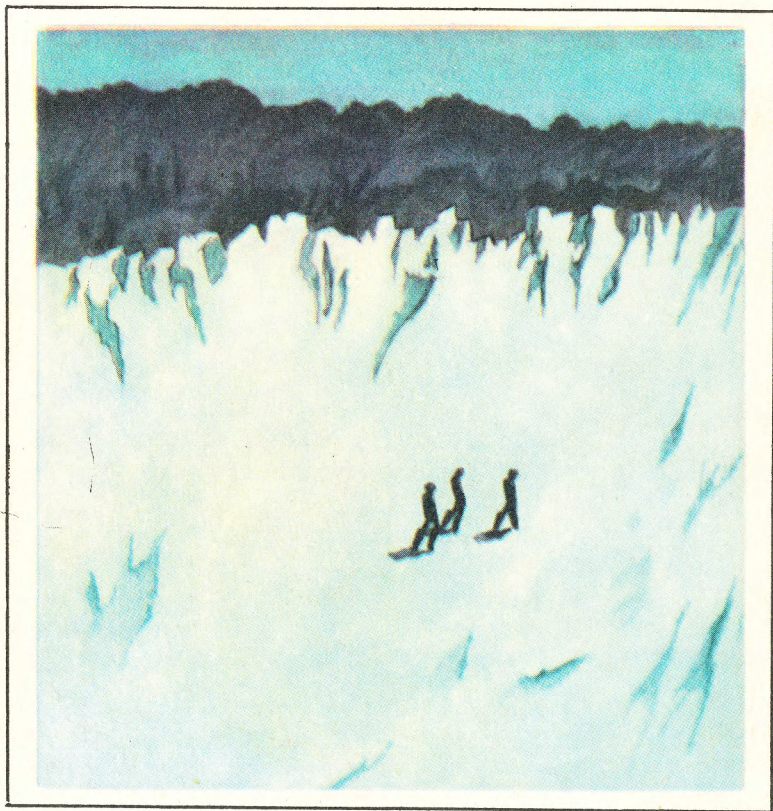
Сдано в набор 11.11.82. Подписано в печать 11.03.83. А00056.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,4. Учетно-
изд. л. 15,8. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Заказ 1960.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 10 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ ПЕРЕВАЛ